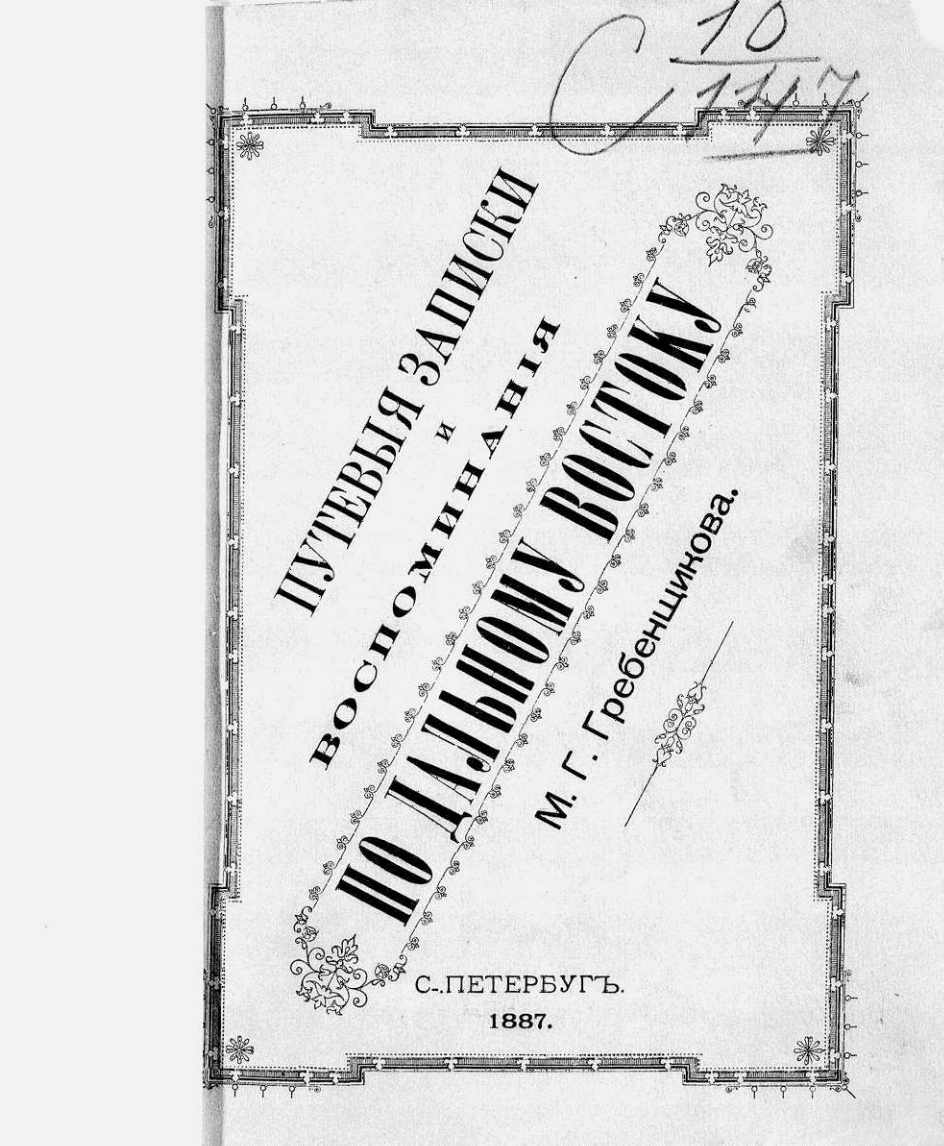

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ
и
ВОСПОМИНАНІЯ
ПО ДАЛЬНОМУ ВОСТОКУ

М. Г. Гребенщикова.

С.-ПЕТЕРБУГЪ.
1887.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

и

ВОСПОМИНАНІЯ

ПО ДАЛЬНОМУ ВОСТОКУ

М. Г. Гребенщикова.

С.-Петербургъ.
Типографія Я. И. Либермана, Вознесенскій пр., № 30—4.
1887.

НА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМЪ ПАРОХОДѢ.

Изъ оконъ грязноватаго номера виднѣлась бѣлая труба парохода, который долженъ былъ увезти меня на слѣдующій день изъ Европы; съ улицы доносился шумъ большаго портоваго города. Но и пароходъ и этотъ шумъ мало привлекали мое вниманіе: мысли мои витали на сѣверѣ, подъ вѣчно-хмурымъ небомъ Петербурга, среди друзей и знакомыхъ. Да и какое дѣло было мнѣ, журнальному работнику, до Одессы, обдавшей меня сразу какой-то атмосферой торгашества и наживы? Правда, политическая экономія учитъ, что торговля — весьма сильный двигатель въ народномъ хозяйствѣ; но и этотъ догматъ, зазубренный еще на школьной скамьѣ, плохо мирилъ меня съ красавицей юга, упавшей въ объятія толстаго кармана, мѣшка, набитаго золотомъ. Прогуливаясь по городу, я не могъ не замѣтить, что университетъ загнанъ куда-то въ переулокъ, библіотека и музей какъ-бы подавляются огромною биржею, а мировой съѣздъ помѣщается чуть-ли не на заднемъ дворѣ.

Чисто машинально продолжалъ я глядѣть на безконечную даль моря, непривѣтливаго и бурливаго. И невольно рождался вопросъ: что-то тамъ, за этими темными волнами, ожидаетъ меня? Чувство одиночества и тоски по родинѣ мало по малу смѣнилось желаніемъ переплыть безконечную даль и увидать то, что скрывается за нею. Такова ли она, какъ ее описываютъ ученые и неученые путешественники? Вѣдь вотъ Одесса оказалась совершенно иною, чѣмъ я представлялъ ее себѣ на основаніи всякихъ описаній. Отчего не предположить, что и Константинополь, и Коломбо, и Нагасаки не таковы, какъ ихъ рисуютъ путешественники? Я увѣренъ, что послѣдніе не лгутъ, а лишь даютъ своимъ описаніямъ субъективную окраску. Оно иначе и быть не можетъ: одинъ и тотъ же предметъ будетъ казаться не одинаковымъ поэту, естествоиспытателю, соціологу и воину, и въ каждомъ изъ нихъ вызоветъ совершенно различныя мысли. И это отлично: какъ въ стереоскопѣ двѣ картины, снятыя съ двухъ различныхъ сторонъ, даютъ рельефъ и перспективу дѣйствительности, такъ и одно только разнообразіе описаній способно создать въ умѣ читателя болѣе или менѣе вѣрное представленіе о предметѣ.

Эти размышленія привели меня къ тому заключенію, что и я бы могъ вести путевыя замѣтки, которыя могли бы имѣть кое-какой смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ: ѣду я

на русскомъ переселенческомъ пароходѣ: —ужъ одно это само по себѣ представляетъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ эти пароходы—новость у насъ въ Россіи, нигдѣ и ни кѣмъ не описанная, если не считать оффиціальныхъ отчетовъ тѣхъ чиновниковъ, которые сопровождаютъ переселенцевъ. Придя разъ къ возможности экскурсіи въ область географіи, я запасся тетрадью, страницы которой и представляю на судъ читателей.

I.

Еще нѣсколько часовъ и прощай родина, можетъ быть, на долгіе годы. Невольно становится жутко и подбодряетъ только совершенно спокойный видъ моихъ спутниковъ, переселенцевъ изъ Черниговской губерніи въ Южно-Уссурійскій край. Не привѣтлива была, вѣроятно, къ нимъ эта Черниговская губернія, которую они покинули навсегда для невѣдомой „закитайщины“, какъ они выражаются. А можетъ быть это спокойствіе происходитъ просто отъ привычки русскаго мужика, какъ и мужика большей части другихъ народовъ, къ переселеніямъ. Но не смотря на это внѣшнее спокойствіе, переселенцы представляютъ довольно таки жалкій видъ въ своихъ изодранныхъ и заплатанныхъ полушубкахъ, неуклюжихъ сапогахъ, съ испитыми у большинства лицами. Видимо они еще хорошо не освоились съ паро-

ходомъ и какъ-то безцѣльно снуютъ взадъ и впередъ по палубѣ, мѣшая матросамъ и рабочимъ, оканчивающимъ нагрузку.

Если эмигранты спокойно покидаютъ родину, то и послѣдняя не особенно ласково ихъ провожаетъ: мелкій дождь напоминаетъ петербургскую осень, а холодный вѣтеръ такъ и пронизываетъ насквозь. Волны въ безсильной злобѣ бьются о каменный молъ, напоминая звѣрей, запертыхъ въ клѣткѣ.

Ни дождь, ни вѣтеръ однако же не мѣшаютъ двумъ чиновникамъ бѣгать по палубѣ въ однихъ мундирчикахъ... Но Богъ съ ними: они одинаковы и въ Одессѣ, и въ Петербургѣ, и во Владивостокѣ... Молебенъ отслуженъ, власти уѣхали въ городъ, и мы снимаемся съ якоря при крикахъ „ура" толпы зѣвакъ, которыми усѣянъ молъ. Вѣтеръ крѣпчаетъ. Пароходъ все больше и больше раскачивается своимъ громаднымъ корпусомъ. Надо бѣжать въ каюту и ложиться въ койку. Послѣ Бернанда не стоитъ и описывать морскую болѣзнь, которую онъ такъ живо и съ такимъ юморомъ изобразилъ со всѣми мученіями, причиняемыми ею новичку, переплывающему впервые море. „Вотъ тебѣ и путевыя замѣтки",—думаешь, укутываясь въ пледъ,—„да тутъ и двухъ строкъ не напишешь!" Но нѣтъ того мученія, которое бы не имѣло конца — наступаетъ конецъ и качкѣ. Послѣ полуторасуточнаго подражанія доктору

Таннеру, совершенно впрочемъ невольнаго, съ особенною жадностью накидываешься на кофе и хлѣбъ со сливочнымъ масломъ.

— Господа, Константинополь виденъ! объявляетъ мой спутникъ—агрономъ, ѣдущій на Сахалинъ.

Очутиться на палубѣ съ биноклемъ въ рукахъ—дѣло одной минуты. Виденъ же, однако, собственно не Константинополь, а пока еще Босфоръ и его укрѣпленія. Съ военной точки зрѣнія, послѣднія, можетъ быть, и очень даже грозны, но на штатскій глазъ — это земляные валики съ пушками, прикрывающіе казармы и мечети съ довольно мизерными минаретами. Идемъ дальше, и предъ нашими глазами открывается безконечная панорама домовъ, расположенныхъ амфитеатромъ по уступамъ горъ, загородныхъ дворцовъ (между которыми виднѣется и русское посольство съ двуглавыми орлами), мечетей и мрачныхъ кипарисовъ. Тѣ, кто восторгается видомъ Константинополя съ моря, ничуть не преувеличиваютъ: видъ дѣйствительно чудесный, даже въ мартѣ мѣсяцѣ, когда большинство деревьевъ— еще безъ листьевъ. Петербуржецъ не привыкъ ни къ такимъ яркимъ краскамъ, ни къ такому безпорядку. Тутъ ужъ никакой щедринскій градоправитель, перестроившій Глуповъ, не былъ бы въ состояніи придать улицамъ казарменный видъ, да и какія улицы мыслимы на горахъ! Сахалинскій агрономъ приходитъ въ окон-

чательный восторгъ и заражаетъ имъ и меня: кажется, что видишь какой-то волшебный сонъ, ощупываешь себя, свою шведскую куртку—нѣтъ, это не сонъ, это самая „заправская“ дѣйствительность. Вотъ показались куполъ и минареты св. Софіи, за ними выдвигаются изъ туманной дали Османіе, Валиде и десятки другихъ мечетей. Мы вошли въ Золотой Рогъ, оставивъ съ права роскошный Долма-Бакче, а езади Скутари.

— Стопъ! раздается команда.

Пароходъ остановился. Десятки лодчонокъ снуютъ около бортовъ, и, вслѣдъ за турецкимъ докторомъ, изъ нихъ на палубу вылѣзаетъ цѣлая армія гидовъ, лодочниковъ и продавцовъ всякой всячины, ожидающихъ, что въ ихъ карманъ перепадетъ одинъ-другой русскій рубль. Впрочемъ, они съ радостью принимаютъ и русскіе пятаки. Приходится отбиваться чуть не силой отъ всѣхъ этихъ грековъ и турокъ, научившихся гдѣ-то на нашу погибель русскому языку. Волей-неволей, а приходится принять услуги, въ качествѣ гида, одного сѣдовласаго потомка аѳинянъ или спартанцевъ, которыхъ, впрочемъ, онъ ничѣмъ не напоминаетъ. Четверть часа плаванія по Золотому Рогу—и мы на пристани въ Галатѣ, охваченные сразу сутолокой столицы востока. Нельзя сказать, чтобы воздухъ въ этой части города былъ особенно ароматиченъ: наша Сѣнная и московскій Охотный рядъ — изящные будуары по сравненію съ нѣ-

которыми переулками и улицами: такая царитъ въ нихъ вонь! Но ее скоро позабываешь, глядя на пеструю толпу торговцевъ, носильщиковъ, нищихъ, дервишей, турецкихъ офицеровъ, негровъ и матросовъ всѣхъ странъ свѣта. Изъ Пантелеймоновскаго подворья выбѣжалъ бѣлокурый послушникъ, какихъ сотни разсѣяны по русскимъ монастырямъ, и юркнулъ съ бутылкою въ рукахъ въ какую-то лавчонку. Странною кажется его курская или калужская фигура среди окружающей обстановки и намъ-то даже особенно мила. Мы просто теряемся отъ шума и гама: одинъ предлагаетъ почистить сапоги, другой суетъ свѣжія французскія газеты, третій просто клянчитъ милостыню.

— Гдѣ бы купить намъ фотографическихъ видовъ? — спрашиваемъ мы нашего гида.

— Въ Перѣ, въ Перѣ! Вы тамъ все достанете: и „секретныя“ карточки, и что вамъ угодно, — восклицаетъ потомокъ героевъ Мараѳона и тащитъ насъ на станцію гидравлической желѣзной дороги, соединяющей, посредствомъ туннеля, Галату съ европейскимъ кварталомъ.

Нѣсколько минутъ потемокъ, — и мы въ Перѣ. Улицы довольно узки, и пѣшеходамъ поминутно приходится жаться къ стѣнамъ, чтобы дать дорогу каретѣ или коляскѣ, но содержатся чисто; дома — европейской архитектуры, а нѣкоторые магазины не уступятъ луч-

шимъ магазинамъ Невскаго и Большой Морской. Толпа здѣсь нѣсколько иная: преобладаетъ европейскій костюмъ; немало попадается красивыхъ гречанокъ и француженокъ, шныряютъ іезуиты въ шляпахъ a la донъ-Базиліо. Обозрѣвъ главную улицу и нагрузивъ нашего чичероне всякими покупками, мы начинаемъ чувствовать аппетитъ, который и удовлетворяемъ въ ресторанѣ „Византія", гдѣ за девять рублей намъ подаютъ четыре порціи: свѣжихъ омаровъ, плова, котлетъ, фруктовъ и бутылку настоящаго бургонскаго вина. Если принять во вниманіе, что мы пришли съ гидомъ, который успѣлъ уже перемигнуться съ буфетчикомъ, то это не особенно дорого.

Опять туннель, опять Галата, и мы у Золотаго Рога. Уплативъ по мелкой монетѣ сторожу въ длинной бѣлой рубахѣ, мы получаемъ право перейти по деревянному мосту въ Стамбулъ. Не безъ страха ступаешь по истертымъ, дырявымъ доскамъ, глядя на толпу всадниковъ и пѣшеходовъ, на коляски и фіакры, катящіеся по этому ветхому сооруженію, подъ которымъ кипитъ не меньшая жизнь: снуютъ пароходики — „шайтаны", поддерживающіе сообщеніе съ азіатскимъ берегомъ, лодки и нагруженные барки и каики. Чумазый мальчуганъ, заслышавъ русскую рѣчь, протягиваетъ ручонку и совершенно чисто произноситъ: „дай денегъ — я не ѣлъ!" Русскій языкъ далеко не рѣдкость въ столицѣ Турціи: во французскомъ книжномъ магазинѣ прикащикъ заговорилъ со мной на самомъ правильномъ русскомъ языкѣ и тотчасъ-же предложилъ женевскія и лондонскія подпольныя изданія.

Въ Стамбулѣ садимся въ миніатюрный вагончикъ конно-желѣзной дороги и катимъ въ Софійскую мечеть. Стамбулъ не похожъ ни на Галату, ни на Перу: здѣсь и дома иные, съ рѣшетками гаремовъ; на каждомъ шагу фонтаны, минареты и на самыхъ бойкихъ улицахъ — кладбища. Снуютъ въ зеленыхъ чалмахъ муллы, софты, улемы, идутъ турчанки въ чадрахъ и яркихъ платьяхъ. Заглядываю подъ кисейныя чадры, но у молодыхъ удается лишь разсмотрѣть порою дѣйствительно чудные черные глаза; что касается до пожилыхъ и старухъ, то онѣ могли-бы, безъ убытка для любопытныхъ, кутаться еще плотнѣе.

Вотъ и Софія — этотъ предметъ скорби для всѣхъ алчущихъ овладѣть Константинополемъ. Снаружи знаменитый соборъ порядкомъ таки обезображенъ турецкими пристройками, но внутри дѣйствительно величественъ и производитъ большое впечатлѣніе. Турки тщательно истребили всѣ слѣды христіанскаго культа, заштукатуривъ даже мозаику куполовъ. Странно, прохаживаясь подъ высокими сводами древней христіанской святыни, я не испытываю никакого негодованія на то, что она въ рукахъ магометанъ, а не грековъ. Многимъ ли въ сущности Византія отличалась отъ побѣдившаго ее маго-

метанскаго міра? Тотъ же фанатизмъ, такъ рѣзко выразившійся въ александрійскихъ убійствахъ, тотъ же застой, тотъ же деспотизмъ. Недаромъ византійское вліяніе стало синонимомъ неподвижности и чего-то въ высшей степени мрачнаго, мертвящаго, убивающаго всякое живое біеніе общественной жизни. Исторія даже послѣднихъ дней показываетъ, что такое были греки и греческое духовенство — стоитъ только припомнить гнетъ послѣдняго надъ болгарскою церковью.

Но тѣмъ не менѣе въ этой древней христіанской святынѣ чувствуешь что-то совершенно особенное, какое-то дѣйствительное благоговѣніе. Многое, очень многое видѣли эти стѣны: и Византійскихъ Императоровъ, и пословъ Владиміра Святаго, и крестоносцевъ и грозныхъ султановъ. О чемъ только не возсылались въ этихъ стѣнахъ мольбы къ Создателю. Мнѣ невольно припоминается легенда о томъ, что настанетъ день и изъ замуравленной двери выйдетъ со святыми дарами тотъ самый служитель церкви, который, по преданію, скрылся въ нее, когда въ соборъ ворвались невѣрные и осквернили святую Софію. Выйдетъ священникъ и докончитъ прерванное таинство евхаристіи. Чудная, поэтичная легенда! Я понимаю, что, вѣря ей, можно горячо желать, чтобы, какъ можно скорѣе, опять эти высокіе своды огласились призывомъ: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“.

Пока мы разсматривали древнюю святыню, муллы, не обращая на насъ никакого вниманія, поучали, сидя на тюфякахъ съ развернутыми коранами на колѣняхъ, своихъ немногочисленныхъ слушателей, сидѣвшихъ и лежавшихъ на цыновкахъ въ довольно живописныхъ позахъ. Окончивъ осмотръ, мы собираемся уходить. Одинъ изъ правовѣрныхъ предлагаетъ хрустально чистой воды изъ источника, служащаго для омовеній.

— Хорошъ? спрашиваетъ насъ, когда мы напились.

— Якши, біюкъ якши! отвѣчаю я.

Взглянувши еще разъ на дѣйствительно величественный храмъ и купивъ нѣсколько кусочковъ мозаики на память, мы торопимся на пароходъ.

— Мы снимаемся завтра, въ четыре часа пополудни, встрѣчаетъ насъ радостною вѣстью командиръ, послѣ чего я, конечно, отправляюсь ночевать на берегъ.

Прежде всего, ѣду занять номеръ въ „Византіи“. Гулять поздно, въ театръ идти рано, и потому спускаюсь въ общую гостинную почитать газеты. Но, увы! скоро мое спокойствіе нарушается вторженіемъ цѣлой компаніи англичанъ. Три миссъ ничуть не похожи на тѣхъ красавицъ, которыхъ обыкновенно изображаютъ лондонскія иллюстраціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаютъ и тотъ предразсудокъ, будто всѣ англичанки сухопары. Что касается до мамаши, то она можетъ поспорить дородностью съ любой замоскворѣцкой купчихой. До притор-

ности чистоплотный джентельменъ съ классическимъ проборомъ на затылкѣ и баками, столь излюбленными апраксинскими прикащиками, въ черномъ сюртукѣ и палевыхъ брюкахъ въ обтяжку, повидимому, не раздѣляетъ моего мнѣнія о красотѣ барышень съ лошадинными зубами и очень энергично увивается около одной изъ нихъ. Торопливо докуривъ сигару, я спѣшу покинуть веселую компанію, такъ и не дочитавъ извѣстія о реализаціи новаго займа. Кстати пора идти въ театръ, широковѣщательная афиша котораго обѣщаетъ исполненіе труппою парижскихъ артистовъ извѣстной феэріи „Путешествіе въ восемдесятъ дней вокругъ свѣта“ съ блестящей обстановкой и новыми костюмами. Беру билетъ и вхожу въ партеръ. Дырявый потертый занавѣсъ, изображающій поверженнаго во прахъ Мефистофеля и парящихъ геніевъ, напоминаетъ своимъ убогимъ видомъ балаганы, въ которыхъ показываютъ толстыхъ дѣвицъ и даютъ представленія шпагоглотатели. Оркестръ отдѣленъ желѣзной рѣшеткой, какія ставятъ у насъ вокругъ могилъ. Публики мало, но безъ англичанъ и здѣсь дѣло не обходится. Держатъ себя зрители довольно свободно: какой-то турокъ снялъ туфли и поджалъ ноги калачикомъ. Но еще безцеремоннѣе музыканты: они складываютъ верхнее платье на кресла перваго ряда, кричатъ и хохочутъ на весь театръ и вообще чувствуютъ себя, какъ дома. Наконецъ увертюра съиграна, взвивается занавѣсъ, и представленіе начато. Смѣю увѣрить, что артисты Малафѣева и Лейферта — просто Ольриджи и Тальмы по сравненію съ актерами Константинопольскаго муниципальнаго театра. Блестящая обстановка и новые костюмы способны вызвать улыбку у самаго нетребовательнаго зрителя, и англійскіе лорды болѣе смахиваютъ на переодѣтыхъ извощиковъ, чѣмъ на аристократовъ. Высидѣть дольше четвертой картины оказывается положительно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что со сцены несетъ запахомъ плохо содержимой конюшни.

Въ силу сихъ обстоятельствъ, перекочевываю въ кафэ-шантанъ „Concordia“. Два яруса ложъ и партеръ, уставленный столиками, заполнены фесками. Константинопольскіе жуиры оказываются не изъ расточительныхъ и пробавляются фруктовымъ сиропомъ съ водою: иной просидитъ весь вечеръ и не издержитъ болѣе франка. Главный доходъ константинопольскихъ кафэ-шантановъ, входъ въ которые безплатенъ, составляетъ рулетка: все остальное — декорація, прикрывающая игорный домъ. Въ „Concordia“ я застаю лишь второе отдѣленіе. Послѣ какой-то безголосой француженки, на сценѣ появляются петербургскіе знакомые — семейство Арманини съ неизмѣнной „Мандолинатой“. Затѣмъ идетъ очень недурно исполняемая одноактная оперетка.

Уставъ отъ массы новыхъ впечатлѣній, ѣзды и бѣготни, съ особымъ удовольствіемъ ложусь въ постель

со свѣжимъ бѣльемъ и кисейнымъ пологомъ, и моментально засыпаю мертвымъ сномъ. Въ семь часовъ я уже опять на ногахъ и, нанявъ гида и коляску, катаюсь по Стамбулу. Прежде всего, ѣду въ „Императорскій музей древностей“. Музею этому положилъ начало, тридцать лѣтъ тому назадъ, тогдашній начальникъ артиллеріи Фетисъ-паша, и до 1875 года музей былъ частнымъ учрежденіемъ, въ этомъ же году онъ поступилъ въ вѣдомство министерства публичныхъ работъ и помѣщенъ въ изящномъ зданіи — „Тишнили-кіоскъ“. Въ 1881 году, коллекціи музея приведены въ порядокъ археологомъ Рейнахомъ, потратившимъ, повидимому, немало труда. Такова исторія этого ученаго учрежденія, содержащаго въ себѣ болѣе шестисотъ предметовъ, размѣщенныхъ по отдѣламъ: египетскому, ассирійскому, греческому и римскому. Зданіе музея имѣетъ также свою исторію. Это — первая монументальная постройка турокъ въ Константинополѣ: надпись на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, сдѣланная надъ входною дверью, гласитъ, что Тишнили-кіоскъ построенъ султаномъ Магометомъ II въ 870 году магометанской эры, т. е. въ 1466 году по Р. Х. Въ 1590 году, Мурадъ III еще болѣе украсилъ зданіе и устроилъ въ одной изъ залъ сохранившійся до сихъ поръ фонтанъ.

— Ну, теперь куда? спрашиваю я гида, осмотрѣвъ музей.

— Теперь поѣдемте смотрѣть обелиски и змѣиную колонну.

Нѣсколько поворотовъ — и мы на огромной немощеной площади, гдѣ высятся обелиски, пережившіе величіе и упадокъ Византіи, могущество султановъ, и которые доживутъ, вѣроятно, и до окончательнаго паденія власти турокъ. Сколько бурныхъ сценъ видѣли эти молчаливые гиганты: борьба зеленыхъ и голубыхъ, иконоборчество, крестоносцы, грозные янычары. Здѣсь фигурировала честолюбивая Ѳеодора, вскружившая голову творца знаменитаго „Corpus juris civilis“, надъ которымъ ломали головы десятки тысячъ юристовъ и который еще долго будетъ составлять базисъ юриспруденціи. Здѣсь, въ качествѣ кучеровъ, являлись византійскіе аристократы и даже сами императоры. Гдѣ всѣ дѣйствующія лица совершившихся тутъ драмъ и трагедій, гдѣ гордая Ѳеодора, которую и теперь еще изображаютъ наши провинціальныя трагическія актрисы? Перешли въ Нирвану... А обелиски стоятъ да стоятъ, гордо взирая на жалкихъ современныхъ турокъ, хитрыхъ, льстивыхъ грековъ и любопытныхъ туристовъ, наводящихъ на нихъ свои бинокли. Слѣва высится со своими пятью минаретами величественная мечеть Османіе, гдѣ правовѣрные получаютъ благословеніе передъ отправленіемъ въ Мекку. Прямо предъ глазами — музей янычаръ и сиротская ремесленная школа. Музей мало интере-

сенъ: манекены грубой работы, а ихъ костюмы порядкомъ таки запылились и обветшали, такъ что всѣ эти великіе визири, казначеи, палачи, придворные врачи и повара производятъ довольно жалкое впечатлѣніе. Но нѣкоторое представленіе о прежнемъ султанскомъ дворѣ конечно можно составить. Гораздо интереснѣе мастерскія ремесленной школы, между которыми есть и литографія. Дѣло, повидимому, поставлено хорошо и положительно опровергаетъ то ходячее мнѣніе, будто турки неспособны ни на что, кромѣ „болгарскихъ звѣрствъ". Я видѣлъ нѣсколько прекрасно сдѣланныхъ литографскихъ камней работы учениковъ, которыми похвасталъ преподаватель.

Опять сажусь въ коляску и ѣду смотрѣть цистерну съ тысячью колоннъ, которыхъ я впрочемъ не считалъ. Говорятъ, что во время оно янычары бросали въ это огромное подземелье свои жертвы. Теперь цистерна наполовину засыпана землею, и въ ней помѣщается шолковая фабрика.

Безконечнымъ лабиринтомъ мощеныхъ и немощеныхъ улицъ, съ роскошными мраморными мечетями, старыми кладбищами, кофейнями и лавочками, мимо обрывовъ, развалившихся лачугъ и огородовъ, добираемся мы до Семибашеннаго замка, гдѣ нѣкогда томились и русскіе послы. Грозная тюрьма и крѣпость, расположенная на довольно живописномъ морскомъ берегу, служитъ теперь мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ турецкихъ дамъ

и предметомъ любопытства туристовъ. Разрушаются грозныя башни подъ рукою всеистребляющаго времени, заваливаются погреба, и лишь высѣченныя на стѣнахъ надписи продолжаютъ разсказывать грустную повѣсть томившихся здѣсь страдальцевъ. Одну изъ этихъ надписей я списалъ на память: „Prisonniers qui dans les misères gemissez dans ce triste lieu offrez les de bon coeur aux Dieu et vous les trouverez légeres». Кости благочестиваго узника давно уже, вѣроятно, истлѣли, а надпись цѣла и долго будетъ еще читаться любознательными путешественниками, пока время не сокрушитъ окончательно вѣковую твердыню, а невѣжественная чернь не растащитъ камней на фундаменты и печки для своихъ домовъ.

Не безъ опасеній за цѣлость своего скелета взбираюсь на вершину одной изъ башень, откуда открывается чудесная панорама города, Золотаго Рога, Мраморнаго моря, азіатскаго берега и даже Санъ-Стефано, прославившагося, благодаря Германіи и Бисмарку, мертворожденнымъ трактатомъ. Мирно пріютились на этой вершинѣ лавръ и абрикосъ, какъ бы вѣнчая тѣхъ героевъ, которые окончили свои дни въ подземельяхъ башни. Налюбовавшись и намечтавшись вдоволь, продолжаю объѣздъ достопримѣчательностей. Рискуя ежеминутно опрокинуться въ грязь, катится коляска по сквернѣйшей дорогѣ вдоль старинныхъ укрѣпленій, покрытыхъ, словно

траурамъ, цѣпкимъ плющемъ. Рвы, вода которыхъ н
разъ окрашивалась кровью, то дружинъ Олега, то кре
стоносцевъ, то турокъ и грековъ, засыпаны и превра
щены въ огороды, гдѣ разводятъ капусту, морковь
чеснокъ. Уныло глядятъ своими темными амбразурам
стѣны и башни, и лишь изрѣдка тишина этого клад
бища военной славы нарушается унылой пѣсней огород
ника, крикомъ погонщика на лѣниваго ишака, ил
скатившимся камнемъ.

Вотъ слѣва потянулось безконечное турецкое кладбище
представляющее собою цѣлый лѣсъ кипарисовъ, благодар
которымъ турецкія мѣста вѣчнаго успокоенія не лишен
нѣкоторой мрачной поэтичности. Чалмы и фески явля
ются единственными скульптурными украшеніями могилъ
между которыми турчанки разложили сушить свои бѣлы
чадры. Мой возница сворачиваетъ по мосту подъ ворота
и опять потянулись грязныя узкія улицы магометанскаг
квартала. Нѣсколько чумазыхъ ребятишекъ бѣгутъ з
нашей коляской и, не смотря на то, что я въ феск
кричатъ намъ вслѣдъ: „гяуръ!“ Когда-то и я, въ дн
отрочества, дразнилъ такимъ же образомъ ни въ чем
неповинныхъ татаръ, не думая, что за нихъ явятс
мстители, только слишкомъ ужъ поздніе.

Миновавъ овощный рынокъ, очевидно, давно уж
не видавшій ни колясокъ, ни европейцевъ, мы въѣзжаем
въ цыганскій кварталъ. Вотъ и константинопольскі

диноплеменницы московскихъ Стешъ и Матрешъ съ
намалеванными, какъ у картонныхъ куколъ, бровями.
дна изъ нихъ, смѣясь и показывая рядъ бѣлыхъ,
акъ жемчугъ, зубовъ, требуетъ „бакшишъ“, вѣроятно,
а то, что я ужъ слишкомъ внимательно любовался ея
езатѣйливымъ костюмомъ.

Наконецъ мы у церкви Петра и Павла, превращенной,
онечно, въ мечеть и притомъ съ такимъ мудренымъ
урецкимъ названіемъ, что я его никакъ не могу за-
омнить. Мальчишка бѣжитъ за муллой, который весьма
бязательно показываетъ мечеть, гдѣ сохранились до-
ольно хорошо не только мозаика, но и фрески.

— Какъ это вы не заштукатурили образовъ? спра-
ивaю я черезъ гида муллу.

— Они намъ не мѣшаютъ! дается отвѣтъ.

Еще бы мѣшать, когда туристы платятъ муллѣ
ъ ихъ осмотръ по два франка. Вѣротерпимость муллы
оходитъ до того, что онъ называетъ имена святыхъ
ъ прибавленіемъ „sanctus“ или „sancta“. Мнѣ не-
ольно вспоминается заволжская пословица — „моло-
ецъ попъ хлыновецъ: за пару лаптей на родной ма-
ри обвѣнчаетъ“. Вѣрно и раскольничьи попы и ту-
ецкіе муллы изъ одной глины лѣплены.

Но пора на пароходъ, а до пристани болѣе часу
мой скорой ѣзды — на такія окраины затащилъ меня
й услужливый гидъ. А хотѣлось бы подольше остаться

въ этой оригинальной толпѣ, въ этихъ крытыхъ ба
рахъ, гдѣ кипитъ незнакомая жизнь, заглянуть
роскошныя мечети изъ бѣлаго мрамора. Внимател
оглядываешься по сторонамъ и бранишь въ душѣ
резчуръ уже усерднаго возницу, который слишк
скоро гонитъ лошадей, хлопая длиннымъ бичемъ
крича на прохожихъ, разгуливающихъ по серед
даже самыхъ широкихъ улицъ, снабженныхъ трот
рами. Особенности турецкой жизни сказываются
каждомъ шагу: въ домѣ, сосѣднемъ съ роскошн
дворцомъ персидскаго посольства, вывѣшено для
сушки платье и мытое бѣлье; среди улицы навал
кучи обрѣзковъ и объѣдковъ, въ которыхъ рою
собаки.

II.

Море и скалистые острова Архипелага—разнообр
мало. Но зато какое море! Глубокое, какъ глаза
тевской Гретхенъ. Глядя на нихъ, понимаешь, от
греки такъ рано сдѣлались мореплавателями: не с
шна смерть въ такой поэтичной могилѣ, а эта бе
нечная синева такъ и манитъ къ себѣ и сулитъ чт
особенное,—несмѣтныя богатства и невиданныя крас
Чудно катятся голубыя волны одна за другою:
одна поднялась выше всѣхъ, блестя на солнцѣ
нымъ отливомъ, вспѣнилась и моментально опять з

ялась въ общей синевѣ. Я и агрономъ ежеминутно
осхищаемся, да и не грѣхъ: эта даль, эта необъят-
ая ширь послѣ душной обстановки Петербурга,—гдѣ
еня даже дома, въ послѣднее время, какъ-то давилы,
дѣ невольно, подъ вліяніемъ окружающаго, я все боль-
іе и больше уходилъ въ себя,—словно электричество,
озбуждаютъ всю нервную систему, заставляютъ сердце
ильнѣе биться и чувствовать какъ въ дни юности,
огда мозгъ живѣе воспринимаетъ и быстрѣе рефлекти-
уетъ. На лѣвомъ траверсѣ поднялись вершины Родоса,
грюмыя, мрачныя, какъ мальтійскіе рыцари, нѣкогда
дѣсь обитавшіе. Мысль невольно останавливается на
ихъ: возстаютъ всѣ жалкія обрывки изъ исторіи —
рестовые походы, осада Мальты и, наконецъ, ихъ
пилогъ въ Гатчинѣ, на берегу Пріоратскаго пруда.
Да, правъ тяжеловѣстный, какъ всѣ нѣмцы, острякъ
Шерръ, что въ исторіи трагическое постоянно идетъ
руку объ руку съ комическимъ.

Переселенцы, какъ муравьи, высыпавшіе изъ душ-
ныхъ эмигрантскихъ отдѣленій, конечно, далеки и отъ
мальтійцевъ, и отъ Шерра, о которыхъ они никогда
и не слыхали, мало любуются красотою моря и зани-
маются охотою за насѣкомыми, словно на заваленкахъ
своихъ избъ въ Черниговской губерніи. Да и мы ус-
таемъ любоваться волнами и ищемъ развлеченія въ
каютъ-компаніи, гдѣ къ нашимъ услугамъ имѣется вѣч-

ный спорщикъ, единственный на пароходѣ мичман
Его стоитъ только „завести“, и немедленно возникает
полемика, словно между нашими газетами. Въ морѣ
это — развлеченіе. Окончательно запутавъ, какъ э
по большей части бываетъ въ спорахъ, какой нибу
давно рѣшенный вопросъ, съ особеннымъ аппетитом
садишься за обѣдъ или завтракъ и ѣшь такъ, ч
худосочные петербуржцы пришли бы въ ужасъ отъ к
личества истребляемой здѣсь пищи. Поѣшь, поспиш
поспоришь; глядишь — и день прошелъ.

Бываютъ на нашемъ пароходѣ и грустныя, тяжелы
происшествія. Вотъ уже втораго переселенческаго ребенк
мы хоронимъ. Погребеніе упрощено до-нельзя. Некра
шенный, сколоченный кос-какъ гробикъ вѣроятно раз
сыпется при паденіи. Теперь онъ стоитъ на кормѣ н
доскѣ. За неимѣніемъ на пароходѣ священника, мо
литву читаетъ фельдшеръ. Кончена молитва. Рыда
и причитая, бросается къ крошечному трупику мат
и припадаетъ къ нему губами, обливая блѣдное ли
чико слезами. Угрюмо стоятъ окружающіе. Но вот
мужъ оттащилъ жену, крышку заколотили гвоздям
гробикъ окрутили веревкой съ привязанными къ не
полосами чугуна, приподняли доску, всѣ перекрестилис
и гробикъ съ малюткой изчезли въ волнахъ. Драм
окончилась и пароходная жизнь вошла въ обыденну
колею.

Наконецъ, на горизонтѣ появился африканскій берегъ и Портъ-Саидъ. Съ Африкой обыкновенно соединяется понятіе о жгучемъ солнцѣ, о палящемъ зноѣ; но насъ она встрѣчаетъ такимъ сѣренькимъ утромъ, что вырывается афоризмъ à la Козьма Прутковъ, что „и въ Египтѣ бываетъ пететербургское небо“. Портъ-Саидъ— малоинтересный, но чистенькій европейскій городокъ. До прорытія канала, онъ былъ арабской деревушкой, а уже въ 1872 году, вмѣстѣ съ Кантарой, насчитывалъ шесть тысячъ семьсотъ жителей. Единственнымъ пунктомъ осмотра является площадь Лесепса, на которой разбитъ жиденькій скверъ и построена бесѣдка для музыки. Не успѣли мы сойти на берегъ, какъ предъ нами выросъ, словно изъ земли, назойливый гидъ и объявилъ, что безъ него намъ никакъ обойтись невозможно. Напрасно убѣждалъ я, что онъ не нуженъ, онъ все таки послѣдовалъ за нами, выхватывая изъ рукъ покупки и приставая съ разными предложеніями. На площади Лесепса онъ заводитъ насъ въ какую-то пивную. Хозяинъ оказывается венгерцемъ, жившимъ въ Петербургѣ и довольно бойко говорящимъ по русски. Въ силу этого, онъ считаетъ долгомъ сорвать съ насъ семь рублей за бутылку весьма посредственнаго токайскаго и навязать мнѣ ящикъ сигаръ. Чтобы смягчить пилюлю, онъ угощаетъ насъ бутылкой пива. Напитокъ короля Гамбринуса, однако же, не приводитъ меня въ

тотъ восторгъ, въ который пришелъ нѣмецкій географ[ъ] Германъ Даніелъ, помѣстившій въ своей географіи стол[ь] важное свѣдѣніе, какъ то, что въ Измаиліи и прочихъ городахъ Египта пьютъ вѣнское пиво. Не привели меня въ восторгъ и платки московскаго издѣлія, про-дающіеся во многихъ лавкахъ. Гидъ тащитъ насъ въ арабскій кварталъ, но жаръ и пыль заставляютъ вер-нуться съ полдороги, ограничившись лицезрѣніемъ тѣхъ феллаховъ, которые неутомимо снуютъ по городу, таска[я] овощи и бурдюки съ водою.

Скрылся и Портъ-Саидъ, и потянулся каналъ съ его однообразными станціями, состоящими изъ одного-двухъ домиковъ, крытыхъ черепицею и обнесенныхъ верандою. Зелени мало и въ этихъ пріютахъ европей-цевъ: французы, повидимому, не любители садоводства. Становится скучно. Единственнымъ развлеченіемъ, кромѣ книгъ, являются феллахи, которымъ переселенцы и матросы бросаютъ хлѣбъ, и они бѣгутъ по берегу за пароходомъ, крича, визжа и размахивая руками. Одинъ изъ бѣгущихъ попрошаекъ положительно сохранилъ древне-египетскій типъ и точно сошелъ съ картины Макарта, изображающей Клеопатру. Вѣдь „вотъ есть люди“ еще бѣднѣе насъ, радостно замѣчаютъ переселенцы. Ночью, когда стемнѣетъ, потянетъ свѣжимъ вѣтеркомъ, а на носу парохода матросы затянутъ русскія пѣсни, положительно забываешь, что находишься на рубежѣ

Азіи и Африки, а не гдѣ нибудь на Ладожскомъ или Свирскомъ каналѣ.

На третій день мы въ Суэцѣ, беремъ фелуку и ѣдемъ на берегъ. Не успѣваютъ наши ноги коснуться набережной, какъ уже насъ окружаетъ толпа погон-щиковъ ословъ. Съ криками хватаютъ насъ арабы за фалды и стараются силою посадить въ сѣдла. Болѣе назойливый людъ трудно и встрѣтить гдѣ либо на земномъ шарѣ. Какъ волки бросаются на добычу, такъ они накидываются на каждаго иностранца, и негдѣ послѣднему найти отъ нихъ защиту, особенно если онъ русскій, такъ какъ нашъ консулъ — арабъ, берущій всегда сторону своихъ соплеменниковъ.

Осматривать въ Суэцѣ положительно нечего: гряз-ныя узкія улицы, греческія кофейни съ пресквернымъ турецкимъ кофе, пивныя, гдѣ торгуютъ, но не столько пивомъ, сколько развратомъ, нѣсколько лавокъ съ ев-ропейскими товарами — вотъ и все. Дома мѣстной архитектуры представляютъ нѣчто мрачное и унылое. Только жажда наживы или погоня за кускомъ хлѣба можетъ заставить жить въ такомъ городѣ. Я провелъ въ Суэцѣ нѣсколько часовъ и не видѣлъ, кромѣ гре-ковъ, ни одного европейца. Зато назойливые гиды вы-ростали на каждомъ шагу, то предлагая зажженную спичку, то выхватывая пледъ, то подсаживая на осла. Въ концѣ концовъ, за всѣ эти навязанныя насильно

услуги является требованіе „бакшиша“. При этомъ мелкой монетой феллахъ не удовлетворится. Прибавьте петербургскому извощику хоть копѣйку, и онъ снимаетъ шапку. Дайте феллàху полъ-франка, — онъ броситъ деньги объ землю и начнетъ осыпать васъ неистовою бранью. Вдосталь находившись по улицамъ и базарамъ и позавтракавъ въ верандѣ гостинницы „Hôtel d'Orient“, гдѣ намъ подали настоящія неаполитанскія макароны и весьма недурное французское вино, мы садимся на ословъ и трогаемся въ обратный путь, окруженные толпою голыхъ мальчишекъ, требующихъ по неизвѣстной причинѣ все того же бакшиша. Особенно достается отъ нихъ нашему бѣдному агроному, безпомощно вопрошающему: „что имъ надо?“ На пристани новое нападеніе: погонщики недовольны платою по таксѣ и не даютъ отчалить нашей фелукѣ. Тщетно ищу я глазами полицейскаго, но — увы и ахъ! — таковыхъ на всей пристани не имѣется. Вообще порядки въ Суэцѣ не изъ образцовыхъ. Сѣвшій къ намъ на пароходъ пассажиръ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее. Ѣхалъ онъ изъ Александріи по желѣзной дорогѣ и, доѣхавъ до Суэца, гдѣ имѣется дебаркадеръ, захотѣлъ слѣзть и взять багажъ, но ему объявили, что онъ долженъ ѣхать до гавани, гдѣ нѣтъ ни вокзала, ни гостинницы. Изъ этого можно заключить, что и англичане (администрація дороги — англійская) умѣютъ

быть, при случаѣ, Титъ-Титычами. Только на пароходѣ вздыхаешь свободно и благодаришь судьбу, что избавился наконецъ отъ нахальныхъ египтянъ.

И вотъ опять море и обычное времяпровожденіе — въ ѣдѣ, спорахъ съ мичманомъ и сугубомъ чтеніи романовъ. Впрочемъ придумываются и новыя развлеченія; переселенческимъ ребятишкамъ раздаются лакомства, лейтенантъ К. распѣваетъ по вечерамъ романсы, а сопровождающій переселенцевъ чиновникъ — куплеты. А между тѣмъ волны Краснаго моря равнодушно бьютъ о борты: имъ нѣтъ дѣла ни до романсовъ, ни до куплетовъ изъ „Боккачіо“, ни до пѣвцовъ.

Прошли мы и Перимъ и страшный Баб-эль-Мандебскій проливъ, гдѣ и теперь сидятъ на мели три англійскихъ парохода.

— Это удивительно, — говоритъ одинъ изъ офицеровъ, — кажется, нѣтъ того уголка моря, гдѣ бы англичане не посадили одного или нѣсколькихъ судовъ на мель.

Наконецъ дождались и Адена. Не смотря на то, что шесть часовъ утра, всѣ пассажиры на палубѣ, въ свѣжихъ костюмахъ съ биноклями въ рукахъ. Предъ нашими глазами высятся мрачныя вулканическія скалы, грозныя англійскія укрѣпленія и виденъ амфитеатръ домовъ европейской архитектуры. У парохода снуетъ нѣсколько утлыхъ лодчонокъ съ голыми, коричневаго

цвѣта, мальчуганами, которые визжатъ, какъ молоды[illegible] сетеры, и поминутно ныряютъ въ воду. Я бросаю в[illegible] море мелкую монету, и черезъ минуту одинъ изъ юных[illegible] пловцовъ держитъ ее уже въ зубахъ. Видъ сереб[illegible] приводитъ остальныхъ мальчишекъ въ такую ярость что они начинаютъ хлопать въ ладоши и своимъ кри[illegible]комъ и визгомъ заглушаютъ пароходную команду. Н[illegible] успѣли спустить трапъ, а ужъ на палубѣ нѣскольк[illegible] юркихъ сыновъ Израиля съ пейсами и въ какихъ-т[illegible] библейскихъ одеждахъ. Они навезли цѣлый ворох[illegible] страусовыхъ перьевъ и предлагаютъ ихъ даже матро[illegible]самъ и переселенцамъ, не взирая на рваные зипун[illegible] послѣднихъ.

Черниговцы и не подозрѣваютъ, что передъ ним[illegible] единоплеменники ихъ злѣйшихъ враговъ, разныхъ Шму[illegible]лей, Боруховъ и Ицекъ, скупавшихъ у нихъ за без[illegible]цѣнокъ хлѣбъ на корню и опаивавшихъ ихъ настой[illegible]кою на мухоморахъ. Для нихъ это такой-же невѣдомы[illegible] „чудной“ народъ, какъ и тѣ бронзовые мальчуганы которые ныряютъ за серебряными монетами въ воду.

Таможенныя и санитарныя формальности соблюдены и въ нѣсколько минутъ мы на берегу, а за тѣмъ уж[illegible] катимся въ крытомъ англійскомъ кэбѣ осматривать го[illegible]родскія цистерны, помнящія чуть-ли не фараона Рам[illegible]зеса. Образцовое шоссе обрамлено пейзажемъ, который напоминаетъ картины Густава Дорэ: нѣчто мрачное

[illegible]адское есть въ этихъ гигантскихъ скалахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое, что невольно чаруетъ жителя равнинъ. Ни кустика, ни лужайки на этихъ грудахъ базальта; но глазъ вашъ все таки не можетъ оторваться отъ этихъ грозныхъ и суровыхъ красотъ природы... Англичане не потерялись и среди неприступной природы перекинули черезъ рвы и пропасти мостики, по уступамъ скалъ проложили шоссе, разставили фонари и пробили туннели. Невольно примиряешься съ ихъ алчными наклонностями и преклоняешься предъ желѣзной волей: что тамъ ни толкуй, а этотъ народъ достоинъ быть властелиномъ. Гдѣ бы ни появились англичане, слѣдомъ за ними идетъ цивилизація, поднимающая благосостояніе края и населенія. Примѣръ на лицо. Въ 1839-мъ году въ Аденѣ было всего шестьсотъ человѣкъ жителей, теперь ихъ тридцать тысячъ. Но, что является предметомъ удивленія — это цистерны. Врядъ-ли гдѣ нибудь еще есть подобное сооруженіе. Какъ я уже сказалъ, цистерны эти очень древнія, но англичане привели ихъ въ дѣйствительно блестящій видъ. Описать эту колоссальную постройку, эту систему водохранилищъ, идущихъ уступами на весьма значительную вышину, нѣтъ никакой возможности. Достаточно сказать что, какъ-бы продолжительна ни была засуха, Аденъ безъ прѣсной воды не останется. Но англичане не ограничились полезнымъ, они подумали и о пріят-

номъ, и на голыхъ скалахъ разбили садъ, съ высо
точки котораго открывается чудесная панорама на г
родъ и море, представляющее своей синевой прелес
ный контрастъ съ черными скалами. Позаботившись
благосостояніи, англичане не забыли и полиціи без
пасности, и понадѣлали изъ арабовъ прекраснѣйших
полисмэновъ, держащихъ себя съ достоинствомъ, до к
тораго далеко не только какимъ нибудь „хожалымъ
Курска или Таганрога, но и петербургскимъ городо
вымъ. Вотъ что значитъ умѣніе. А мы то бьемся, рефор
мируемъ, созываемъ коммисіи, пишемъ передовыя статьи
и все не можемъ дождаться хорошей полиціи.

Нашъ возница за лишнюю рупію соглашается везт
насъ обратно черезъ крѣпость. Здѣсь опять приходите
удивляться и сооруженіямъ, и здоровому, бодрому вид
весьма элегантныхъ солдатъ, и бѣлоснѣжнымъ каскам
послѣднихъ. Агрономъ не можетъ сдержать своихъ во
сторговъ и поминутно восклицаетъ: „нѣтъ, вы тольк
посмотрите, господа, сюда, что это за прелесть!“ И
дѣйствительно есть на что заглянуть: природа и люди
соединились вмѣстѣ, чтобы поражать васъ. Природа
наворотила громады скалъ, а человѣкъ превратилъ ихъ
въ крѣпость, втащилъ на страшную крутизну пушки,
пробилъ корридоры и доказалъ, что онъ дѣйствительно
царь природы. И грустно становится русскому человѣку,
что онъ не достигъ на своихъ окраинахъ и сотой доли

о, чего достигли здѣсь англичане. И какой поря-
къ, какая чистота! Начиная сложенными зарядами
кончая бѣлой курткой солдата и красной чалмой
ая, все блеститъ, точно приготовленное къ параду.
Опять мы на набережной. Нѣсколько арабовъ въ
шитыхъ золотомъ курткахъ на великолѣпныхъ коняхъ
рцуютъ при барабанномъ боѣ. Полюбовавшись ара-
скими джигитами, идемъ завтракать во французскій
торанъ, гдѣ производится, между прочимъ, и тор-
вля всевозможными вещами отъ персидскихъ ковровъ
хирургическихъ инструментовъ. Нѣсколько французовъ
раютъ въ трикъ-тракъ, другіе погружены въ чтеніе
igaro“, словно гдѣ нибудь въ парижскомъ кафэ.
инъ изъ моихъ спутниковъ, не смотря на палящій
ой, тащитъ всю нашу компанію въ еврейскія лавки
дкостей. Повидимому, онъ беретъ примѣръ съ арабовъ
нубійцевъ, которые преспокойно снуютъ взадъ и
ередъ на дромадерахъ, ослахъ и пѣшкомъ, таскаютъ
рдюки съ водою и другую ношу. Изъ оконъ одного
ма несутся стройные звуки органа и молодыхъ жен-
ихъ голосовъ; но намъ нужно торопиться — пароходъ
дать не станетъ.

Снимаемся съ якоря. Солнце сѣло, и день быстро
ѣнился темнотой. На берегу зажглись огоньки, кафэ-
нтанъ устроилъ цѣлую иллюминацію. Прибавляемъ
ду, и все мало по малу скрывается во мракѣ. Опять

лишь синева моря и однообразная корабельная жизнь, способная довести до сплина. Разговоры не клеятся: вс… успѣли надоѣсть другъ другу и истощить запасъ анек-дотовъ и разсказовъ. Отъ своего общества иду на па-лубу бесѣдовать съ переселенческимъ старостою Гонча-ровымъ.

— Отчего, главнымъ образомъ, вы переселяетесь… спрашиваю.

— Да прежде всего, ваше благородіе, земли мал… а главное — ужь очень намъ на жидовъ работать на… доѣло. Помѣщики по деревнямъ не живутъ, хозяйство… не занимаются, а сдаютъ землю въ аренду жидамъ… Ну, а съ жидомъ дѣла плохія — это такой сосѣдъ… отъ котораго оборони Богъ. И — главное — ничего с… нимъ не подѣлаешь! судиться станешь — онъ у мирова… всегда правъ. Нанялъ бы адвоката, да они всѣ въ губер-ніи и дорого дерутъ.

Слушая старика, я понимаю острый характер… „нѣжинскихъ“ и „балтскихъ“ безпорядковъ, понима… откуда взялась та народная ярость, которая изливалас… даже на неповинныхъ дѣвушекъ и дѣтей.

Вступаю въ разговоръ и съ другими переселенцам… спрашиваю, напримѣръ, одного, что онъ везетъ с… собою.

— Да что везу? Везу старенькій кожухъ, свиту, … двѣ рубахи.

— А деньги?

— Якія тамъ деньги! хату и скотину за недоимки продали, засталось двѣнадцать карбованьцевъ, такъ и тыи за машину отдалъ.

И такихъ богачей не одинъ, а десятки.

Невольно припоминаются слова г. Уманца, что „за личнымъ пособіемъ всегда гонится масса индивидуу-мовъ, для которыхъ переселеніе является дѣломъ вто-ростепеннымъ, на первомъ-же планѣ остается возмож-ность получить болѣе или мѣнѣе значительную сумму. Поэтому, каждый разъ, когда проносится слухъ, что переселенцамъ даютъ 200—300 рублей на семейство, поднимается масса чернорабочихъ фантазеровъ, кабац-кихъ завсегдателей и прогорѣвшихъ дѣльцовъ, неимѣю-щихъ ничего общаго съ земледѣліемъ“. И дѣйстви-тельно кого-только нѣтъ въ нашей партіи: и фабрич-ные, и бывшія горничныя, и „ходившіе въ кусочки“ и даже петербургскій поваръ.

III.

Еслибы мнѣ пришлось искать земной рай, то я бы сталъ его искать на Цейлонѣ. И, судя по городу Коломбо, навѣрно бы его нашелъ. Помню какъ, пріѣхавъ въ Петербургъ еще совсѣмъ наивнымъ провинціаломъ, я восторгался пальмовымъ отдѣленіемъ оранжерей Бота-

лишь синева моря и однообразная корабельная жизнь, способная довести до сплина. Разговоры не клеятся: всѣ успѣли надоѣсть другъ другу и истощить запасъ анекдотовъ и разсказовъ. Отъ своего общества иду на палубу бесѣдовать съ переселенческимъ старостою Гончаровымъ.

— Отчего, главнымъ образомъ, вы переселяетесь? спрашиваю.

— Да прежде всего, ваше благородіе, земли мало, а главное — ужъ очень намъ на жидовъ работать надоѣло. Помѣщики по деревнямъ не живутъ, хозяйствомъ не занимаются, а сдаютъ землю въ аренду жидамъ. Ну, а съ жидомъ дѣла плохія — это такой сосѣдъ, отъ котораго оборони Богъ. И — главное — ничего съ нимъ не подѣлаешь! судиться станешь — онъ у мирового всегда правъ. Нанялъ бы адвоката, да они всѣ въ губерніи и дорого дерутъ.

Слушая старика, я понимаю острый характеръ „нѣжинскихъ“ и „балтскихъ“ безпорядковъ, понимаю, откуда взялась та народная ярость, которая изливалась даже на неповинныхъ дѣвушекъ и дѣтей.

Вступаю въ разговоръ и съ другими переселенцами, спрашиваю, напримѣръ, одного, что онъ везетъ съ собою.

— Да что везу? Везу старенькій кожухъ, свиту, да двѣ рубахи.

— А деньги?

— Якія тамъ деньги! хату и скотину за недоимки продали, засталось двѣнадцать карбованьцевъ, такъ и тыи за машину отдалъ.

И такихъ богачей не одинъ, а десятки.

Невольно припоминаются слова г. Уманца, что „за личнымъ пособіемъ всегда гонится масса индивидуумовъ, для которыхъ переселеніе является дѣломъ второстепеннымъ, на первомъ-же планѣ остается возможность получить болѣе или мѣнѣе значительную сумму. Поэтому, каждый разъ, когда проносится слухъ, что переселенцамъ даютъ 200—300 рублей на семейство, поднимается масса чернорабочихъ фантазеровъ, кабацкихъ завсегдателей и прогорѣвшихъ дѣльцовъ, неимѣющихъ ничего общаго съ земледѣліемъ“. И дѣйствительно кого-только нѣтъ въ нашей партіи: и фабричные, и бывшія горничныя, и „ходившіе въ кусочки“ и даже петербургскій поваръ.

III.

Еслибы мнѣ пришлось искать земной рай, то я бы сталъ его искать на Цейлонѣ. И, судя по городу Коломбо, навѣрно бы его нашелъ. Помню какъ, пріѣхавъ въ Петербургъ еще совсѣмъ наивнымъ провинціаломъ, я восторгался пальмовымъ отдѣленіемъ оранжерей Бота-

ническаго сада, гдѣ тогда еще возвышалась, нынѣ срубленная, воспѣтая Гаршинымъ, Attallea princeps. Каковы должны быть тѣ рощи, гдѣ растутъ подобныя деревья, — думалъ я тогда. И вотъ теперь я увидалъ собственными глазами цѣлые лѣса пальмъ, перемѣшанныхъ съ бананами, съ высокими тюльпановыми деревьями, покрытыми красными цвѣтами, и съ цѣлою массою другихъ, которыхъ я, какъ „классикъ", и назвать-то не умѣю. Тутъ же озера, поросшія душистымъ лотосомъ и отражающія всю роскошь этой тропической растительности. Какою жалкой представилось мнѣ теперь петербургская оранжерея, въ которой нѣкогда я стоялъ съ разинутымъ ртомъ. Кажется, что видишь какую-то волшебную декорацію, но декорацію съ живымъ воздухомъ, ароматомъ цвѣтовъ и такой чудной синевой неба, какой нельзя передать на полотнѣ. Нѣтъ мѣста даже удивленію: какъ-то весь цѣпенѣешь, и не срывается никакихъ словъ восторга съ языка. Если природа такъ хороша около города, то какова она должна быть внутри страны, гдѣ прыгаютъ по деревьямъ обезьяны, летаютъ бенгали съ красными и желтыми носами, зеленые и голубы инсепарабли и сотни другихъ птицъ, яркихъ и причудливыхъ цвѣтовъ; гдѣ гордо высится Адамовъ пикъ, съ вершины котораго, по магометанскимъ преданіямъ, нашъ прародитель видѣлъ на седьмомъ небѣ рай. Недаромъ Цейлонъ зовется вѣнцомъ Индіи!

Коломбо — городъ старый; еще до занятія его европейцами, онъ былъ весьма важнымъ многолюднымъ пунктомъ. Голландцы построили въ немъ портъ, а англичане сдѣлали главнымъ городомъ цейлонскаго президентства и резиденціей губернатора острова. Даніель насчитываетъ здѣсь, въ настоящее время, до ста тысячъ жителей.

На англійскую администрацію падаетъ множество упрековъ за управленіе Индіей. Но, по словамъ Жаколье, долго изучавшаго страну, — англійскую систему управленія можно резюмировать двумя словами: „меньше должностныхъ лицъ, больше жалованья, чтобы отнять у нихъ охоту спекулировать своими мѣстами, и, слѣдовательно, какъ можно менѣе бумагомаранія, бюрократіи, которая никакимъ злоупотребленіямъ не препятствуетъ, а стоитъ слишкомъ дорого". Я, мимолетный туристъ, лишь по пути приглядывающійся къ природѣ, людямъ и общественному строю, могъ замѣтить только одно: что если англичане слишкомъ много берутъ отъ побѣжденныхъ народовъ, то и даютъ имъ не менѣе. Прекрасное шоссе, газъ, образцовая полиція, школы, музеи и ботаническіе сады, желѣзныя дороги, отлично организованный извощичій промыселъ, фабрики и заводы — свидѣтельствуютъ объ этомъ. Разница административнаго и торговаго значенія Коломбо и Адена сказывается съ перваго раза: Аденъ — крѣпость и ка-

менноугольный складъ, гдѣ рѣдкій англичанинъ пріо рѣтаетъ осѣдлость; Коломбо — центръ, гдѣ люди ос даютъ прочно.

Не смотря на жару (мы высаживаемся на берегъ в два часа пополудни), на пристани разгуливаетъ н сколько дамъ въ бѣлыхъ платьяхъ. Но не онѣ пр влекаютъ наше вниманіе: я жажду видѣть музей буддійскіе храмы; агрономъ — ознакомиться съ раст тельностью, понюхать и пощупать цвѣты; одинъ из пассажировъ — посмотрѣть баядерокъ. Все это немы лимо безъ найма экипажей и гидовъ.

Музей помѣщается въ роскошномъ двухъ-этажном зданіи, окруженномъ ботаническимъ садомъ, и содержит въ себѣ три коллекціи: археологическую, зоологическу и этнографическую, содержимыя въ чрезвычайномъ п рядкѣ, котораго врядъ-ли когда нибудь достигнутъ наш будущіе ташкентскіе, сибирскіе и южно-уссурійскіе музе если только послѣднимъ суждено когда нибудь воз никнуть. Жаль только, что англичане не отпечатал французскихъ каталоговъ; въ этомъ отношеніи мы, рус скіе, относимся гораздо внимательнѣе къ иностранцамъ незнакомымъ съ нашимъ языкомъ. Эрмитажъ и други музеи давно уже издали каталоги на французском языкѣ.

Любитель баядерокъ, вѣроятно, начитавшись Жаколь торопитъ нашъ осмотръ и не даетъ агроному понюхат

хлѣбныхъ зеренъ, да и послѣднія крѣпко заперты подъ стекломъ. Не будь этого обстоятельства, нашъ агрономъ, конечно, не только перенюхалъ бы, перещупалъ, но и проглотилъ бы нѣкоторую часть коллекціи, какъ въ Аденѣ сжевалъ какіе-то листья. Пѣвца романсовъ К. болѣе всего занимаютъ огромныя акулы, глядя на которыхъ, даже въ залахъ музея преисполняешься страхомъ, хотя и знаешь, что ихъ пасть сдѣлана изъ гипса. Внявъ наконецъ ворчанью любителя баядерокъ, ѣдемъ искать послѣднихъ, но попадамъ, какъ и слѣдовало ожидать, къ жрицамъ инаго сорта и притомъ самой непривлекательной наружности. Сдѣлавъ подобающее внушеніе гидамъ, ѣдемъ въ буддійскій храмъ, который снаружи можно принять за увеселительное заведеніе: рѣшетка ограды убрана флагами, надъ воротами вывѣска и фонарь, внутри ограды опять флаги и вертящіяся молитвы въ видѣ фонарей. Только войдя въ середину храма, убѣждаешься, что находишься въ языческомъ капищѣ: идолы индійскихъ божествъ, барельефы, фрески и картины изъ жизну Будды, огромный лежащій Будда съ женскимъ лицомъ, двадцать четыре изображенія его же въ сидячемъ положеніи. Я думалъ, что индійскій храмъ произведетъ на меня другое впечатлѣніе, ожидалъ особой таинственности. Ничуть не бывало: никакой таинственности нѣтъ, уродливые идолы, чуть не вчера выкрашенные и блестящіе, какъ новая игрушка,

обиліе дневнаго свѣта и ароматъ лотоса — все это пр
даетъ веселый видъ, но ничего не говоритъ ни ум
ни сердцу. Далека вся эта кукольная обстановка
отъ суроваго ученія Шакея-Муни, оставившаго роскошн
дворецъ и ушедшаго въ саванѣ, снятомъ съ мертв
рабыни, проповѣдовать ученіе равенства и любви. Впр
чемъ, одно ли ученіе Будды подверглось искаженію
стороны позднѣйшихъ послѣдователей!

Музей и храмъ—вотъ и всѣ достопримѣчательност
Коломбо, если не считать, что въ сущности весь г
родъ, по своей оригинальности, сплошная достопримѣ
чательность, начиная съ его жителей—сингалезцевъ, к
торыхъ еще семнадцать вѣковъ тому назадъ Птоломе
назвалъ людьми съ женскими волосами. Теперь о
щеголяютъ въ европейскихъ пиджакахъ, но по преж
нему свертываютъ свои длинные волосы въ шиньон
закалываютъ въ нихъ дамскія гребенки, а ноги оберты
ваютъ кусками матеріи, на подобіе малороссійских
плахтъ. Выходитъ, точно Юліи Пастраны разгулива
ютъ. Цейлонскихъ женщинъ французъ Грандильи на
шелъ весьма привлекательными, чрезвычайно граціоз
ными и стройными; но въ ихъ взорахъ онъ прочел
какую-то постоянную робость и тревогу. Въ тѣхъ ту
земкахъ, которыхъ я видѣлъ, я не замѣтилъ ничег
подобнаго, сложены же нѣкоторыя изъ нихъ дѣйстви
тельно прекрасно.

Какъ ни роскошна природа Коломбо, но накатав-
шись по жарѣ и набѣгавшись по лавкамъ мѣстныхъ
издѣлій, я счелъ за лучшее пролежать остальную часть
дня въ лонгшезѣ на верандѣ Hôtel Oriental — учреж-
денія дѣйствительно европейскаго, хотя всѣ офиціанты
его и носятъ шиньоны. Обѣденная зала велика и изящна,
веранды прохладны, мебель проста и удобна, читальня
богата газетами и иллюстраціями — во всемъ такъ и
проглядываетъ англійскій комфортъ. Гарсоны услужливы,
но не навязчивы, какъ московскіе половые и петербург-
скіе касимовцы, такъ и ждущіе отъ васъ подачки.
Англичане на чай не даютъ, и самый богатый лордъ
не дастъ и полъ-пенса офиціанту.

Въ семь часовъ вечера, когда уже стемнѣло, подали
обѣдъ. Нѣкоторые джентльмены явились во фракахъ и
бѣлыхъ галстукахъ, что подъ тропиками показалось мнѣ
немножко страннымъ и смѣшнымъ. Одна молодая леди
или мистриссъ положительно увлекла меня и потомъ сни-
лась цѣлую ночь. Я дѣйствительно убѣдился, что до-
чери туманнаго Альбіона бываютъ иногда прекрасны.
Обѣдало въ залѣ и нѣсколько другихъ хорошенькихъ
барышень, и на ихъ бѣлокурыхъ головкахъ глазъ не-
вольно отдыхалъ послѣ чумазыхъ туземокъ. Хороша при-
рода юга, а женщины лучше на сѣверѣ, хотя въ ихъ
глазахъ и не горятъ страсти бѣшеннымъ огнемъ. Впро-
чемъ о вкусахъ не спорятъ: Жаколье приходитъ въ

восторгъ отъ индіанокъ, мнѣ же онѣ нравятся толь
тогда, когда ихъ изображаютъ петербургскія балерин

Мои спутники ропщутъ на крохотныя порціи, но
нахожу, что послѣднія какъ нельзя болѣе подходя
къ тропической жарѣ и смотрятъ гораздо аппетитн
тѣхъ огромныхъ кусищъ, которые подаютъ намъ н
пароходѣ. Послѣ обѣда всего лучше лечь въ лонгшез
благо это допускается, по мѣстнымъ обычаямъ, даж
въ присутствіи дамъ. Жаль только, что отдыху м
шаютъ несносные продавцы, то сующіе вамъ вѣеръ из
павлиньихъ перьёвъ, то шкатулку изъ щетины дико
браза, то черепаховыя издѣлія.

Въ одиннадцать часовъ мои спутники сбираются н
пароходъ. На улицахъ тихо, городъ словно вымеръ
англичане живутъ всѣ на дачахъ, и вечеромъ въ го-
родѣ почти никого нѣтъ. Тропическія ночи особенно
хороши: луна свѣтитъ какъ разъ надъ головой, въ воз-
духѣ ничто не шелохнется и разлитъ ароматъ деревь-
евъ, а легкая прохлада послѣ дневнаго жара дѣйст-
вуетъ какъ-то успокоительно на нервы.

IV.

Половина двѣнадцатаго. На верхней палубѣ, около
мостика и командирской рубки, сооружена изъ флаговъ
палатка, а въ ней поставленъ образъ Николая Чудо-

рца. Всѣ по своимъ каютамъ переодѣваются. По-
вился мичманъ въ форменномъ сюртукѣ и бѣломъ жи-
етѣ, за нимъ красный, какъ ракъ, пѣвецъ К., также
парадѣ. Штатскіе пассажиры облеклись въ черные
сюртуки, а переселенческій чиновникъ — въ свой мун-
иръ, къ которому прицѣпилъ даже шпагу. Пробило
двѣнадцать. Командиръ даетъ приказъ начать молитву.
Хоръ переселенцевъ и команды, подъ управленіемъ ме-
ханика, извѣстнаго на пароходѣ подъ именемъ „дяди
Сети“, запѣлъ „Достойно“, а затѣмъ воды Индійскаго
океана огласились побѣднымъ гимномъ христіанства:
„Христосъ воскресе!“

— Съ праздникомъ, ребята!—привѣтствуетъ капи-
танъ команду.

— Христосъ воскресе!—поздравляетъ переселенцевъ
ихъ чиновникъ.

Идутъ обычные поцѣлуи. Затѣмъ мы всѣ спускаемся
въ каютъ-компанію, гдѣ ждетъ насъ форменный рус-
скій пасхальный столъ: бабы, крашеныя яйца, тради-
ціонный окорокъ и поросенокъ, „вдова Попова“,—словно
не въ тропикахъ, а гдѣ нибудь на Басманной или Ма-
лой Итальянской.

— Похоже ли это на тропики?—резонируетъ мич-
манъ.

Общее мнѣніе, что не похоже и что чувствуешь себя
словно дома. И долго длится веселая бесѣда, подогрѣ-

ваемая искрометной влагой Редерера и напиткомъ бла-
честивыхъ отцовъ-бенедиктинцевъ. Переселенцы и м
росы также проводятъ праздники по русски: у ни
пѣсни и пляс, и хороводы. Появились откуда-то скрип
и гармоники. Переселенка Ковалева приводитъ публи
въ восторгъ своими „выкрутасами". Между матроса
оказываются также мастера своего дѣла, охватываю
трепака съ ловкостью и легкостью инаго балетна
танцора.

Но вотъ и Сингапуръ. Мы пристаемъ на этотъ ра
къ берегу, и потому въ роль туристовъ вступаютъ п
реселенцы. Они совершенно непонятными способами об
ясняются съ китайцами, торгуются съ послѣдними, с
вершенно смѣло разгуливаютъ по улицамъ, заходятъ
лавки и кабачки, представляя предметъ удивленія д
индусовъ и сыновъ Небесной имперіи, никогда еще
видавшихъ хохловъ. Китайцы даже зазываютъ ихъ к
себѣ въ гости и угощаютъ рисомъ.

Въ ожиданіи спутниковъ, которыми на этотъ ра
являются командиръ Т. и лейтенантъ Ю, я прохажи
ваюсь по набережной и разсматриваю раковины, кото
рыми наполнены цѣлыя лодки. Подходятъ къ одной
двое переселенцевъ.

— А якъ-же ее исты?— спрашиваетъ одинъ залюбо
вавшись огромной оранжевой раковиной.

— Дурный, да гето-жъ камень,—объясняетъ другой

— Такъ нащо-жъ его паны купують?

— Бо дуже грошей маютъ.

Сингапуръ гораздо интереснѣе Коломбо: въ немъ больше жизни, меньше англійской чопорности и рѣзче колоритъ востока. Улицы кишатъ китайцами, начиная съ богатыхъ купцовъ и кончая полуголыми кули въ шляпахъ самыхъ причудливыхъ формъ. На переносныхъ кухняхъ съ утра до ночи пекутъ, варятъ и жарятъ; цырюльники подъ открытымъ небомъ брѣютъ и заплетаютъ косы. Если Коломбо—центръ административный, то Сингапуръ — центръ коммерческій: объ этомъ говорятъ громадные каменные склады, масса магазиновъ, сотни кораблей и вѣчно снующія по городу телѣги со всевозможными товарами востока и запада. Пестрота нарядовъ, типовъ и оттѣнковъ кожи еще большая, чѣмъ въ Константинополѣ: индусы, китайцы, англичане, малайцы, голландцы, чалмы, фески, англійскія каски, цилиндрическіе колпаки парсовъ, шляпы-корзинки китайцевъ, котелки европейцевъ, дамскія шляпки, шапочки полисмэновъ, пиджаки, куртки, китайскія кофты, мундиры, голое тѣло — точно огромный маскарадъ на улицахъ. Говорятъ, что востокъ спитъ; про Сингапуръ этого сказать нельзя: развѣ въ Парижѣ или Вѣнѣ также развита уличная жизнь. Люблю я портовую жизнь, люблю смотрѣть, какъ перекатываютъ бочки и таскаютъ тюки, переплывшіе моря и океаны, какъ нагру-

жаютъ и разгружаютъ корабли. Кажется, какъ будто находишься въ общеніи съ цѣлымъ міромъ. Да и дѣйствительно, кругомъ васъ слышенъ разнородный говоръ, лежатъ произведенія всѣхъ странъ. Въ Сингапурѣ особенно развита жизнь на пристани. Въ этомъ отношеніи онъ—идеальный портовый городъ. Чего и кого только здѣсь нѣтъ, и все это движется, кипитъ; подъемныя машины работаютъ, китайцы снуютъ взадъ и впередъ съ тачками и тяжелой ношей; тутъ и лошади, и горбатые зебу, и крохотные ослики. А между тѣмъ, думалъ я, любуясь на эту картину, вся эта жизнь возникла безъ всякихъ покровительственныхъ тарифовъ и пошлинъ... даже на раковины. Уроки исторіи не прошли даромъ для англичанъ, ихъ государственные люди не увлекаются, какъ Бисмаркъ и его подражатели, вѣрой въ свое всемогущество, а знаютъ хорошо, что историческіе и экономическіе законы также непреложны, какъ и законы естественные.

Пока мои спутники отправились покупать и примѣрять тропическіе костюмы, я пошелъ побродить по городу. Вышелъ къ площадкѣ, гдѣ расположены ратуша и почтамтъ и стоитъ огромный черный слонъ, значенія котораго мнѣ никто у насъ на пароходѣ объяснить не могъ; перешелъ чугунный висячій мостъ, за которымъ расположенъ европейскій кварталъ, гдѣ очень много красивыхъ домовъ въ строго европейскомъ вкусѣ и очень

изящной архитектуры. Повидимому, англійскіе купцы не лишены чувства изящнаго, хотя, можетъ быть, обладаютъ имъ и не въ такой степени, какъ купцы Генуи и Венеціи въ блестящія времена этихъ республикъ. Да еслибы они и пожелали имѣть свои palazzo Rosso, palazzo Bianco и т. под., то въ Сингапурѣ не нашлось бы такихъ великихъ мастеровъ, которые бы удовлетворили ихъ желанію; не нашлось бы и тѣхъ „бѣдныхъ невольниковъ“, руками которыхъ воздвигнуты поименованные дворцы. Нынѣшнія архитектурныя произведенія не такъ строги по своему стилю и носятъ на себѣ печать „мѣщанскаго вѣка“, но зато они и стоютъ все таки меньше человѣческихъ пота и крови. И это, — какъ хотите,—прогрессъ.

Торговая часть города построена совершенно также, какъ строятся большіе европейскіе города: тѣ же каменныя громады, вытянутыя чуть не по линейкѣ. Это, впрочемъ, имѣетъ здѣсь своего рода удобство, такъ какъ даетъ тѣнь. Огромные магазины тоже ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ только и есть одна особенность; это — прикащики-индусы, объясняющіеся на ломаномъ англійскомъ языкѣ, который могутъ понять лишь лица, хорошо знающія англійскій языкъ. Я сунулся было въ одинъ изъ такихъ магазиновъ, но никакъ съ прикащикомъ объясниться не съумѣлъ, да такъ ни съ чѣмъ и ушелъ.

Нагулявшись до изнеможенія по улицамъ и небольшому, но очень хорошенькому скверу, я отправился въ гостинницу, гдѣ условился встрѣтиться со спутниками, которые все еще продолжали, повидимому, возиться съ портнымъ. На площади, раскинувшейся предъ отелемъ, и поросшей травой, шли приготовленія къ игрѣ въ крокетъ: натягивали сѣти и веревки, забивали какіе-то колышки и шесты. Я прилегъ на диванъ и спросилъ бутылку газовой воды—единственнаго напитка, который я могъ назвать по англійски. При оплатѣ вышелъ курьезъ, благодаря моему произношенію. Я спросилъ, сколько стоитъ, а бой, т. е. гарсонъ, понялъ что я прошу спичку. Для поддержанія достоинства пришлось закурить сигару, и зато молчаливо дать монету.

Интересуясь религіознымъ культомъ, я потянулъ своихъ двухъ спутниковъ въ браминскій храмъ и китайскую кумирню. Первый состоитъ изъ главнаго зданія и двухъ часовень, въ одной изъ которыхъ помѣщается изображеніе Сивы, пожирающаго дѣтей. Надо отдать справедливость, индѣйцы — большіе мастера придавать своимъ идоламъ чудовищный, отталкивающій видъ. Въ главномъ зданіи, гдѣ насъ обязали разуться, изображенія Брамы и Вишну стоятъ на нѣкоторомъ подобіи католическихъ престоловъ. Престолы эти осыпаны душистыми цвѣтами, и предъ ними совершаются совсѣмъ ужъ не ароматныя куренія. Кромѣ идоловъ Брамы,

Вишну и Сивы, имѣются изображенія и второстепенныхъ божествъ. Всѣ они, безъ исключенія, раскрашены яркими масляными красками. Въ китайской кумирнѣ я не нашелъ тѣхъ ужасныхъ идоловъ, о которыхъ разсказываетъ докторъ Пясецкій: идолы ея малы и миловидны; и лишь на входныхъ дверяхъ изображены золотымъ огромныя безобразныя фигуры съ злымъ выраженіемъ лицъ. Въ кумирнѣ, какъ и въ браминскомъ храмѣ, устроено три престола съ разными украшеніями и свѣчами. Передъ главнымъ, т. е. среднимъ престоломъ, перпендикулярно въ два ряда поставлены какія-то пики и алебарды. Гидъ объяснилъ, что это оружіе носится во время религіозныхъ процессій. Отдѣлка кумирни весьма роскошна, особенно потолковъ и карнизовъ. По стѣнамъ развѣшаны молитвы, съ потолка спускаются изящные фонари. Нельзя сказать, чтобы китайцы были особенно почтительны къ своей святынѣ. Когда мы вошли въ кумирню, то многіе изъ нихъ валялись въ шезлонгшезахъ, сидѣли спиною къ алтарямъ и курили трубки. Что городъ, то норовъ: въ Севильскомъ соборѣ молодежь устраиваетъ любовныя свиданія, китайцы въ своихъ молельняхъ предаются восточному кейфу, а въ Петербургѣ въ почтамтской церкви high life занимается пріятной бесѣдой.

Театральныя афиши обѣщали на вечеръ два удовольствія: европейскій концертъ заѣзжихъ арфянокъ и

индійскій спектакль. Я и мои спутники избрали
слѣдній и отправились смотрѣть мѣстную оперу „А
динъ или волшебная лампа“. Обстановка театра
накова съ обстановкой нашихъ балагановъ на Ц
цыномъ лугу: декораціи въ европейскомъ вкусѣ,
валы, кулисы, рампы; только нѣтъ суфлерской буд
а оркестръ помѣщается за сценой. Актеры поютъ
сливой фистулой, повторяя по два раза каждую фр
но прекрасно держатъ тактъ и соблюдаютъ музык
ный ритмъ. Въ числѣ исполнителей одинъ, изображ
шій негра, обнаружилъ оригинальный, неподдѣль
комизмъ. Женскія роли исполняются мальчиками, оч
хорошо закостюмированными, такъ что съ перваго взгл
трудно замѣтить, что это не дѣвушки; только акт
игравшій мать Аладина, болѣе походилъ, со сво
очками и зачесанными назадъ волосами, на нѣмец
студента, нежели на старуху.

Публика, какъ и городское населеніе, смѣшан
рядомъ съ англичанками сидятъ купцы-китайцы; да
лимоннаго цвѣта малайцы, одѣтые въ европейскіе
стюмы, коричневые индусы и надутые англійскіе бурж
разъигрывающіе роль лордовъ. Сидятъ, изъ уваж
къ дамамъ, безъ шляпъ, но курятъ даже во вр
дѣйствія. Заразившись общимъ примѣромъ, я вын
папироску и обратился къ сосѣду-китайцу съ прось
закурить у него, и—представьте мое удивленіе, ко

нъ подалъ мнѣ коробочку шведскихъ спичекъ финляндскаго производства. Воображаю, какъ бы возликовалъ на моемъ мѣстѣ какой нибудь патріотъ Роппайне или Сиволяйне. Онъ, конечно, рѣшилъ бы, что финскій народъ—первый въ мірѣ, такъ какъ его спичками закуриваютъ трубки и сигары даже и китайцы, сами себя считающіе первымъ народомъ.

Не обошлось дѣло безъ маленькаго приключенія. Во второй картинѣ, когда Аладинъ только что затянулъ какую-то тоскливую арію, потухла люстра, за нею — другая, третья, затѣмъ и рампа; актеры и публика остались впотьмахъ. Администрація театра не потерялась. Сейчасъ же принесли керосиновые лампы, и спектакль пошелъ своимъ чередомъ, а въ антрактѣ зажгли и газъ. Досидѣть до конца оказалось однако же невозможнымъ: однообразное гнусливое пѣніе дѣйствуетъ слишкомъ усыпительно. Да и не представлялось надобности досиживать до конца, такъ какъ развязка пьесы извѣстна изъ „Тысячи и одной ночи“.

Когда мы вышли изъ балагана и сѣли въ карету, на улицѣ кипѣла еще жизнь, хотя былъ уже двѣнадцатый часъ. Китайскіе кварталы Сингапура особенно оригинальны вечеромъ. Лавки освѣщены лампочками и цвѣтными фонарями; на лоткахъ, подъ открытымъ небомъ, горятъ керосиновыя лампы—все это представляетъ очень красивую иллюминацію, тѣмъ болѣе, что и небо

словно иллюминованно ярко-свѣтящимися звѣздами. О
щій видъ является болѣе эффектнымъ, чѣмъ наши п
заическія иллюминаціи изъ газовыхъ рожковъ въ ви
звѣздъ и вензелей. Главное, нѣтъ этой скучной симм
ріи, которая всегда отдаетъ чѣмъ-то казарменнымъ
фронтовымъ. Мнѣ почему-то пришелъ въ голову
бывшій гимназическій директоръ, который разъ, у
давъ на гимназистѣ клеенчатую фуражку, хотѣлъ,
собственнымъ словамъ, выскочить въ окошко. Ему б
конечно, не понравился живописный безпорядокъ син
пурскаго базара; не понравилась бы эта иллюмина
и полковнику Скалозубу. Но я положительно ею зал
бовался.

V.

Китайскія джонки то и дѣло попадаются намъ
встрѣчу и лѣзутъ чуть не подъ самый носъ пароход
къ великому негодованію лейтенанта К. Гон-Кон
близко. Чистокровному россіянину, т. е. такому, кот
рый всю жизнь просидѣлъ въ петербургскихъ департ
ментахъ или въ своемъ тамбовскомъ помѣстьѣ, Кита
представляется карикатурною страною чудесъ: тамъ
стутъ карлики-деревья, огороды разводятся на рѣчны
плотахъ, у женщинъ вмѣсто ногъ крохотныя копыт
господствуетъ тысяча церемоній, ѣдятъ крысъ, кошек
и червей, приготовленныхъ на касторовомъ маслѣ. В

он-Конгѣ ничего подобнаго не увидишь — это вполнѣ вропейскій городъ, лишь съ китайскимъ оттѣнкомъ. еревья въ немъ обыкновенныя, ножки китайскихъ амъ тоже, а ѣдятъ китайцы больше всего рисъ. Въ он-Конгѣ, какъ въ Аденѣ и Коломбо, приходится на аждомъ шагу удивляться англичанамъ. Высмотрѣли ни бухту среди скалъ, на которыхъ не росло ни кутика, рѣшили, что стоитъ только захотѣть, и на этихъ калахъ можно устроиться съ неменьшимъ комфортомъ, ѣмъ на берегахъ Темзы. И вотъ выросли каменныя громады, снабженныя всѣми удобствами, какія только выработала западно-европейская культура, зазеленѣли сады и бульвары, открылись магазины, завелись клубы, выстроились школы и колледжи тамъ, гдѣ еще сорокъ пять лѣтъ тому назадъ была пустыня.

Легкій вѣтерокъ подуваетъ на палубѣ, а изъ-за горизонта поднимаются одна за другою горы, окутанныя, какъ флеромъ, прозрачными облаками. Выступили изъ воды и берега, фабрики и рыбачьи домики, а за ними роскошная панорама города. Не успѣли мы причалить, какъ уже пароходъ окруженъ цѣлой флотиліей джонокъ и лодокъ, на которыхъ работаютъ цѣлыя семьи: семилѣтняя дѣвочка, при помощи маленькаго братишки, ворочаетъ огромнымъ весломъ, mater-familias, съ груднымъ ребенкомъ за плечами, правитъ рулемъ, а глава семейства управляетъ парусами. У китайскихъ лодоч-

никовъ, какъ и у нашихъ крестьянъ, женскій воп
давно уже рѣшенъ практическимъ путемъ, и они,
нечно, были-бы удивлены, узнавъ, что европей
публицисты до сихъ поръ спорятъ о томъ, какой т
свойственъ женщинамъ и не рождены ли послѣ
только

„для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“...

т. е. для того, чтобы вдохновлять и услаждать
шего брата мужчину. Командиръ съ двума лейте
тами отправляются на адмиральскій фрегатъ „Минин
а мы, пассажиры, съѣзжаемъ на берегъ. Прежде в
устремляемся въ почтамтъ отправить на родину пис
а оттуда, какъ водится, въ магазины — наку
нужное и ненужное изъ мѣстныхъ произведеній,
чего поѣздка на берегъ — не въ поѣздку. Въ ч
магазиновъ нельзя миновать лавки Ивана Иванов
т. е. собственно китайца Квангъ-Воо, котораго о
стили русскимъ именемъ наши моряки, сдѣлавшіе
вѣроятно, и русскую вывѣску. Толстая фигура и д
родушное круглое лицо не мѣшаютъ Ивану Иванов
быть очень хитрымъ и плутоватымъ купцомъ, котор
считаетъ своимъ долгомъ содрать съ васъ лишнее
то, что онъ понимаетъ нѣсколько русскихъ словъ
въ его магазинѣ для посѣтителей всегда стоитъ коро
съ „пушками“ Лаферма, проникшими, какъ видите,

ко въ Германію, Францію и Италію, но и въ
тай. Возликуйте, патріоты своего отечества: русскія
пиросы куритъ самъ гонконскій купецъ Квангъ-Воо.
спутники такъ и застряли въ лавкахъ, а я от-
вился бродить по городу и посмотрѣть ботаническій
дъ. Поднимаясь въ этотъ садъ по улицѣ-лѣстницѣ,
наткнулся на партію арестантовъ-китайцевъ въ кан-
лахъ, конвоируемыхъ вооруженными надзирателями,
лисмэнами и сипаями. У каждаго арестанта на пле-
хъ по громадной бамбуковой палкѣ. Видъ у всѣхъ
брый и здоровый, ничѣмъ не оправдывающій раз-
азовъ о будто бы жестокомъ обращеніи англичанъ съ
овинившимися китайцами: или разскащики клевещутъ
и англичане дѣйствительно мастера продавать товаръ
цомъ.

Ботаническій садъ, дѣйствительно, верхъ искусства.
къ бы мало ни любилъ человѣкъ деревья и цвѣты,
ъ не можетъ остаться равнодушенъ въ этомъ саду:
гантскія латаніи, диморфанты, араліи, арумъ, рас-
щій, какъ простая трава, всевозможнѣйшія хвойныя
ревья жаркаго климата, огромныя клумбы жасми-
въ, геліотроповъ и другихъ цвѣтовъ, обдающихъ
съ своимъ ароматомъ, все это разсажено самыми при-
дливыми группами, благодаря которымъ красота при-
ды еще рѣзче выступаетъ и бьетъ вамъ въ глаза.
фальтовыя дорожки вьются по обрывамъ зигзагами,

то вверхъ, то внизъ, и вдругъ гдѣ нибудь за угл
скалы раскинется терраса съ цвѣтникомъ, бесѣдка
изъ вьющихся растеній и фонтаномъ. Карамзинъ
какомъ-то мѣстѣ „былъ пораженъ, но не плѣненъ
я же, грѣшный, былъ и пораженъ и плѣненъ въ г
конскомъ ботаническомъ саду. И не хотѣлось мнѣ у
дить изъ этого земнаго рая, насажденнаго человѣко

Юркіе еврейчики пробрались и въ Гон-Конгъ.
то время, какъ мы покупали всякую всячину у Ива
Ивановича, одинъ изъ нихъ влѣзъ въ магазинъ
присталъ къ намъ съ предложеніями быть нашимъ пр
водникомъ, указать намъ магазинъ, гдѣ все вд
дешевле, и пропечатать Квангъ-Воо въ мѣстной г
зетѣ, какъ мошенника, надувающаго иностранцев
Какъ однако-же не разсыпался онъ въ краснорѣч
на русскомъ языкѣ, желающихъ воспользоваться
услугами не нашлось, и сей, по всей вѣроятности, дезе
тиръ отъ воинской повинности такъ и не поживился от
насъ ни пенсомъ. Осматривать въ Гон-Конгѣ, кро
сада, собственно нечего. Звали меня обѣдать въ нѣмецк
клубъ, но я предпочелъ вернуться на пароходъ.

Вхожу въ каютъ-компанію и слышу, что кто-
окликаетъ. Оборачиваюсь — петербургскій знакомы
лейтенантъ Ѳ.

— Вотъ не ожидалъ-то! восклицаетъ онъ, — ка
кими вы здѣсь судьбами?

— Какъ видите, очутился здѣсь, а ѣду знакомиться съ нашимъ крайнимъ востокомъ.

— Поѣдемъ къ намъ на фрегатъ.

Я, само собою, радъ случаю побывать на военномъ кораблѣ, да еще такомъ, который считается въ полномъ смыслѣ образцовымъ. Быстро несется шлюпка подъ ровными взмахами веселъ, и мы уже на палубѣ фрегата. Чистота, порядокъ и лоскъ дѣйствительно на славу. Мой пріятель, повидимому, хвастается своимъ кораблемъ. Въ каютъ-компаніи ожидаетъ радушіе, которымъ славятся русскіе моряки. Идутъ разспросы о Петербургѣ, о Россіи, объ общихъ знакомыхъ, разсказы объ испытанныхъ во время плаванія невзгодахъ. Возвращаюсь на свой пароходъ, но туда еще никто не вернулся изъ города, даже командиръ гдѣ-то застрялъ. Только послѣ четвертаго звонка удается намъ сняться съ якоря. Всю ночь свистки не даютъ покоя; это — предостереженіе для безпечныхъ джонокъ, которыя такъ и снуютъ подъ пароходъ и считаютъ излишними предупредительные огни. На утро показываются киты. Нѣтъ больше томительной тропической жары, и сѣвернымъ легкимъ дышется легче и привольнѣе.

„И *холодъ сѣвера* намъ сладокъ и пріятенъ“

перефразировалъ я извѣстный стихъ, дыша полной грудью, хотя холода собственно еще и не было.

VI.

Легонькій туманъ окуталъ горы и мѣшаетъ ра
смотрѣть знаменитую деревню Инносу и городъ Наг
саки. Да послѣдній и вообще какъ-то теряется сред
горъ и утопаетъ въ окружающей зелени. Мы стоим
уже на рейдѣ, и я такъ и не видалъ, какъ мы пр
шли мимо знаменитаго Папенберга, съ вершины кот
раго, согласно іезуитскимъ источникамъ, въ 1763 г
японцы, бывшіе также нѣкогда фанатиками, сбросили ч
тыре тысячи христіанъ и тѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ
потушили зачатки японской цивилизаціи. По другимъ
источникамъ, эти четыре тысячи сводятся лишь к
нѣсколькимъ человѣкамъ.

Пока мы вглядываемся въ постепенно разсѣивающійс
туманъ, на японскихъ фуне къ пароходу подъѣзжают
одинъ за другимъ поставщики, коммиссіонеры и купцы
Между ними очень многіе въ европейскихъ костюмахъ
Богатый купецъ Ямомото, какъ онъ себя рекомендуетъ
отлично объясняется по русски, чему онъ научилс
съ помощью самоучителя. Японцы удивительно способ-
ный и воспріимчивый народъ. Немного лѣтъ прошл
отъ начала реформъ нынѣшняго микадо, а уже Японія
почти не нуждается въ иностранцахъ. Другая хоро-
шая черта японцевъ — вѣжливость и скромность. Япо-
нецъ иначе съ вами не заговоритъ, какъ съ привѣт-

ливой улыбкой и извиняясь, что васъ обезпокоилъ. Ни одинъ торгашъ не станетъ къ вамъ приставать по десяти разъ, какъ это дѣлаютъ евреи, китайцы и сингалезцы.

Позавтракавъ на скорую руку жирными креветками и свѣжими огурцами, беру фуне и ѣду въ городъ. Кстати о фуне. Это — очень удобныя лодки, очень похожія на венеціанскія гондолы, впрочемъ нѣсколько длиннѣе, съ крытой каюткой на носу и весломъ на кормѣ. На пристани сажусь въ небольшую коляску, везомую человѣкомъ, такъ какъ другихъ экипажей въ Нагасаки, какъ и въ Гон-Конгѣ, не имѣется. Городокъ очень чистенькій, улицы шоссированы и вымощены продолговатыми плитами, по которымъ очень быстро катится экипажъ. Дома, побольшей части, двухъэтажные, построенные сплошь, и у туземцевъ средняго класса съ окнами, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, наклеена восковая бумага. Постройка японскихъ домовъ, за малыми исключеніями, такъ легка и удобовоспламенима, что нужно удивляться, какъ японскіе города не выгораютъ, если не ежемѣсячно, то ежегодно.

Мой спутникъ, прежде всего, тащитъ меня въ пивную выпить лимонаду. Оказывается, что хозяйка говоритъ по русски.

— Гдѣ это вы выучились? спрашиваемъ мы ее.

— Здѣсь, въ Нагасаки, здѣсь очень многіе говорятъ по русски. Кромѣ того, я недолго жила въ Одессѣ.

— А сами же вы откуда?

— Я изъ Австріи, изъ Львова.

Вотъ какъ судьба бросаетъ людей: въ Портъ-Саидѣ торгуетъ венгерецъ, въ Гон-Конгѣ болтается одесскій еврей, а въ Нагасаки содержатъ ресторанчикъ галичане. А мы „благополучные россіяне" съ ужасомъ смотримъ на поѣздку въ Приамурскій край. Когда я въ Петербургѣ сказалъ, что ѣду въ южно-Уссурійскій край, то многіе сочли меня чуть не за сумасшедшаго. Удовлетворивъ нашу жажду, отправляемся осматривать католическую церковь. Въ архитектурномъ отношеніи она не представляетъ ничего особеннаго, но окружена прелестнымъ садикомъ и расположена на прекрасномъ мѣстѣ, а — главное — довольно высоко на горѣ, такъ что съ паперти открывается весьма живописный видъ на городъ, гавань, горы противоположнаго берега и утопающую въ зелени Инносу. Будь у насъ время, можно было-бы просидѣть цѣлый часъ, любуясь на эту живую панораму. Въ самой церкви обращаютъ на себя вниманіе двѣ картины изъ временъ гоненія на христіанъ въ Японіи: на одной изображенъ судъ, на другой — распятые на крестахъ. Не знаю, на сколько картины эти вѣрны исторически, но обѣ онѣ довольно хорошей работы и производятъ впечатлѣніе, особенно,

когда глядишь на полныя отчаянія женскія фигуры. Оригинальна лубочной работы картина страшнаго суда, гдѣ всѣ грѣшники и праведники изображены въ японскихъ національныхъ костюмахъ.

— Въ магазинъ Ямомото! командуемъ мы, окончивъ осмотръ.

Нѣсколько поворотовъ по узенькимъ улицамъ и переулкамъ, представляющимъ сплошной базаръ, и мы въ лавкѣ настоящихъ и поддѣльныхъ древностей и „курьезовъ". У Ямомото все древность: и заржавленная пика, и лакированная коробочка, вышедшая вчера изъ рукъ кустаря, и каждая фарфоровая чашечка. Накупивъ всякихъ, очень изящныхъ бездѣлушекъ, отправляемся въ знаменитый Кезіемацъ, кварталъ, названный однимъ русскимъ путешественникомъ лучшею частью города, въ сущности же довольно грязный. Здѣсь, что ни домъ, то своего рода „Орфеумъ", гдѣ „муссумэ", т. е. дѣвушки, поютъ, играютъ и танцуютъ, а зрители пьютъ чай, пиво и другіе напитки. Эти-то увеселительныя учрежденія, носящія скромное названіе „чайныхъ домовъ" и привели въ восторгъ названнаго путешественника, они же поселиливъ другихъ, не менѣе легкомысленныхъ туристахъ, убѣжденіе въ страшной распущенности японскихъ нравовъ. Въ одномъ изъ „чайныхъ домовъ" двѣ очень юныхъ дѣвушки познакомили насъ съ національными музыкой, пѣніемъ и

танцами. Пѣніе и музыка мнѣ не понравились, но танцы очень граціозны и выразительны.

Отсюда ѣдемъ въ главный японскій храмъ, къ которому ведетъ каменная лѣстница, имѣющая около трехсотъ ступеней; на каждой площадкѣ сдѣланы каменныя же ворота, а на послѣдней, представляющей окруженный постройками дворикъ, стоятъ двѣ фарфоровыхъ колонны и бронзовый, въ натуральную величину, конь. Храмъ окруженъ садомъ, въ которомъ разбросано нѣсколько крохотныхъ ресторанчиковъ. Изъ этого сада, какъ и съ паперти католическаго храма, открывается также прекрасный видъ.

— Хотите видѣть русскій госпиталь? спрашиваетъ меня нашъ докторъ, когда я возвращаюсь на пароходъ.

Я изъявляю согласіе, и мы ѣдемъ въ Инносу. Госпиталь устроенъ, по инициативѣ П. Н. Назимова, покойнымъ адмираломъ Лесовскимъ, и устроенъ прекрасно; но въ настоящее время запущенъ и приходитъ въ постепенное разрушеніе, хотя и теперь въ немъ лежитъ нѣсколько больныхъ. Жаль смотрѣть, какъ наша русская безпечность мѣшаетъ пользоваться дѣйствительно полезными учрежденіями, требующими самой небольшой денежной поддержки. И вотъ ковры пылятся, тюфяки гніютъ, хирургическіе инструменты ржавѣютъ, мебель никѣмъ не ремонтируется. А будь при госпиталѣ постоянный врачъ, все бы это поддерживалось,

и у нашихъ военныхъ судовъ былъ бы въ Японіи свой прекрасный пріютъ для больнаго матроса, — пріютъ, въ которомъ мы можемъ опять сильно нуждаться, случись только споръ съ Китаемъ, въ послѣднее время все сильнѣе задирающимъ носъ. Да и въ мирное время такой госпиталь — далеко не лишній: Нагасаки — станція, гдѣ почти постоянно стоитъ нѣсколько нашихъ военныхъ судовъ балтійской эскадры и сибирской флотиліи. Въ то время, когда здѣсь стояла эскадра Лесовскаго, госпиталь далъ экономіи восемь тысячъ долларовъ, т. е. шестнадцать тысячъ рублей, да и теперь дѣлаетъ экономіи полтора доллара въ сутки на каждаго больнаго. Капиталъ, получившійся отъ сбереженія, теперь хотятъ употребить на постройку часовни. Мысли этой, конечно, нельзя было бы не сочувствовать, еслибы при часовнѣ былъ священникъ и школа и еслибы она сдѣлалась центромъ миссіонерской дѣятельности. Мы же, конечно, построимъ церковь, приставимъ къ ней старика-инвалида и затѣмъ предоставимъ дождю и вѣтру развѣвать по воздуху потраченный капиталъ. За подобными примѣрами ходить не далеко: на ремонтъ православнаго кладбища въ Инносѣ жалѣютъ отпустить самыя ничтожныя деньги. Да, жаль госпиталя, въ устройствѣ котораго на каждомъ шагу видна рука человѣка, любящаго свое дѣло и знакомаго съ послѣднимъ словомъ

науки. Каждый, кто лежалъ въ инносинскомъ госпиталѣ, конечно, вспомянетъ добрымъ словомъ врача А. П. Левитскаго и П. Н. Назимова, построившаго на свои личныя средства цѣлый баракъ.

Погоревавъ по поводу нашего вандализма, ѣдемъ съ докторомъ къ русскому консулу В. Я. Костылеву, истинно русскому человѣку, у котораго каждый землякъ находитъ настоящее славянское гостепріимство. Чтобы попасть къ нему, нужно пройти чрезъ небольшой садикъ, являющійся въ своемъ родѣ миньятюрнымъ раемъ, въ которомъ, правда, нѣтъ „древа познанія добра и зла“, но за то растутъ роскошныя пальмы, рододендроны и масса цвѣтовъ. Послѣ плаванія, грѣхъ сидѣть въ комнатахъ, и мы идемъ гулять за городъ, къ небольшому японскому храмику. Дорогою я лицомъ къ лицу сталкиваюсь съ японской земледѣльческой культурой. Много упорнаго труда положено въ эти горы, превращенныя въ террасы, идущія уступами; но за то много отъ нихъ получаетъ земледѣлецъ: три раза въ годъ бываетъ жатва и посѣвъ. Чтобы земля не истощалась, она ежегодно удобряется; а затѣмъ посѣвъ въ теченіи года мѣняется. Нашъ агрономъ, изъѣздившій вдоль и поперекъ Европу, говоритъ, что онъ нигдѣ не видалъ такой прекрасной обработки полей, какъ около Нагасаки.

Храмикъ помѣщается довольно высоко, такъ что

добраться до него составляетъ особаго рода путешествіе, и состоитъ изъ небольшой квадратной комнатки съ двумя дверями, изъ которыхъ задняя представляетъ нѣчто въ родѣ клѣтки, въ которой стоятъ сосуды для куренія и лежатъ различныя приношенія въ видѣ мелкихъ монетъ, цвѣточковъ и ленточекъ. Въ комнаткѣ стоитъ деревянный сундукъ, а по стѣнамъ развѣшаны картины грубой работы. Какой-то морякъ нарисовалъ тутъ же черною краскою корабль. Посидѣвъ на обломкѣ старой колонны и полюбовавшись на разстилавшуюся у нашихъ ногъ панораму, освѣщенную лучами заходящаго солнца, мы спустились внизъ и направились подъ гостепріимный кровъ консула, гдѣ насъ ожидалъ уже обѣдъ. За обѣдомъ рѣчь зашла о томъ времени, когда въ Нагасаки стояла эскадра адмирала Лесовскаго, и бесѣда затянулась такъ долго, что на дворѣ стало совсѣмъ темно и взошла луна. Выйдя на улицу, я положительно остолбенѣлъ, глядя на открывшуюся предъ моими глазами картину, описать которую можетъ развѣ такой великій художникъ, какимъ былъ Тургеневъ. Мои спутники, докторъ и консулъ, и тѣ какъ то стали молчаливы подъ вліяніемъ чудной ночи.

На рейдѣ и пароходѣ господствуетъ какая-то торжественная тишина, изрѣдка прерываемая криками продавцовъ и лодочниковъ на пристани; лишь тысячи огоньковъ на берегу показываютъ, что городъ еще не спитъ.

Утромъ я уже опять на берегу, досматриваю
чего не видалъ наканунѣ. Въ Нагасаки, какъ и
всюду на востокѣ, жизнь проходитъ на улицѣ: куста
работаетъ у всѣхъ на виду подъ навѣсомъ своей
вочки, широко раскрытые двери домовъ позволяю
видѣть, какъ хозяйка варитъ обѣдъ. Но никто не
дитъ, сложа руки, каждый непремѣнно занятъ как
нибудь работою. Очень красивы пересѣкающіе горо
ручейки, набережныя которыхъ сплошь обвиты плющем
Плющъ и другія вьющіяся растенія обвиваютъ соб
даже водяныя мельницы. Захожу въ фотографію. Здѣ
чистота въ пріемной, ателье и даже на дворѣ—така
что ей позавидовали бы сами голландцы, славящі
своей чистоплотностью. Фотографъ-японецъ оказывает
знатокомъ своего дѣла, судя по развѣшаннымъ и ра
ложеннымъ образцамъ работы, которые могутъ пос
рить съ любыми изъ европейскихъ. На фотографіи
и оканчиваю свой осмотръ и уѣзжаю на пароход
унося глубокую симпатію къ скромному, трудолюбиво
и привѣтливому японскому народу и сожалѣя, что пр
мая цѣль моего путешествія мѣшаетъ мнѣ пожить
среди его подольше и познакомиться съ нимъ поближ
Да, у этого народа есть будущность!

СТОЛИЦА ЮЖНО-УССУРІЙСКАГО КРАЯ.

I.

На палубѣ было замѣтно холодно. Мы прошли только-то островъ Да-Желетъ. Еще утромъ я щеголялъ въ шведской курткѣ, а тутъ пришлось натягивать ватное пальто съ мѣховымъ воротникомъ, не смотря на то, что былъ конецъ апрѣля, и мы находились въ одной широтѣ съ Флоренціей.

— Однако, хваленая сибирская Италія-то оказывается вродѣ Петербурга, — замѣтилъ я своему спутнику, лейтенанту Т., возвращавшемуся во Владивостокъ изъ отпуска.

— А вы думали у насъ и впрямъ Италія? Откуда вы почерпнули такія фантастическія свѣдѣнія?

— Какъ откуда? Въ Петербургѣ меня снабдили журналами одной коммиссіи, гдѣ все прописано: и климатъ, и растительность, и фауна.

— Ну, ужъ не знаю, какіе у васъ тамъ журналы, а вотъ что вы пощеголяете въ ватномъ пальто мѣсяцъ — это я могу сказать вамъ навѣрное.

— Какъ мѣсяцъ? Да вѣдь въ маѣ и въ Петербу[рге] ходятъ уже въ лѣтнемъ пальто.

— То Петербургъ, — а то Владивостокъ.

— Что, новое разочарованіе? — спросилъ меня ком[ан]диръ, вмѣшиваясь въ нашъ разговоръ.

Я въ отвѣтъ только затянулся сердито сигарой.

— Радуйтесь, радуйтесь; еще, говорятъ, и не т[акъ] придется разочароваться, — продолжалъ подтруни[вать] командиръ.

На палубѣ было совершенно пусто. Нашъ живой гр[узъ] — переселенцы Черниговской губерніи, — почти погол[овно] попрятались въ эмигрантскія помѣщенія, хотя та[мъ,] не смотря на виндзеля и ежедневную дезинфекцію, [воз]духъ былъ такъ спертъ, что можно было буква[льно] топоръ вѣшать.

— Вотъ вы наконецъ и на мѣстѣ назначенія, [—] привѣтствовалъ меня за вечернимъ чаемъ пароход[ный] докторъ, — завтра можете наслаждаться Владивосток[омъ] и его милыми нравами.

— Да не дразните вы меня, докторъ, я и т[акъ] проклинаю глупую мысль эмигрировать изъ Петербу[рга,] а тутъ еще всѣ только и знаютъ, что поддразниваю[тъ] да запугиваютъ меня!

. . . .

Проснувшись рано утромъ, я почувствовалъ холодъ даже въ каютѣ, не взирая на призванный, въ помощь байковому одѣялу, плэдъ. Чтобы не дрожать на койкѣ, я ранѣе обыкновеннаго всталъ и отправился въ каютъ-кампанію.

— Поздравляю съ приходомъ! — привѣтствовалъ меня лейтенатъ Т., проникнутый радостью возвращенія къ семьѣ.

— Развѣ ужъ пришли?

— Входимъ, черезъ часъ бросимъ якорь.

Выпивъ наскоро кофе, я поднялся на верхнюю палубу. Справа и слѣва высились горы и утесы, лишенные всякой зелени. Голыя деревья придавали имъ еще болѣе печальный видъ.

— Проливъ — Босфоръ Восточный, бухта Патроклъ, Діомидъ, островъ Русскій, мысъ Голдобинъ, — пояснялъ мнѣ мѣстности Т.

Поэтическія названія мало отвѣчали скудному осеннему виду, представлявшемуся нашимъ глазамъ. Только густыя облака тумана, разгуливавшія по вершинамъ холмовъ, да волны, сердито грызшія подножія темныхъ утесовъ, оживляли картину. Ни одного признака входа въ гавань военнаго порта, кромѣ сигнальной мачты, на которой былъ поднятъ флагъ, возвѣщавшій нашъ приходъ. Пароходъ завернулъ въ бухту Золотой Рогъ. Справа показались артиллерійскія казармы, слѣва

— убогій сарай, переселенческіе бараки, и изъ утр
няго тумана сталъ вырисовываться городъ, безпорядо
раскинутый по склонамъ горъ вдоль всей бухты. О
сильно напоминалъ собою большое приволжское село

— Вотъ это большое каменное зданіе — магази
Альберсъ и К°, длинный деревянный домъ съ баш
и мачтой — штабъ главнаго командира, а малень
церковка — соборъ, — продолжалъ пояснять Т.

Стали стопорить машину и бросать якорь. На рей
кромѣ насъ и нѣсколькихъ судовъ сибирской флоти
не было никого. Цѣлая масса китайскихъ неуклюж
шлюпокъ устремилась съ пристани къ нашему парохо
Надо было спѣшить переодѣться въ виду встрѣчи мо
начальника. Облачившись въ сюртукъ съ погонам
прицѣпивъ шпагу, я вышелъ въ каютъ-компанію.
столомъ уже сидѣлъ посѣтитель въ формѣ чиновни
морскаго вѣдомства.

— Мы кажется съ вами коллеги? — заговорилъ
съ нимъ.

— То-есть какъ?

— Вы морской юристъ?

— Нѣтъ, я редакторъ и издатель здѣшней газе

— Въ такомъ случаѣ все-таки собратъ: я лѣтъ п
участвовалъ въ петербургской журналистикѣ.

— А, очень пріятно. Значитъ, поможете и на
Только врядъ-ли вамъ позволитъ это вашъ начальн

Вы вѣдь секретарь—скаго управленія. Вашъ начальникъ
заклятой врагъ нашей газеты.

— Ничего. Я съ тѣмъ и поступалъ на службу,
чтобы не бросать журналистики.

— Ну, не хвастайтесь. Вы не знаете нашего Амура:
здѣсь такъ могутъ скрутить, что отъ всякихъ намѣре-
ній откажетесь.

Пріѣхало начальство, врачи, начались представленія,
осмотръ переселенцевъ. Пароходъ принялъ дѣловой видъ.
Только къ обѣду водворилась обыденная жизнь, безъ
постороннихъ. Мнѣ было какъ-то грустно. Словно я
сдѣлался опять мальчуганомъ и отданъ въ школу на
чужбинѣ. Мнѣ уже были отданы „начальственныя“ при-
казанія, въ ушахъ звучало редакторское „скрутятъ“, а
предъ глазами разстилалась сѣрая бухта, по берегу
которой была разбросана безпорядочная куча домовъ.
Проспектъ съ твоей шумной толпой, опера, петербургскіе
Прощай, приволье либеральной профессіи, веселый Невскій
друзья, — думалось мнѣ: когда-то я вернусь къ
вамъ и вернусь-ли изъ этого тумана и неприіютной
пустыни?..

Спутники собирались на танцовальный вечеръ въ
военное собраніе, а я грустно принялся заносить въ днев-
никъ невеселыя впечатлѣнія. Ни въ собраніе, ни въ
городъ меня совершенно не тянуло. Во мнѣ словно умеръ
тотъ туристъ, котораго не пугали ни опасность сломать

шею, лазая по развалинамъ Семибашеннаго замка, ни палящій зной Адена, ни болотистые берега Псковскаго озера.

Рано утромъ на палубѣ началась суета. Переселенцевъ на баржѣ свозили на берегъ. Дѣти подняли ревъ. Старики ругали молодыхъ паробковъ. Трапъ трещалъ и скрипѣлъ подъ тяжестью толпы, сундуковъ и огромныхъ мѣшковъ. Послѣдніе даже прямо сбрасывались въ баржу черезъ бортъ.

— Куда лезите: уси тамъ будемъ, — уговаривали благоразумные черезчуръ горячихъ на своей своеобразной смѣси русскаго съ малороссійскимъ.

— Ой, задавили! — взвизгивала вдругъ баба.

— Стойте, вы, черти! — осаживалъ матросъ.

Все это толкалось, жало другъ друга, рискуя оборваться со своимъ скарбомъ въ воду. Родная, россійская безпорядочность сказывалась въ полномъ блескѣ и красѣ.

— Комплектъ, — объявили съ баржи.

— Подымай трапъ, отчаливай!

— Та мой-же батька тамъ унизу, — рвался какой-то подростокъ.

— Поспѣешь къ батькѣ!..

II.

— Пока вы можете устроиться здѣсь, — заявилъ мнѣ мой начальникъ Б., вводя меня въ довольно большую, но почти совершенно пустую комнату.

Я оглядѣлся. Окна были выставлены и въ нихъ врывался рѣзкій, холодный, морской вѣтеръ. Два стола, два вѣнскихъ стула и горбатый тростниковый сингапурскій лонгшезъ составляли всю скудную обстановку моего новаго жилища. Пришлось ломать голову надъ тѣмъ, какъ бы устроиться покомфортабельнѣе, такъ чтобы хотя немного укрыться отъ вѣтра, и спать съ вытянутыми ногами. При помощи разнаго стараго платья, пальто и плэда, я кое-какъ смастерилъ себѣ неприхотливое ложе, сильно напоминавшее собой прокустово, и отправился на службу.

— А вы уже пожаловали! очень пріятно! — привѣтствовалъ меня Б.: — такъ ужъ я васъ попрошу сразу приняться за работу. Вотъ, если вы будете любезны, потрудитесь написать эти книжечки.

Передо мной была положена куча разсчетныхъ книжекъ, куда я долженъ былъ вписывать, кому и сколько выдано въ ссуду денегъ. Странно, — думалъ я про себя, — выводя „согласно телеграммѣ военнаго губернатора Приморской области“ и т. д., — неужели для такой работы понадобилось вызывать за десять тысячъ верстъ, изъ Петербурга, людей съ университетскимъ образованіемъ?

Медленно и однообразно чикали часы, слышалось изъ сосѣдней комнаты шуршаніе пера моего принципала, а съ улицы доносилось скрипѣніе китайскихъ телѣгъ. Я

продолжалъ чисто механически выводить: „выдано в
ссуду крестьянину села Баробаша левада...“ „Скрутятъ“
— раздавалось у меня въ ушахъ, и я продолжал
вписывать: „съ обязательствомъ уплатить...“ Въ дв
надцать часовъ я былъ отпущенъ до трехъ пообѣдат
отдохнуть, погулять, вообще распорядиться собой п
собственному усмотрѣнію. Я вышелъ на улицу и пошел
бродить. Кругомъ было пустынно. Проѣхала въ од
ноколкѣ барыня съ сильно набѣленнымъ лицомъ, пр
гарцовалъ на водовозной клячѣ какой-то чиновник
морскаго вѣдомства, попалось нѣсколько китайцевъ и
три пьяныхъ матроса, горланившихъ какую-то пѣсн
У воротъ одного дома (потомъ я узналъ, что это жен
ское училище) я встрѣтилъ неожиданное препятстві
со двора черезъ всю улицу протекалъ довольно широ
кій ручеекъ, образовавшій такія лужи и такую гряз
что перебраться черезъ нихъ безъ калошъ не представ
лялось никакой возможности. Пришлось поворачиват
вспять. На обратномъ пути, прочтя вывѣску: „Петер
бургская булочная и кондитерская“, я рѣшился войдти
Половину первой комнаты занималъ билліардъ, за стой
кой на полкахъ лежало нѣсколько булокъ.

— Можно у васъ закусить?

— У насъ есть обѣдъ.

Ну, обѣдать для полдня еще рано. А нельзя-л
бифштексъ.

— Сію минуту. Прошу васъ въ слѣдующую ком-
нату.

За накрытымъ столомъ сидѣлъ уже довольно неоп-
рятный субъектъ бурятскаго типа и обѣдалъ.

— Здравствуйте,—счелъ долгомъ привѣтствовать онъ
меня, несмотря на то, что видѣлъ въ первый разъ.—
Вы торгуете? — спросилъ онъ меня послѣ нѣкотораго
молчанія.

— Нѣтъ, я чиновникъ.

— Въ штабѣ?

— Нѣтъ, въ — скомъ управленіи.

— А? А я думалъ, торгуете.

— А вы?

— Я довѣренный.

— То-есть адвокатъ?

— Нѣтъ по торговой части.

Потомъ я узналъ, что на Амурѣ всѣхъ прикащи-
ковъ называютъ довѣренными. Мы разговорились. Не-
смотря на грубыя манеры и бурятскую физіономію, мой
обесѣдникъ оказался весьма интереснымъ. Онъ мнѣ
бъяснилъ, что въ Владивостокѣ вся торговля нахо-
дится въ рукахъ нѣмцевъ, такъ какъ у нихъ больше
капитала, а главное есть кредитъ за-границей. Наживу
даетъ не розничная продажа, а оптовая и подряды.
Владивостокскій покупатель, по его словамъ, любитъ
абирать въ долгъ. Выслужитъ онъ пятилѣтіе, полу-

читъ прогоны и подъемныя и расплачивается. А сколько уѣзжаютъ и такъ потихоньку или разсчитавшись на половину. Вообще владивостокскій покупатель не изъ важныхъ. Это или чиновникъ, или офицеръ, получающій сравнительно небольшое содержаніе и живущій не по средствамъ. Когда стоятъ тихоокеанская или иностранныя эскадры, тогда становится выгодной и розничная продажа: денегъ у офицеровъ много, и они покупаютъ все за наличныя.

Владивостокская торговля вообще организована курьезно. Оптовыхъ складовъ въ серьезномъ смыслѣ нѣтъ совсѣмъ. Товары выписываются изъ-за границы и изъ Одессы въ обрѣзъ, изъ опасенія, чтобы они не залежались. Поэтому случается такъ, что къ веснѣ нѣкоторые товары совершенно распродаются. Приходишь въ одинъ, въ другой, въ третій магазинъ, и нигдѣ не оказывается, напримѣръ, папиросъ, лайковыхъ перчатокъ, стальныхъ перьевъ или резиновыхъ калошъ. Въ февралѣ 1885 года во всемъ городѣ не оказалось простаго мыла, и прачки стирали бѣлье душистымъ. Осенью 1884 года сгорѣлъ складъ сахару фирмы Альберсъ и К°. Городъ пришелъ въ ужасъ, такъ какъ всѣ думали, что цѣна на сахаръ возрастетъ вдвое. Въ ту-же осень на рейдѣ долго стоялъ фрегатъ „Мининъ“, и истребилъ въ городѣ все нѣмецкое пиво, такъ что послѣднее явилось лишь съ приходомъ послѣднихъ коммерческихъ судовъ.

Надо отдать справедливость, что только благодаря иностранцамъ подобные случаи стали повторяться не особенно часто. Русскіе купцы, явившіеся въ Владивостокъ первыми, совершенно не заботились о нуждахъ потребителей: для нихъ былъ важенъ лишь барышъ, а барышъ всегда больше, когда спросъ превышаетъ предложеніе. Повышеніе цѣнъ иногда зависѣло отъ совершенно оригинальныхъ причинъ. Игралъ разъ зимой одинъ купецъ въ штосъ — и проигрался.

— Въ банкѣ пудъ икры, цѣна рубль фунтъ, ставьте, господа, а то завтра я подыму цѣну на три, — объявилъ онъ. И дѣйствительно на другой день икра вздорожала, только потому, что купецъ проигрался.

Голова была словно налита свинцомъ, въ глазахъ ходили красные круги, а спина ныла, когда я, просидѣвъ съ трехъ до девяти часовъ, вечеромъ вернулся въ свое неприхотливое жилище. Тускло горѣла вставленная въ бутылку стеариновая свѣча, заплывавшая отъ вѣтра, который врывался въ щели окна. Мнѣ стало довольно жутко. Кругомъ было темно, уныло трещали колотушки ночныхъ сторожей, и сердито стучалъ въ окна вѣтеръ. Такъ вотъ куда привела меня ненасытная жажда новизны, — думалось мнѣ. Несмотря на усталость, я не могъ уснуть и проворочавшись съ полчаса, зажегъ свѣчу и взялъ книгу. Но и читалось плохо: глаза бѣгали по страницамъ, а мысль работала свое.

III.

— Не хотите-ли посмотрѣть переселенческіе б
раки? — предложилъ мнѣ мой принципалъ.

Я конечно изъявилъ согласіе. День былъ холодны
но ясный. Деревья стояли еще голыя, но уже кое-г
зеленѣла травка. Пара лошадокъ нашего извощика б
жала крупной рысцой, такъ что я едва могъ знак
миться съ мѣстностью, по которой мы проѣзжали. Во
промелькнуло длинное деревянное зданіе прогимназі
служившее прежде хлѣбопекарнымъ заведеніемъ, к
зарма портоваго кадра, портовыя мастерскія, похо
болѣе на какія-то руины, служащія пріютомъ для бе
домныхъ бѣдняковъ, новенькія, еще неоштукатуренн
казармы линейнаго батальона, солдатская слобод
сплошь состоящая изъ убогихъ мазанокъ, военная гау
вахта, она-же и тюрьма, и съ четверть версты м
покатили по чистому полю, когда наконецъ изъ
пригорка выросло два ряда какихъ-то не то амбаров
не то коровниковъ, какіе бываютъ на хорошихъ ск
ныхъ дворахъ. Это и были бараки, словно нароч
построенные на самомъ вѣтру. Около бараковъ кипи
народъ. Тутъ были и мужики, и бабы, и ребят
При нашемъ появленіи мужики сняли шапки. Пр
ципалъ сурово, какъ-бы съ неудовольствіемъ, кива
головой. Мы вошли въ первый баракъ. Полъ бы

земляной, огромныя печи, повидимому, плохо грѣли, такъ какъ, не смотря на спертый, пропитанный аміакомъ и махоркою воздухъ, въ баракѣ было холодно, и, въ добавокъ, отовсюду дулъ вѣтеръ, хуже, чѣмъ въ моемъ неприхотливомъ жилищѣ,

— Ну, что? — спросилъ меня принципалъ, когда мы обошли нѣсколько совершенно однородныхъ пріютовъ будущихъ колонизаторовъ Южно-Уссурійскаго края.

— Плоховато, — отвѣчалъ я.

Принципалъ нахмурилъ брови. — Ему видимо не понравилась такая смѣлая критика въ подчиненномъ. Позднѣе я убѣдился, что онъ вообще признавалъ право критики лишь за собой, и любилъ, чтобы младшіе только вторили ему, хотя на словахъ постоянно это отрицалъ.

Нѣсколько словъ о моемъ принципалѣ. Это былъ типъ „амурскаго“ дѣятеля. При словѣ „амурскій“ дѣятель въ умѣ петербуржца возникаетъ тотчасъ представленіе о какомъ нибудь исправникѣ Громиловѣ, или одномъ изъ тѣхъ типовъ, которые такъ мастерски выведены Щедринымъ подъ именемъ „ташкенцевъ приготовительнаго класса“, — напримѣръ въ разсказѣ: „Ахъ, какъ я тогда себя велъ!“ Но это совершенно ошибочно. Въ „амурскомъ“ дѣятелѣ, если онъ покрупнѣе, никогда нѣтъ ничего дикаго или грубаго, развѣ иногда замѣтна нѣкоторая неряшливость. Напротивъ, онъ всегда очень вѣжливъ и деликатенъ, всегда

мягко стелетъ, хотя потомъ бываетъ и жестко спа
Онъ никогда не бываетъ пьяницей, большой любит
чтенія газетъ, хотя и страшный ненавистникъ к
респондентовъ. „Амурскій“ дѣятель, сверхъ того,
стеръ говорить, и при томъ говорить о чемъ угод
неудержимо фантазируя. По мановенію волшебнаго же
въ его разговорахъ край превращается во всемір
житницу, гавани Посьетъ и Ольга начинають оспа
вать значеніе Кронштадта, возникаютъ рисовыя и
харныя плантаціи, всевозможные фабрики и заво
конечно при условіи, что его, дѣятеля, проекты
будутъ приняты, и дѣло поведется математически то
по отношенію къ его программѣ. Онъ, дѣятель, то
одинъ въ своихъ глазахъ и непогрѣшимъ. Если
ему и не удалось, то въ этомъ всегда виноваты др
высшіе или подчиненные — безразлично.

— Какъ-же вы это такой скотъ закупили, к
рый весь передохъ? — спрашиваешь одного, зная,
проектъ закупки принадлежитъ ему.

— Я-съ тутъ ни причемъ — это была воля
превосходительства.

— Что-же это вы надѣлали? — обращаешься
другому: вѣдь это прямое нарушеніе закона.

— Что вы прикажете дѣлать? Это все мой пис
водитель виноватъ. Давно уже собираюсь прог
да нѣтъ другого.

— Какъ-же это вы китайскія-то фанзы сожгли? — вопрошаешь третьяго.

— Предписаніе начальства, — угрюмо отвѣчаетъ онъ, не глядя въ глаза.

— Ну, что вы толкуете, развѣ могутъ такія предписанія давать.

И конечно никакое начальство, никакихъ такихъ предписаній не давало и, самое большое, извинило ему проступокъ въ виду прежнихъ заслугъ. А заслугъ у „амурскаго“ дѣятеля всегда очень много. Онъ, въ угоду дамъ на любительскомъ спектаклѣ, и въ суфлерскую будку лѣзетъ, и изъ экономичесскихъ суммъ конюшню строитъ, и соорудитъ на неизвѣстныя средства шелковый шатеръ, и брошюрку, по указаніямъ, издастъ, и уговоритъ господъ офицеровъ по подпискѣ фестиваль устроить, и самъ себя въ отчетахъ такъ расхвалитъ, что самый сугубый скептикъ невольно повѣритъ.

Но вернемся къ баракамъ. Сооружались они однимъ инженеромъ и обошлись казнѣ тридцать тысячъ. Въ день сдачи бараковъ послѣдніе были украшены флагами и, снопами пшеницы, было выпито нѣкоторое количество шампанскаго, бараки были приняты, и затѣмъ потребовали ежегоднаго ремонта и большихъ передѣлокъ. Впрочемъ, послѣ постройки „Собачьяго клуба“ — батареи, возведенной въ ямѣ среди города и долженствовавшей въ силу этого, вмѣсто защиты бухты,

истребить городъ, — исторія бараковъ является сам
обыкновенной, невинной исторіей.

Заболѣванія въ баракахъ бывали такъ часты, что вра
и фельдшеръ, возясь съ утра до ночи, едва успѣва
управляться. Хворали, конечно, по преимуществу, дѣт
Нѣсколько разъ мнѣ приходилось заговаривать
этому поводу съ переселенческимъ начальствомъ; я
давалъ чинамъ переселенческаго управленія вопросы,
чему они не настаиваютъ на радикальной передѣл
бараковъ; но получалъ всегда такіе неопредѣленн
отвѣты, которые и за отвѣты признать не могъ.

Вообще на Амурѣ добиться истины довольно труд
Всѣ валятъ вину другъ на друга, одинъ говор
одно, другой — другое. Къ распознаванію дѣла и
сути частнаго человѣка и неподпускаютъ, и власть и
щаго такъ всегда обставятъ, что онъ ровно ничего
пойметъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей обревизовыва
одно учрежденіе, и пригласилъ меня ему помочь.
смотря на самое ограниченное количество дѣлъ, бо
шая половина изъ нихъ была запущена, нѣкотор
лежали по два, по три года безъ движенія, дру
были безнадежны вслѣдствіе цѣлаго ряда допущ
ныхъ неправильностей.

— Ищите тутъ виновнаго, — безнадежно вздых
ревизоръ, — когда въ три года перемѣнилось три
чальника и десять подчиненныхъ.

Въ другой разъ меня пригласили разсмотрѣть одно
ѣдственное производство. Слѣдствіе совершенно не
сняло обстоятельствъ, оправдывающихъ вину обви-
наго, прикосновенныя къ дѣлу лица были не
рошены, а лишь дали туманные отзывы на пись-
нные вопросы. Я обратилъ на это вниманіе.

Эхъ, батенька, все это такъ, да ничего не подѣлаешь.

Обвиняемый указывалъ на массу злоупотребленій,
ртвою которыхъ онъ сдѣлался, но дѣло такъ и было
шено безъ разъясненій.

Въ старину и не такіе дѣлались дѣла. Жилъ во
адивостокѣ фельдфебель, жилъ припѣваючи, даже
момъ обзавелся, и начальствомъ былъ любимъ. Но
бѣду свою онъ имѣлъ хорошенькую жену, а въ
время женщинъ во Владивостокѣ почти не было.
асивая фельдфебельша приглянулась оберъ-аудитору.
дарки, ласковыя слова, да и представительность
тителя юстиціи поколебали женское сердце, — и
савица измѣнила мужу. Дѣло обыкновенное, какъ
то, что мужъ, конечно, сталъ ревновать и принялся
ть жену согласно „Домострою". Аудиторъ всту-
ся, и рѣшилъ, во что бы то ни стало, освободить
дметъ своей любви отъ ревниваго супруга. Въ одинъ
красный день онъ узналъ, что фельдфебель посы-
лъ матросика къ себѣ на домъ съ какими то кир-
ами. Кирпичи могли быть куплены въ складѣ,

могли быть и украдены въ порту, гдѣ дежурилъ фе фебель. Провѣрить, была-ли кража или нѣтъ, невозможно, такъ какъ никто въ точности не зн сколько въ порту кирпичей.

— Откуда взялъ кирпичи? — спросили фельдфе

— Купилъ у купца Д.

Спросили тогда купца: покупалъ-ли у него дозрѣнный кирпичи? Отвѣтъ получился утвердитель Но оберъ-аудиторъ разсудилъ по своему: одни пичи могли быть куплены, а другіе украдены. извели слѣдствіе, которое ничего, кромѣ отсут уликъ, не выяснило, назначили дѣло къ разбору, знали фельдфебеля виновнымъ, приговоръ конф вали, и ревнивецъ пошелъ въ арестантскія Только лѣтъ черезъ пять, по Высочайшему уже лѣнію, дѣло было разсмотрѣно вновь, и фельдф возстановленъ въ своихъ правахъ. Но семья его разрушена, разрушился и домикъ, прикопленны черный день деньжата исчезли безъ слѣда.

Ученый нѣмецъ Колларъ утверждаетъ, что, морфизируясь въ своемъ развитіи, право выну считаться со зломъ, въ интересахъ своего тор воспринимая въ себя, и претворяя въ себѣ эле послѣдняго. Не берусь рѣшать, на сколько это дывается на приведенномъ дѣлѣ. Могу сказать что и теперь на Амурѣ приходится праву много

ять въ себѣ элементовъ лжи, на сколько я ко- это могъ наблюдать. И нельзя при этомъ ска- чтобы уже всѣ исполнители были „лихіе супо- ы“. Напротивъ, въ послѣдніе годы на Амурѣ за- нъ приливъ новыхъ, свѣжихъ силъ, но старое такъ сильно въѣлось, что искоренить его можно ть еще не скоро. Да и гдѣ усмотрѣть каждое ъ краю, тянущемся на тысячи верстъ, гдѣ средь оно гнѣздится въ такихъ мѣстахъ, куда и по- ь то не во всякое время года, гдѣ, по посло- не только „до царя далеко“, но и до земскаго дателя. Что можетъ сдѣлать, напримѣръ, полиція такихъ порядкахъ, которые характеризуются слѣ- щимъ случаемъ: иду я разъ ночью по главной Владивостока. У одного изъ фонарей стоитъ цейскій надзиратель, и усиленно даетъ свистки. изъ непроглядной тьмы никто не отвѣчаетъ. Над- тель не жалѣетъ легкихъ.

— Свисти, братъ, хоть до утра, — раздается изъ насмѣшливый голосъ, — всѣ полицейскіе давно бакамъ сидятъ, или дома спятъ.

IV.

ервый мѣсяцъ моего пребыванія во Владивостокѣ ылъ съ утра до ночи заполняемъ службой, даже праздники. Ознакомиться ни съ городомъ, ни съ его

нравами, ни съ окрестностями не было никакой воз
ности. Писарская работа одолѣвала, и только по
девяти часовъ я могъ удѣлять часикъ—другой чт
и литературнымъ занятіямъ. Изъ дароваго помѣщ
я къ концу мѣсяца перебрался въ собственное, м
обширное, но болѣе комфортабельное. Это были ме
рованныя комнаты купца Монакова. За двадцать ру
въ мѣсяцъ мнѣ отвели небольшую конурку съ од
окномъ, кроватью, умывальникомъ, тремя стульям
столикомъ. Остальное пришлось пополнить собствен
средствами.

Въ Іюнѣ съ работой полегчало. Сидѣть въ у
леніи приходилось только по утрамъ. Прежде все
конечно, поспѣшилъ ознакомиться съ окрестностя
ихъ природой, о которой я вычиталъ у Пржевал
положительныя чудеса. Чудесъ, само собою, я ника
не нашелъ, но живописныхъ уголковъ нашелъ м
Почти съ каждой горы открывается роскошная
рама безчисленныхъ долинъ, балокъ города,
и залива Петра Великаго. Съ самой высокой
„Орлиное гнѣздо“ открывается видъ на десятки в
и при помощи бинокля можно отлично разсмотрѣть
устье Мангугая, лежащее на противоположномъ б
Уссурійскаго залива. Не могу въ точности опред
высоты горы, но взобраться на нее я могъ лиш
двумя небольшими отдыхами, хотя и взбѣгаю по

ргскимъ лѣстницамъ въ пятый этажъ безъ передышки.
а вершинѣ уже замѣтна даже нѣкоторая разница
мпературы, вѣроятно вслѣдствіе свободы, которой тамъ
льзуется вѣтеръ. На случай войны на горѣ поставлена
рожевая будка, во время моего посѣщенія нѣсколько
е развалившаяся.

Будь эта гора не во Владивостокѣ, а гдѣ нибудь
болѣе цивилизованномъ мѣстѣ, на ней-бы навѣрное
троили ресторанчикъ, на вершину провели-бы удобную
рогу, и она-бы сдѣлалась прелестнымъ мѣстомъ для
огулокъ. Но во Владивостокѣ нѣтъ ни предприни-
телей, ни любителей подобныхъ развлеченій, и Ор-
ное гнѣздо видитъ очень рѣдкихъ гостей въ лицѣ
многихъ туристовъ, попадающихъ въ этотъ отдаленный
ай. Нѣкоторые живутъ во Владивостокѣ годы, и ни
зу не вздумаютъ слазить на Орлиное гнѣздо.

Другой живописный уголокъ владивостокскихъ окре-
стностей — это устье Первой рѣчки. Маленькій горный
чекъ, впадая въ море, вдругъ расширяется, и на
тяженіи нѣсколькихъ саженъ течетъ настоящей рѣкой;
инъ берегъ совершенно низменъ, другой высокъ и
угъ. Эта несимметричность и придаетъ мѣстности
асоту, напоминающую нѣсколько виды Финляндіи,
лько хвойный лѣсъ здѣсь замѣняется дубомъ, кленомъ,
кой яблоней и грушей, и кустами сирени, отчего
уппировка зелени и разнообразнѣе, и прихотливѣе,

и живописнѣе. Жаль только, что въ этомъ поэтичес
уголкѣ пріютился прозаическій пивоваренный завод
своими неуклюжими постройками и сараями, пріют
но не прибавилъ комфорту. Гуляющіе здѣсь не д
нутъ ничего кромѣ довольно сквернаго пива, на пр
о самоварѣ суровый тевтонъ-пивоваръ обыкновенно о
чаетъ дерзостью, и даже отказываетъ въ лиш
стаканѣ, если двое спросятъ одну бутылку пива.
самое скверное — это обиліе комаровъ и москитовъ,
годаря которымъ вечернія прогулки становятся с
шенно немыслимыми. Отъ нихъ не помогаетъ
усиленное куреніе, и вернувшись домой вы покрыва
на всѣхъ открытыхъ мѣстахъ кожи положительно сы
Пройдетъ лѣтъ десять и несносныхъ насѣкомыхъ,
нечно, не будетъ, но не будетъ и красоты мѣстности:
усиленно вырубается, не щадятъ даже совершенно молод
деревьевъ; ну, а безъ лѣса какой ужъ ландшафтъ.

Вообще весь полуостровъ Амурскій богатъ живо
ными видами, особенно по берегамъ моря. Во
разныхъ моихъ прогулокъ и поѣздокъ у меня не
являлось желаніе поселиться на какомъ-нибудь х
и слушать тутъ говоръ волнъ, нашептывающихъ чуд
легенды. Будь вы самый заклятой прозаикъ, в
погруженный въ счеты и разсчеты, или превративш
въ зачерствѣлаго департаментца петербуржецъ, вы
вольно впадете въ идиллическое настроеніе, слушая

инственныя и сперва непонятныя сказки волнъ, лю-
уясь синевой залива, окаймленнаго темнолиловой цѣпью
оръ на горизонтѣ, и вдыхая чудный ароматъ тайги.
припомните вашу молодость, фантастическіе разсказы
мериканскихъ охотничьихъ писателей, сердце ваше
опроситъ любви, простора, свободы, васъ перестанетъ
нуть въ шумные, душные города и на нѣсколько
асовъ вы превратитесь въ поэта. Къ сожалѣнію,
олько на нѣсколько часовъ, такъ какъ житель боль-
шихъ городовъ такъ ужъ устроенъ, что ему нужна
ервная, кипучая людская жизнь, а не эта спокойная,
овно дремлющая, подъ звуки прибоя и шелестъ ли-
вевъ, природа, только на время способная очаровать
приковать къ себѣ его взоры. Волны разскажутъ о
ещерныхъ людяхъ, которые ютились нѣкогда на этихъ
рмахъ, о кровавыхъ звѣриныхъ драмахъ, которыя
азыгрывались въ окружающей тайгѣ, о желтолицемъ
скателѣ жень-шеня; но что эти разсказы ничто — въ
равненіи съ тѣмъ, что могли-бы разсказать каменныя
ромады городовъ, если-бы онѣ были одарены способ-
остью говорить.

Я не разъ очаровывался красотами Южно-Уссурійскаго
рая, но меня всегда подавляла его странная пустын-
ость южныхъ степей, гдѣ всетаки нѣтъ-нѣтъ, да раз-
ается крикъ чайки или унылая пѣсня чабана. Нѣтъ,
дѣсь все молчитъ, только вѣтеръ шумитъ въ деревьяхъ,

и человѣкъ чувствуетъ себя безсильнымъ предъ при
дой, приниженнымъ предъ громадами холмовъ, нав
ченныхъ титаническими подземными силами, предъ
ковыми дубами, зеленѣвшими за долго до того, ка
онъ явился на свѣтъ и которые долго еще стан
тихо качать своими вѣтвями послѣ того, какъ его
кроетъ толстый слой земли. Слишкомъ ужъ непривыч
эта пустыня для жителя населенныхъ мѣстъ, глазъ
вольно начинаетъ искать въ морѣ зелени золотаго кре
деревенской церкви, ухо прислушивается не раздастся
людской говоръ, но нѣтъ ихъ здѣсь нѣтъ, и прир
становится немила.

Эта пустынность подавляетъ не только столич
жителя, привыкшаго къ сутолокѣ Невскаго проспек
ресторанамъ, клубнымъ заламъ и всякимъ сборища
но и нашего крестьянина, не „развращеннаго город
жизнью“, какъ выражаются литераторы, воспѣваю
деревню между обѣдомъ въ Маломъ Ярославцѣ и у
номъ у Контана.

— Ну что, хорошо здѣсь? — спросилъ я одно
переселенца.

— Хорошо-то хорошо, только скучно: здѣсь и пра
ника-то не видно. Дома хоть и бѣдность, да въ
кресенье въ церковь пойдешь, вечеромъ дѣвки хоров
водятъ, пѣсни поютъ, а здѣсь только и радости,
суля (китайская водка).

Можно замѣтить на это, что американцы, поселяясь въ преріяхъ, умѣютъ-же и воздвигать храмы и заводить деревенскіе клубы. Такъ вѣдь то въ Америкѣ, а то въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Одинъ мой знакомый, прожившій лѣтъ пять въ Соединенныхъ Штатахъ, разсказывалъ, что знавалъ гдѣ-то въ Небраскѣ бѣглаго съ Сахалина ссыльно-каторжнаго, сдѣлавшагося настоящимъ джентельменомъ. А я во Владивостокѣ зналъ кровнаго янки, который спился не хуже любаго россіянина, загнаннаго судьбою изъ столицы на окраину.

Нѣтъ, не плѣнили меня красоты Южно-Уссурійскаго края и, гуляя по его вѣковому лѣсу, я не разъ вздыхалъ даже по чахоточнымъ петербургскимъ скверамъ. Скажутъ, что и я и мой переселенецъ, оба мы испорченные люди, но вѣдь чего-нибудь да стоитъ культура, изъ-за которой бьется человѣчество, а вѣдь эта культура развивается не въ тайгѣ и не въ лѣсу, да и человѣкъ созданъ жить не съ тиграми и козулями, а съ себѣ подобными. Такъ пусть ужъ поэты мечтаютъ просторѣ степей и тишинѣ дремучихъ лѣсовъ. Мечтать-то они мечтаютъ, а жить предпочитаютъ въ городахъ...

Что я любилъ во Владивостокѣ — это кататься по бухтѣ. Вода прозрачна, какъ стекло. Сидишь и смотришь на движущихся медузъ, морскихъ ежей и всевозможныхъ рыбъ, а китайская лодочка между тѣмъ

скользитъ по гладкой поверхности, мѣрно покачивая
съ боку на бокъ. А еще лучше летѣть подъ парусам
на военной шлюпкѣ. Не колыхнетъ, не качнетъ ее,
летитъ она, словно птица, слегка накренившись на один
бокъ. Не успѣешь оглянуться, какъ уже городъ остал
въ туманѣ, а справа и слѣва виднѣются сѣверный
южный проходы Босфора, и манитъ своей зелены
островъ Русскій. Весело и привольно. Вонъ, на черно
скалѣ намалеванъ бѣлый кругъ — это цѣль, въ кот
рую стрѣляли съ баттарей при пробѣ орудій. Тепе
послѣдніе мирно закутаны чехлами, и совершенно
имѣютъ смертоноснаго вида. Лѣтомъ всѣ эти берег
выглядятъ совершенно не такъ, какъ при моемъ пріѣзд

V.

Первое время петербуржцу кажется страшно дико
Владивостокѣ; все тамъ не такъ: и встаютъ, и л
жатся, и ѣдятъ, и время проводятъ. Въ семь часов
ужъ городъ живетъ: магазины отперты, извощики в
на биржѣ, не только мужчины, но и большинство дам
принялось за повседневныя занятія. Въ двѣнадцат
много въ два, подается обѣдъ, и весь служащій эл
ментъ возвратился домой. Въ десять часовъ городъ п
гружается въ сонъ, и только въ немногихъ домахъ мел
каютъ еще въ окнахъ огоньки. Рѣдко, рѣдко встр
тите вы запоздалаго гостя, а въ гостинницахъ посл

десяти обыкновенно не найдете горячаго блюда. Даже кондитерскія заперты. Бодрствуютъ лишь винтеры да любители штоса — игры, сильно распространенной, не смотря на общее безденежье. Въ азартныя игры играютъ и въ гостинницахъ, и въ клубахъ, и въ частныхъ домахъ. Въ числѣ игръ есть одна специально-амурская, такъ называемая à l'Amour. Человѣкъ желаетъ продать вещь дороже, чѣмъ она стоитъ. Очень просто: онъ устраиваетъ „алямуръ". Дѣлаетъ извѣстное количество марокъ, и продаетъ ихъ желающимъ, а послѣдніе уже играютъ на эти марки въ банкъ. Кто заберетъ всѣ марки, тотъ и получаетъ вещь. Устраиваютъ обыкновенно такую лотерею въ гостинницѣ, и допускаютъ къ ней знакомыхъ и незнакомыхъ. Полиція объ этомъ знаетъ, но не мѣшаетъ, такъ какъ что же подѣлаешь? — народъ все знакомый, да и прежде, чѣмъ протоколъ составишь, могутъ, пожалуй, въ окошко выкинуть.

Отсутствіе удовольствій, замкнутость семейныхъ домовъ, поневолѣ заставляютъ молодежь бросаться въ карточную игру, чтобы хоть въ ней избавиться отъ мертвящей тоски города, куда письма и газеты съ родины приходятъ самое раннее черезъ два мѣсяца, а иногда черезъ четыре или пять. Другое прибѣжище отъ скуки — кутежи. Кутятъ иногда безъ перерыва цѣлую недѣлю съ утра и до ночи, кутятъ истинно героически. Пріѣдетъ

человѣкъ непьющій, пройдетъ года два и, глядишь, он уже спился окончательно. Въ семейные дома попаст трудно, сидѣть дома, словно медвѣдь въ берлогѣ, сп собенъ не каждый, ну, и идетъ человѣкъ въ холосту компанію, въ трактиръ, въ кондитерскую, а тамъ рюмк за рюмкой другая, и такъ далѣе, и это изо дня в день до истеченія пятилѣтія. Безхарактеренъ-ли что-л русскій человѣкъ, но съ Амура еще недавно толь немногіе уѣзжали, не потерявъ облика человѣческаг Балъ, маскарадъ, спектакль, концертъ — все служит предлогомъ для самаго широкаго кутежа.

— Ты что-же, идешь сегодня въ театръ? — спр шиваетъ одинъ.

— Да что, стоитъ-ли? Какую-то канитель даютъ

— Пустяки, приходи, водка въ буфетѣ будетъ, это главное.

Существуетъ, впрочемъ, во Владивостокѣ обществ „для изученія края" и музыкальный и драматическ кружки. На свѣжаго человѣка они производятъ вп чатлѣніе, равносильное тому, когда дѣти играютъ „в большихъ". Но, конечно, какъ ни мало научны реф раты, читаемые въ ученомъ обществѣ, какъ ни плох концерты музыкальнаго кружка, существованіе этих учрежденій представляетъ для многихъ истинное благ дѣяніе: какъ никакъ, а они не даютъ мысли оконча тельно заснуть, и порождаютъ высшіе, нежели карты

кутежи, интересы. Хоть часть общества да говоритъ иногда о прочитанныхъ и ожидаемыхъ докладахъ, объ игрѣ исполнителей, о выборѣ пьесъ, о роляхъ и музыкальныхъ произведеніяхъ. Затѣмъ всѣ такіе кружки, хоть нѣсколько, да сближаютъ общество.

При обществѣ „для изученія края" существуетъ небольшая коллекція оружія, предметовъ домашняго обихода инородцевъ, китайцевъ и японцевъ, минераловъ, череповъ и скелетовъ, носящая нѣсколько громкое названіе музея, и помѣщающаяся въ прогимназіи. Современемъ, если интересъ къ обществу не исчезнетъ, коллекція можетъ превратиться и въ настоящій музей, особенно если на помощь прійдутъ городъ и правительство. Пока-же, конечно, по коллекціи нельзя ни познакомиться съ краемъ, ни изучить ни одной отрасли. Но современемъ, когда коллекціи будутъ сравнительно полны, а музей пріобрѣтетъ собственное помѣщеніе, это учрежденіе можетъ принести огромную пользу. Въ этомъ отношеніи, въ виду будущаго, Владивостокъ можетъ сказать уже и теперь спасибо основателямъ коллекціи.

Но вернемся къ нравамъ. Удивительнѣе всего то, что хотя общество Владивостока на девять десятыхъ состоитъ изъ выходцевъ Европейской Россіи и главнымъ образомъ изъ Петербурга и Кронштадта, окраина кладетъ какой-то особый отпечатокъ на человѣка въ самое короткое время. Чуждая, странная жизнь какъ-то

незамѣтно засасываетъ въ себя. Англичанинъ въ Іокогамѣ, Гонъ-Конгѣ и Сингапурѣ руководствуется тѣмъ же кодексомъ приличій, какъ и въ Лондонѣ; его воззрѣнія не измѣняются съ переплытіемъ черезъ океанъ и Суэзскій каналъ. Благополучный-же россіянинъ ужасно быстро перерождается. Какъ чистенькій гимназистъ въ семидесятыхъ годахъ немедленно съ поступленіемъ въ университетъ превращался въ нечесаннаго, неряшливаго студента, чтобы потомъ опять превратиться въ изящнаго адвоката, дамскаго доктора или чиновника по особымъ порученіямъ, такъ петербуржецъ превращается въ „амурца“, а вернувшись восвояси, снова принимаетъ старый обликъ. Въ насъ нѣтъ привычки и убѣжденія въ необходимости жить такъ, а не иначе, убѣжденія, которое есть въ англичанинѣ и пожалуй даже въ нѣмцѣ и французѣ. Я зналъ во Владивостокѣ одного англичанина, который прожилъ на Амурѣ болѣе двадцати лѣтъ. Онъ ни на іоту не измѣнилъ своихъ привычекъ, обиходовъ и вкусовъ, пріобрѣтенныхъ на родинѣ. А я черезъ двѣ недѣли уже обѣдалъ по-владивостокски, черезъ мѣсяцъ привыкъ къ портеру, котораго раньше не пилъ, черезъ три пересталъ носить перчатки, а черезъ полгода являлся къ знакомымъ въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ. Каюсь въ неустойчивости, но потому только, что въ ней повинны всѣ пріѣзжающіе на Амуръ.

Извольте сохранять извѣстные привычки и пріемы, когда вокругъ васъ все идетъ имъ въ разрѣзъ. Если вы носите перчатки, вамъ то и дѣло замѣчаютъ: „Что это вы, батенька, словно барыня, на руки-то собачью кожу натянули!“ Да и развѣ европейскія, столичныя привычки на окраинахъ только подвергаются осужденію? Развѣ въ самомъ Петербургѣ мало людей, мечтающихъ о деревенскомъ привольѣ, гдѣ въ садъ можно выйти въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, кромѣ экстренныхъ случаевъ не надѣвать крахмаленной сорочки, если зубы крѣпки, то ихъ не чистить,—вообще жить по своему нраву, а не по какимъ либо принятымъ правиламъ. Мы смѣемся надъ иностранцами, но англичанинъ тѣмъ-то и выше насъ, что онъ привыкъ жить культурно, а мы если и живемъ иногда такъ, то лишь потому, что намъ приказываютъ.

Могутъ замѣтить, что всякіе фраки и перчатки вздоръ, пустяки. Согласенъ. Но сегодня человѣкъ снялъ перчатки, завтра замѣнилъ фракъ пиджакомъ, вмѣсто ботинокъ натянулъ ботфорты, разлегся передъ дамой на диванѣ, а тамъ, ужъ и жилетъ растегнулъ, сталъ говорить сальности и т. д., покончилъ со всѣмъ, что воздерживаетъ то грубое животное, которое сидитъ въ каждомъ цивилизованномъ человѣкѣ. Такой процессъ отрицанія перчатокъ, за перчатками ботинокъ, и наконецъ всякаго стѣсненія я именно и наблюдалъ во Влади-

востокѣ. Меня и другихъ сплошь и рядомъ бар
принимали въ ночныхъ кофточкахъ, да еще иныя да
и не извиняясь. Мужья, не стѣсняясь, дѣлали при
стяхъ сцены своимъ женамъ и затѣмъ шли спать и
уходили изъ дому, пробурчавъ сквозь зубы: „вы м
простите“. Развязные кавалеры являлись въ семейн
домѣ въ такомъ состояніи невмѣняемости, что сидя
сыпали, а съ просонковъ кричали „извощикъ“. Не ра
высказывая удивленіе по поводу слишкомъ уже уп
щенныхъ нравовъ, я получалъ отвѣты отъ „объамур
шихся“, что Владивостокъ—не Петербургъ, что „здѣсь
окраина“, что такъ ужъ заведено. Пытался я до
зывать, что приличія обязательны не потому, что о
„петербургскія“, а именно потому, что они—прилич
Но отвѣтъ былъ одинъ: „подите вы съ вашими выд
манными въ Петербургѣ приличіями“. Конечно пос
этого всякій споръ становился немыслимъ.

Для болѣе яркой характеристики нравовъ столи
Южно-Уссурійскаго края приведу нѣсколько эпизодов

Проживалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во Влад
востокѣ нѣкто П., маленькій чиновникъ, но съумѣвш
снискать такое расположеніе своего начальника, ч
сталъ положительно необходимымъ человѣкомъ. Жил
П. съ своей сестрой—вдовой, которой помогалъ. Ка
они жили—мнѣ неизвѣстно. Но въ одинъ прекрасн
день въ квартирѣ брата и сестры раздался трескъ в

ыхъ стеколъ, неистовые крики и затѣмъ пистолетный
стрѣлъ. Сбѣжалась публика, и оказалось, что П. стрѣ-
лъ въ упоръ въ сестру, но промахнулся. Начальника
въ городѣ не было—онъ уѣхалъ въ село Николь-
ое. Начать дѣло безъ начальника полиціймейстеръ не
шился и далъ телеграмму, на которую и получилъ
вѣтъ: „Если можно, то замните дѣло ради меня. П.
человѣкъ крайне необходимый“. Дѣло замяли, объ-
ивъ всю исторію какимъ-то необычайнымъ болѣзнен-
мъ припадкомъ П.

Между двумя офицерами разнаго рода оружія прои-
ли недоразумѣнія. И вотъ въ одинъ день, на лю-
тельскомъ спектаклѣ, одинъ другому далъ публично
ечину. Товарищи потребовали дуэли. Противники
лись на льду Босфора,—и побитый принесъ изви-
іе побившему. Можно быть противникомъ дуэлей, ут-
ждать, что онѣ ничего не доказываютъ и ничего не
становляютъ, но ужъ очень просты такія отношенія
своей и чужой чести. Точно дать плюху то-же са-
что закурить папироску. Дуэлей-то въ Южно-Ус-
ійскомъ краѣ не признаютъ, а самоуправство и ку-
ную расправу признаютъ.

— Ну, что новаго?—бывало спросишь.

— Да что? Вчера Ивановъ подрался съ Петровымъ
гостинницѣ „Москва“, а въ клубѣ Сидоровъ Семе-
у пустилъ бутылкой въ физіономію.

И это послѣ того, какъ наканунѣ вамъ разск
вали о дракѣ въ маскарадѣ и о томъ, что тот
Ивановъ хватилъ въ ухо Михайлова, а Григор
обнаживъ шашку, чуть не зарубилъ Карпова—хо
что товарищи удержали.

— Это невѣроятно, такіе факты немыслимы!—
кликнете вы.

— Это не только вѣроятно, но все приведенно
лѣе, чѣмъ факты, все это дѣйствительныя происх
вія, какъ и то, что одинъ офицеръ былъ такъ изб
что умеръ отъ скоротечной чахотки, какъ и то,
избиваютъ не только на улицахъ, но и вторгаясь
чужія квартиры.

Но не довольно-ли о soi disant интеллигентном
ществѣ. Вспоминая о немъ, можно договориться до
кихъ грязныхъ вещей, что не только читатель не
читаетъ статьи, но ни одинъ редакторъ не дочит
и не напечатаетъ рукописи, да еще скажетъ: „
лжетъ-же человѣкъ“. А авторъ, конечно, не вино
что окраина создаетъ положительно невѣроятные нр

Но есть люди, которые, не будучи сами ни са
правцами, ни скандалистами, ничѣмъ не возмущаю
На обратномъ пути въ Россію я ѣхалъ, между про
съ однимъ военнымъ врачемъ. Зашла рѣчь о пок
томъ краѣ, и велась она мною не особенно-то жел
слишкомъ ужъ хороши были океанскія волны со св

форическимъ блескомъ, яркая луна мягко заливала
имъ свѣтомъ палубу, и чудная природа мирила съ
овѣческой грязью.

— А я такъ всегда охотно вернусь въ Уссурійскій
й, и нахожу его прекраснымъ,—замѣтилъ докторъ.
Такіе люди обыкновенно принадлежатъ къ охотникамъ
ложить себѣ дорожку, не обладающимъ однако ни-
ими талантами, кромѣ двухъ молчалинскихъ. Ну,
хъ прототипъ, созданный Грибоѣдовымъ, уживался
всякой мерзостью.

VI.

Посмотримъ, какъ устраивается и живетъ въ Южно-
урійскомъ краѣ „младшій братъ“, т. е. переселенецъ-
стьянинъ. Исторія первыхъ переселенцевъ и уссурій-
хъ казаковъ уже довольно ярко изложена г. Прже-
ьскимъ, котораго если и можно въ чемъ упрекнуть,
ъ это въ оптимизмѣ, но никакъ не въ преувличеніи
ныхъ сторонъ. Но и читая знаменитаго путешест-
ника, нервный человѣкъ почувствуетъ дрожь, дойдя
страницъ, гдѣ описывается голодъ, постигшій пер-
ъ невольныхъ колонизаторовъ. Таковыхъ уже теперь
ъ; единственно продолжающаяся колонизація есть
ровольная, если только можно назвать добровольцами
ей, гонимыхъ съ родины жестокою нуждою за четыр-
цать тысячъ верстъ. Невольно сердце сжимается,

когда вспоминаешь испитыхъ, худыхъ, истомлен
своихъ спутниковъ по путешествію въ Владивос
Гдѣ-то вы теперь, мечтавшіе о молочныхъ рѣка
кисельныхъ берегахъ? Нашли-ли вы то, чего жажд
или вздыхаете по малоземельной Черниговской губе
Про десятерыхъ изъ васъ я знаю — они пошли
каторгу, поплатившись за свое невѣжество, и безу
ность переселенческаго управленія.

Въ мое время переселенцы дѣлились на двѣ
поріи: на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Перв
только получали землю и доставлялись моремъ на ка
ный счетъ, но и снабжались полтора года хлѣ
получали деньги на покупку, скота и всякую до
нюю утварь. Вторые ѣхали на свой счетъ, полу
землю и иногда денежную ссуду. Натуральныя по
казеннокоштнымъ дѣлались довольно оригинально.
давали, напримѣръ, листовое и полосовое желѣзо,
всемъ поселеніи не оказывалось ни одного кузнеца.
предметы присылались въ ограниченномъ количеств
потому многимъ доставались напилки съ обломанн
концами, никуда негодныя пилы, и въ этомъ
другія вещи. Печально жалуется чиновнику полу
шій надломанный напилокъ, мужикъ.

— Да гдѣ-же я, братъ, тебѣ лучшій-то на
когда его изъ Одессы не прислали?

Иныхъ вещей, слѣдовавшихъ по положенію, та

се не оказывалось: или въ Одессѣ забудутъ выслать,
во Владивостокѣ выписать. Мужикъ сперва ропщетъ,
уется, а потомъ почешетъ затылокъ, да и плюнетъ.
Казеннокоштные были, какъ уже сказано выше, на-
ъ весьма печальный, за малыми исключеніями,
роски сельскаго населенія. Большинство изъ нихъ
родинѣ никогда не занималось земледѣліемъ, а ра-
ло на фабрикахъ, ходило въ городъ на заработки
т. д. Въ партіи, вмѣстѣ съ которой прибылъ я,
ъ даже одинъ поваръ, проведшій добрую половину
ни въ Петербургѣ. Онъ мечталъ о разведеніи трю-
ей и ананасовъ, и ужасно разочаровался, очутившись
и тайги. Попадались и бездѣтныя пары, страдав-
разными послѣдствіями того страшнаго недуга, ко-
ый, будучи занесенъ изъ столицъ, все болѣе и болѣе
вивается въ деревняхъ. Встрѣчались даже цѣлыя
ьи калѣкъ. Какъ они попадали въ партіи — это
валось загадкой даже для переселенческаго управ-
я.

На обратномъ пути въ Россію мнѣ пришлось ѣхать
игуменомъ отцомъ Платономъ, основавшимъ было на
ѣ Шитугѣ скитъ но не получившимъ на него раз-
ѣнія. Отецъ Платонъ, живя бокъ о бокъ съ переселен-
и, имѣлъ возможность довольно хорошо изучить ихъ.
— Точно это и не мужики, — разсказывалъ онъ
, — я много жилъ съ нашими крестьянами, но та-

кихъ не видывалъ: работы они словно боятся, а т
и норовятъ какъ-бы сулей напиться; живутъ
дикари. Говѣли они, напримѣръ, въ моемъ скитѣ
имъ и говорю: вы-бы хоть къ святому-то при
рубахи чистыя надоѣли. Такъ куда, какъ ходил
недѣлю, такъ и къ таинству явились. Старожил
ними и знаться не хотятъ — считаютъ ихъ хуже
дягъ.

— Ну, а какъ вы думаете, батюшка, выйдетъ
нихъ толкъ?

— Ужъ какой тамъ толкъ: не знаю, чѣмъ о
жить-то станутъ, когда субсидія прекратится.

Какая-то забитость составляла отличительную ч
по которой можно было сейчасъ опредѣлить каз
коштнаго. Какъ-то съ однимъ пріятелемъ, состоявш
членомъ благотворительнаго коммитета, пошли мы
бараки. Не смотря на нашъ совершенно неоффиціал
видъ, мы были встрѣчены низкими поклонами.

— Ну что, братцы, не терпите-ли въ
нужды? — обратился къ нимъ пріятель.

— Нѣтъ, не терпимъ, всѣмъ довольны. Мы
бѣдные, что всѣмъ довольны.

— А соль у васъ есть?

— Нѣтъ, соли нѣту. Покупаютъ соль на ба
у кого деньги есть, а другіе и такъ обходятся.

— Можетъ еще чего нужно?

— Нѣтъ, чтожъ, хлѣбъ выдаютъ, ну, мы и до-
льны.

А между тѣмъ тѣ-же „довольные“ переселенцы тол-
ми шлялись по городу, выпрашивая милостыню. Мы
шительно не могли понять такого противорѣчія словъ
фактами.

Прибытіе первой партіи казеннокоштныхъ въ Вла-
востокъ ознаменовалось кражами: обкрадывали не
лько горожанъ, но и другъ друга. На Сучанѣ во
орой годъ случилось убійство съ грабежемъ двухъ манзъ.
иновные сознались и были приговорены къ каторгѣ.
ереселенцы рѣшительно не могли понять такого исхода.

— За что-же нашихъ ссылаютъ? — голосили бабы.

— Какъ за что? Людей убили.

Да развѣ-жъ это люди? Вѣдь это „дохлые“. Да
и ихъ и не убивали, а такъ только пристукнули —
ъ нихъ паръ вонъ и вышелъ.

Вообще администрація, организовывшая переселеніе,
особенно озабочивалась выяснять крестьянамъ ихъ
оложеніе, права и обязанности. Переселенцы на Дау-
хѣ скосили сѣно, да и продали его въ казачью
тню. Пришла зима, собственная скотина осталась безъ
рму. Спекулянты бросились къ начальству за пособіемъ
ослышавъ о какихъ-то ассигновкахъ на сѣно.

— Да вѣдь вы-же ваше сѣно продали, а оно у васъ
е погибло, — получили они отвѣтъ.

Начальство было, конечно право; но какъ пер
ленцы прокормили своихъ коровъ и лошадей до весн
одному только Богу извѣстно. Кто виноватъ въ
исторіи — сказать трудно: вмѣшательство въ хозяй
переселенцевъ отринуто принципіально и безповор
переселенческимъ управленіемъ, да и мужички чувст
ютъ къ нему какой-то невольный страхъ. Стоятъ
вало около дома, гдѣ оно помѣщается, и переминаю
въ нерѣшительности съ ноги на ногу. Даже къ поли
они охотнѣе обращались со своими нуждами, и по
цейское управленіе то и дѣло пересылало всякія
жалобы и прошенія.

Своекоштные выглядѣли и бодрѣе и энергичн
Одѣты они были чисто, въ крѣпкихъ свитахъ и
погахъ. При встрѣчахъ съ бариномъ они не проявля
ни страха ни заискиванія. Особенными молодцами
смотривали нѣжинцы и конотопцы. Такъ и видно бы
что этотъ народъ надѣется больше всего на сам
себя. И устраивались они какъ-то чрезвычайно быст
и про пьянство въ ихъ поселеніяхъ не слышно бы
Многіе изъ своекоштныхъ были даже, по крестьянско
быту, капиталистами, и прямо и категорично отка
вались отъ всякихъ ссудъ. Въ переселенческое упр
леніе они даже и не заглядывали и, повидимому, да
недоумѣвали, чего чиновники послѣдняго суютъ но
въ ихъ дѣла; — ѣхали они на пароходѣ безъ всяк

еки, сами деньги платили, сами и въ дорогу собра-
ись, а тутъ откуда-то опекуны взялись, которые не-
ремѣнно приказываютъ селиться десятью дворами, безъ
оего разрѣшенія и свадьбы сыграть не позволяютъ,
сѣвы переписываютъ.

VII.

Больной вопросъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ — это
итайцы. Ихъ бояться, собираются изгонять и ограни-
ивать, а между тѣмъ безъ нихъ Владивостокъ поло-
ительно-бы погибъ. Китайцы шьютъ фраки и военные
ундиры, поставляютъ мясо и овощи, ловятъ рыбу и
трицъ, строятъ дома и чинятъ дороги; они и разно-
чики, и повара, и лакеи, и лодочники, и мелочные
рговцы. Сломались у васъ часы — ихъ чинитъ ки-
аецъ, испортился у барыни золотой браслетъ — един-
венный ювелиръ-китаецъ. Они научились и класть
сскія и голландскія печи, и украшать потолки лѣп-
й работой, и варить баварскій квасъ, и печь фран-
зскія булки, и вставлять стекла.

Лучшую прислугу, какъ китайцы, встрѣтить трудно.
итаецъ никогда не сгрубитъ, а, — главное никогда не
радетъ. Приказанія онъ исполняетъ весело, и при ма-
йшемъ одобреніи расплывается въ широкую улыбку. Я
илъ въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ было нѣ-
олько жильцовъ. Лакей-манзенокъ такъ усердствовалъ,

что чистилъ ежедневно всѣ мои сапоги и ботинки,
я ему не замѣтилъ, что это лишнее. Замѣтивъ ма
шій безпорядокъ, онъ немедленно принимался убир
Иногда я оставлялъ на столѣ доллары и серебря
рубли, и никогда ни одинъ изъ нихъ не пропада
Когда по прошествіи перваго мѣсяца я наградилъ ма
чугана рублемъ, онъ положительно пришелъ въ восто

Былъ при домѣ и китаецъ-дворникъ, — онъ-же и
ной сторожъ. Всю ночь онъ усердно колотилъ тре
кой, а днемъ его всегда бывало видишь за рабо
когда онъ отдыхалъ — это было его тайной. И все
онъ былъ веселъ. Возвращаешься ночью домой:

— Капитана? откликивается онъ.

— Капитанъ.

— Гуляй есть капитана — холосо, — считаетъ
долгомъ выразить свое расположеніе.

И каждый китаецъ, который васъ знаетъ,
таетъ долгомъ при встрѣчѣ привѣтствовать васъ
широкой и чрезвычайно симпатичной улыбкой.

Праздниковъ и прогуловъ китаецъ не знаетъ и
ботаетъ круглый годъ. Единственно, когда онъ от
зывается отъ работы — что-бы вы ему ни пред
гали, — это въ дождь. Работаетъ онъ, впрочемъ, ку
хуже русскаго рабочаго, хотя и дешевъ: яму, котор
смоленскій землекопъ выроетъ въ полчаса, китаецъ
детъ копать часа два и быстро устанетъ. Поэтому к

йца выгоднѣе всегда нанимать поштучно, а не посу-
точно. Китаецъ ни за что не украдетъ, но надуть дру-
гимъ способомъ за грѣхъ не считаетъ. Отъ работающихъ
...енно нельзя отойти ни на минуту. Не успѣетъ над-
смотрщикъ отвернуться, какъ уже рабочій садится на
корточки, закуриваетъ свою трубочку, и начинаетъ со-
зерцать окружающее.

Подъ окнами мѣста моего служенія китайцы вырав-
нивали дворъ. Копнутъ бывало заступомъ разъ пять
, глядишь, уже курятъ.

— Ты чего, манза, не работаешь! — кричитъ на
нихъ прикащикъ.

— Мала-мало моя кули (хочу немного покурить), —
отвѣчаетъ тотъ съ самымъ невозмутимымъ видомъ. И
эта сцена повторялась чуть не каждыя десять минутъ.

Зато, работая урокъ, китаецъ положительно неуто-
мимъ. Страсть къ куренію у него пропадаетъ, солнце
жжетъ ему голую коричневую спину, потъ льетъ гра-
домъ. Но повторяю, что китайскій рабочій — плохой
конкуррентъ русскому. Если онъ побѣждаетъ въ Кали-
форніи американца, то только потому, что ужъ очень
ограниченъ въ своихъ потребностяхъ, тогда какъ аме-
риканецъ требуетъ джентльменскій костюмъ, ростбифъ
бифштексъ, газету и театръ. Нашъ-же рабочій по
своимъ потребностямъ скорѣе подходитъ къ китайцу,
чѣмъ къ американцу. Да и китаецъ, поживъ среди

европейцевъ, начинаетъ ощущать потребность къ нѣ
торому комфорту. Онъ непрочь замѣнить бумажн
костюмъ шелковымъ, нарядиться въ европейскіе бр
и ботинки, получаетъ любовь къ европейскимъ нап
камъ. Но главное, что мѣшаетъ ему подняться на
ги — это любовь къ азартнымъ играмъ. Въ нѣскол
часовъ онъ проигрываетъ весь свой мѣсячный зара
токъ. Бываютъ случаи, что хозяинъ садится игр
съ рабочими, проигрываетъ всѣ свои деньги, хозяйст
фанзу, и идетъ въ кабалу къ счастливому партне
бывшему наканунѣ его слугою.

Азартныя игры, и китайскіе игорные дома въ пре
ніе годы были прекраснымъ доходомъ для полиц
Обыкновенно они облагались данью, и могли послѣ
уплаты процвѣтать самымъ чудеснымъ образомъ. Вр
мена измѣнились, азартныя игры подверглись гонені
но китайцы необыкновенно ловко умѣютъ въ этихъ сл
чаяхъ укрываться отъ зоркаго ока полиціи, котор
слишкомъ малочисленна и неумѣла.

Я уже говорилъ выше, что китаецъ, при случа
непрочь надуть, но въ своемъ надувательствѣ онъ сво
образенъ: надуть онъ надуетъ, но всегда въ то-же врем
сдержитъ свое слово. Я знавалъ во Владивосток
одного господина, занимавшагося адвокатурою, котор
мнѣ говорилъ, что съ нимъ не было ни одного случа
чтобы китайцы не уплатили обусловленнаго на словах

норара. Спросите адвокатовъ, часто-ли бываютъ также
куратны петербургскіе и московскіе кліенты.

„Куда-бы ни являлись китайцы, — разсуждали на
номъ изъ съѣздовъ въ Хабаровкѣ, — они всюду вно-
тъ свой культъ, свое міровозрѣніе и даже свой судъ;
хъ сплоченность и высокое мнѣніе о своемъ прошломъ
епятствуютъ сліянію съ русскими; поэтому, куда-бы
и ни явились, они составляютъ какъ-бы государство
 государствѣ.“ На сколько мнѣ приходилось наблю-
ть китайцевъ во Владивостокѣ, это мнѣніе преуве-
чено. Прежде всего китайцы самый нерелигіозный
родъ въ мірѣ: ихъ единственная во Владивостокѣ
мирня — жалкая, заброшенная будочка, которая освѣ-
ается только въ праздникъ Новаго года. Приписывать-
е бѣдному, голодному рабочему какую-то историческую
рдость нѣсколько странно. Напротивъ, онъ отлично
знаетъ, что русскіе порядки лучше, что при нихъ
у не рубятъ головы, и не берутъ послѣдней копѣйки.
удь Южно-Уссурійскій край болѣе благоустроенъ и
носись наше чиновничество къ китайцамъ погуманнѣе,
и-бы еще скорѣе и лучше поняли преимущества рус-
ой власти предъ ихъ найонами и фудутунами.

Но къ сожалѣнію нѣкоторые неумѣренные патріоты
потребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы оттолкнуть
ъ насъ китайцевъ. Поборы разныхъ мелкихъ поли-
йскихъ чиновъ не вывелись и теперь. Въ 1885 году

на рѣкѣ Сучанѣ былъ такой погромъ китайцевъ, котораго пришли въ негодованіе даже здѣшніе патріо При мнѣ въ публичный концертъ не пустили дв весьма богатыхъ и приличныхъ китайскихъ купцо хотя многіе изъ русскихъ не стѣсняются выпрашив у китайцевъ деньги въ займы, обѣдать въ гостяхъ китайца содержателя гостинницы, и ходить въ го къ китайцамъ, когда тѣ справляютъ свой новый го Кулачная расправа съ китайцемъ на Амурѣ — така же обыкновенная вещь, какъ въ Петербургѣ обращ на „ты“ къ извощику. Мнѣ не однократно прихо лось видѣть, какъ по улицамъ Владивостока городо гнали въ полицію китайцевъ, связанныхъ косами. ворятъ, что это способъ, заимствованный отъ анг чанъ; но я не видалъ ничего подобнаго ни въ Го Конгѣ, ни въ Сингапурѣ, какъ не видалъ, что англійскіе офицеры допускали кулачную расправу нижними чинами, которая практикуется частенько Амурѣ.

При мнѣ былъ во Владивостокѣ китаецъ Афу. О бывалъ неоднократно ресторатором на русскихъ суда прокатился однажды даже въ Одессу, и имѣлъ п страстіе къ европейскимъ шляпамъ, брюкамъ и сапога Открылъ онъ гостинницу, и вотъ въ день открыті зашелъ къ нему пообѣдать. На порогѣ я столкну съ нимъ и съ русскимъ священникомъ, котораго

вожалъ. Оказалось, что послѣдній, по просьбѣ Афу, лужилъ молебенъ и окропилъ помѣщеніе святою во- ю. Надѣюсь, что такой фактъ служитъ доказатель- вомъ, что далеко не всѣ китайцы такіе фанатики, ими ихъ рисуютъ.

Мѣстные патріоты однако предпочитаютъ, повидимому, тамъ собственныя фантазіи. Въ китайскомъ и ко- скомъ каботажѣ они видятъ не только пиратовъ, но будущую вспомогательную флотилію, которая должна иться на помощь англійскому или китайскому флоту. рочемъ патріотизмъ вещь довольно обманчивая. Амур- е патріоты издавна прославились тѣмъ, что въ сущ- сти прикрывали патріотизмомъ необузданную страсть вить рыбу въ мутной водѣ“.

Но истинному взгляду на китайцевъ въ Южно-Ус- рійскомъ краѣ, насколько я могъ замѣтить, мѣшаютъ одни „патріоты“. Патріоты сами по себѣ не могли- еще создать лжи, если-бы имъ не содѣйствовали ктринеры, смотрящіе на все черезъ разъ надѣтыя ки. Составился взглядъ, что китайцы лукавы, плуто- ы, малодушны и консервативны, и доктринеры не таются ознакомиться сами съ ними даже въ лицѣ хъ дворниковъ, портныхъ, поваровъ, услугами кото- хъ они пользуются.

Бѣднымъ манзамъ (такъ во Владивостокѣ назы- ютъ китайцевъ) отъ этого не легче. Въ силу того,

что китаецъ разъ навсегда признанъ вреднымъ ментомъ, его волокутъ за косу въ полицію, гонятъ его фансы, высылаютъ на родину, примѣняютъ къ отмѣненныя для всѣхъ тѣлесныя наказанія.

Я помню одну полицейскую облаву на китайцевъ которой учавствовалъ, благодаря своему знакомству полиціймейстеромъ. Городъ уже спалъ. Мы шли по грязи, а куда — не зналъ даже предводитель спедиціи. Прейдя почти весь городъ, мы остановил

— Ты знаешь, въ какихъ здѣсь фанзахъ играютъ спросилъ предводитель одного изъ городовыхъ.

— Да надоть полагать, что вотъ и въ этой, благородіе, играютъ, — указалъ тотъ на одну, чердакѣ которой свѣтится огонь.

— Окружай! — раздалась команда.

Но не успѣли полицейскіе оцѣпить фанзу, огонь на чердакѣ погасъ.

— А-га! догадались, мерзавцы!

По приставленной къ дверямъ чердака лѣстниц полѣзли одинъ за другимъ. Когда гимнастическое ражненіе было окончено и я просунулъ голову въ дв меня сразу обдало спертымъ воздухомъ, пропитанн сквернымъ табакомъ, лукомъ и черемшею.

— Берегите, ваше благородіе, голову, — преду дилъ меня полицейскій свѣтившій мнѣ фонаремъ.

Дѣйствительно, въ чердачномъ помѣщеніи мо

о только или сидѣть или стоять, согнувъ совершенно ну. Зажгли огонь и начался обыскъ. Перерывъ всѣ рихотливыя постели и весь скудный скарбъ, обрѣли ую-то деревянную трубочку.

— Это банка (особая азартная китайская игра)? — осилъ грозно предводитель.

— Нѣтъ, это для куренія, — объяснилъ одинъ изъ айцевъ.

— Для куренія? А зачѣмъ вы огонь потушили? У ъ игра была? Ну, да все-равно, собирайтесь въ ицію. Левицкій, спускай ихъ по одному внизъ.

Мы тѣмъ-же путемъ спустились внизъ, а за нами ли вылѣзать и китайцы; когда ихъ не осталось ни ого на чердакѣ, ихъ связали между собою косами огнали въ полицію.

Дня черезъ три я узналъ отъ стряпчаго, что кицы были арестованы полиціей напрасно, и что трука, которую конфисковали, служитъ для храненія та, и никакого отношенія къ азартнымъ играмъ не етъ. Такъ вотъ какъ мы привлекаемъ на свою стоу китайцевъ въ столицѣ Южно-Уссурійскаго края. Что правда, такъ это то, что китайцы страшно неоплотны. На чердакѣ, гдѣ былъ обыскъ, я наъ такую грязь, предъ которой даже трущобы Сѣнплощади — образцы опрятности. Бѣлья китайскій очій не признаетъ, и спитъ на голомъ полу, пост-

лавъ одну или нѣсколько звѣриныхъ шкуръ или новокъ. Когда полицейскіе рылись въ ихъ неприхо выхъ ложахъ, подымались цѣлые столбы пыли: видно, что постели никогда не вытряхаются. Не л помѣщенія и въ самыхъ фанзахъ. Зимой и лѣтомъ стоятъ закупоренныя, не провѣтриваются и нас пропитываются вонью ночлежнаго пріюта. Нужно ляться, какъ до сихъ поръ китайскія жилища не бались источникомъ заразы во Владивостокѣ. Лѣ они своею вонью заражаютъ весь китайскій квар по которому въ жаркую погоду можно ходить зажавъ носъ.

VIII.

Около февраля, т. е. въ то время, когда по н ному выраженію „солнце поворачиваетъ“ на лѣто тайцы справляютъ свой Новый годъ, по ихнему ца саръ, что значитъ въ переводѣ „бѣлый мѣсяцъ“. за недѣлю до наступленія праздника начинается у комнатъ и двора. Наканунѣ праздника дома и украсились китайскими и японскими фонариками, столбахъ, дверяхъ, и ставняхъ появились накле красные, продолговатые листы бумаги съ каки іероглифами. Въ комнатахъ также появились ук нія изъ бумаги и бумажныхъ цвѣтовъ.

Праздникъ тянулся цѣлый мѣсяцъ, и чувство

же русскими. Съ утра до вечера на улицахъ можно до видѣть разряженныхъ китайцевъ, слышать тре- тню шутихъ и хлопушекъ, а вечеромъ созерцать люминацію. Шумъ праздника увеличивался обыкно- но къ вечеру, когда темнѣло. Возвращаясь отъ зна- мыхъ домой, я не разъ былъ зрителемъ фантастиче- ато балета, разыгрывавшагося подъ открытымъ не- бъ и освѣщеннаго луной. Да, это былъ именно ба- лъ или волшебная феерія, хотя въ ней и не участ- вали граціозныя баллерины въ воздушныхъ юпочкахъ, голыми шеями и руками и обтянутыми розовымъ ко ногами. Толпа китайцевъ двигалась, разбивалась массу группъ, весело разсыпалась въ стороны, когда нее попадала коварная шутиха, устремлялась вне- но за кѣмъ нибудь, кто бѣжалъ съ фонаремъ. Изъ ровъ и переулковъ то и дѣло появлялись люди съ шими и маленькими фонарями; иногда фонари были къ велики, что ихъ тащили на палкѣ два человѣка. ѣтъ луны перемѣшивался съ свѣтомъ зажженныхъ ровъ, и освѣщалъ бронзовыя лица китайцевъ, при- вая имъ какой-то фантастическій оттѣнокъ. Невольно поминалась сцена вальпургіевой ночи изъ „Фауста“ или „Мефистофеля“ Бойто. Безбородыя лица ки- цевъ, ихъ длинныя косы и балахоны, похожіе на ки, такъ и напоминали вереницы вѣдьмъ. Но все- въ этой вакханаліи была своеобразная прелесть.

Если даже, по народнымъ понятіямъ, вѣдьмы могли
селиться на Брокенѣ и Лысой горѣ, то тѣмъ бо
веселились китайцы, которыхъ я созерцалъ. Ихъ весе
такъ чувствовалось, такъ невольно охватывало меня
качествѣ зрителя, что не разъ у меня являлась ди
фантазія устремиться въ шумную толпу, и начать вмѣ
съ нею бѣгать и прыгать, несмотря на мое выс
званіе цивилизатора.

Во Владивостокѣ я могъ наблюдать разницу ме
русскимъ и китайскимъ народнымъ способомъ веселит
Нигдѣ я не видалъ ни валяющихся пьяныхъ, ни
битыхъ и окровавленныхъ физіономій, ни дракъ,
которыхъ не обходится ни одинъ русскій праздни
И китаецъ пьетъ свою сули, но какъ-то она не
буждаетъ въ немъ буйственныхъ наклонностей, пр
щихъ многимъ, даже интеллигентнымъ, русскимъ
дямъ.

Настоящее празднество начинается со второй полов
мѣсяца. Цѣлые дни гремитъ музыка, трещатъ и
паютъ ракеты, шумомъ которыхъ китайцы дума
отогнать злыхъ духовъ, съ утра до ночи по го
расхаживаетъ процессія дракона. Опишу послѣднюю т
какъ я ее видѣлъ. Какофонія національной китайс
музыки, въ которой главная роль принадлежитъ
ганью тарелокъ, издали извѣстила меня о приближ
шествія. Впереди процессіи несли два флага: китай

русскій коммерческій, какъ-бы въ знакъ уваженія
ъ странѣ, давшей пріютъ празднующимъ. Затѣмъ
ествовалъ оркестръ. Далѣе на ходуляхъ двигались
гримированные и закостюмированные актеры, которымъ
ыпитая сули нѣсколько мѣшала баллансировать на вы-
кихъ подпоркахъ. Тутъ былъ и толстый мандаринъ,
представительница прекраснаго пола Небесной имперіи,
зображаемая молодымъ китайцемъ, въ обыкновенное
ремя промышляющимъ продажею орѣховъ, и грознаго
ида воины, поддерживавшіе другъ друга, словно прія-
ели, возвращающіеся отъ Палкина послѣ ужина съ
озліяніями. За актерами несли на палкѣ сначала боль-
юй шарообразный красный фонарь, а сзади десятиса-
кенный фонарь въ видѣ дракона, разинутая пасть ко-
ораго какъ-бы старалась поглотить фонарь-шаръ. Дра-
онъ, котораго несли человѣкъ двадцать, состоялъ изъ
емныхъ и свѣтлыхъ колецъ, и очень красиво изви-
ался въ вечерней темнотѣ, среди массы головъ толпы,
опровождавшей шествіе. Выходило очень эфектно и
ораздо живописнѣе тѣхъ церемоній, которыми подра-
каютъ наши антрепренеры китайскимъ праздникамъ.

Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ
о Владивостокѣ, что слѣдовало-бы запретить процессію
дракона, что она имѣетъ характеръ анти-русской де-
онстраціи. Но это врядъ-ли справедливо. Ничего въ
процессіи политическаго нѣтъ, и она принадлежитъ къ

числу такихъ-же народныхъ игръ, какъ уличные ка навалы въ Италіи, какъ масляничная процессія лод которую я видѣлъ въ дѣтствѣ въ Вологдѣ, или пр воды масляницы, изображаемые въ оперѣ „Вражья с ла“. Актеры, участвующіе въ процессіи, охотно за дятъ во дворы къ русскимъ, и даютъ передъ посл ними представленія своихъ драмъ и комедій. Запрет это народное увеселеніе, никакого вреда неприносящ было-бы и безцѣльно и жестоко по отношенію къ ж тайцамъ, безъ которыхъ пока Владивостокъ обойт не можетъ. Говорятъ также о городскомъ благоустр ствѣ и порядкѣ; но врядъ-ли китайскій драконъ м шаетъ послѣднему болѣе, чѣмъ толпы пьяныхъ мат совъ, отъ которыхъ по праздникамъ буквально п прохода даже офицерамъ, ужъ не говоря о штатск и дамахъ. Но ужъ такова теперь мода на Амурѣ: всемъ и вездѣ видѣть какіе-то китайскіе происки.

IX.

Интересный амурскій типъ — это *русскій предпр нниматель*. Во Владивостокѣ мнѣ пришлось натолкнут на нѣсколькихъ его представителей. Это отнюдь не Д руновы и не Колупаевы. Общаго между ними тол развѣ инстинктъ наживы. Конечно, и въ Уссурійско краѣ уже народился кулакъ, но не о немъ здѣсь рѣ Деруновъ — постепеновецъ, онъ десять разъ отмѣрит

разъ отрѣжетъ, онъ начинаетъ обыкновенно клевать о зернышку, и только, ставъ большимъ кораблемъ, ускается въ большое плаваніе. Предприниматель не бладаетъ жидовскимъ деруновскимъ терпѣніемъ. Онъ юбитъ дѣйствовать en grand, сразу налетѣть, урвать удивить, если не міръ, то окружающихъ, открыть озсыпи, завести фабрику, начать добывать розовое асло, или заняться винодѣліемъ. Прежде всего онъ оэтъ, фантазеръ, а потомъ уже представитель духа аживы.

Кто онъ такой — почти никогда неизвѣстно. Иногда нъ просто бывшій приказчикъ, а иногда непомнящій одства, о которомъ — кто утверждаетъ, что онъ бывшій тудентъ изъ политическихъ, кто — что онъ отставной иновникъ, кто — что онъ просто бѣглый. Вѣрно и извѣ тно одно, что онъ обыкновенно не лишенъ образованія: астеръ составить проектецъ, написать прошеніе въ судъ ли жалобу въ Сенатъ, можетъ толковать о химическомъ анализѣ, почвенныхъ условіяхъ, законахъ спроса предложенія, не чуждъ знакомства съ литературой, урналистикой и именами ученыхъ. Я знавалъ одного предпринимателя, который охотно трактовалъ о Платонѣ нѣмецкой философіи, о соціализмѣ и Карлѣ Марксѣ, Гнейстѣ и теоріи конституціонализма. Другой цитировалъ Мейера и Побѣдоносцева, а на кассаціонныхъ рѣшеніяхъ могъ загонять любаго присяжнаго повѣрен-

наго. Третій написалъ цѣлый трактатъ о колоніз
съ ссылками на Леруа-Болье, Лавелэ и разныхъ
чественныхъ экономистовъ.

Все это не мѣшаетъ предпринимателю быть ба
никомъ, а при случаѣ и ростовщикомъ и, послѣ чт
Милля „О свободѣ", настрочить доносъ или адво
скую кляузу. Онъ, то скупаетъ овесъ, то заводитъ к
щиковъ, то получаетъ откуда-то на комиссію перч
и духи, полотно и ализариновыя чернила, то ст
вится страховымъ агентомъ или адвокатомъ, то дѣл
какія-то изысканія. Онъ, то богатъ, держитъ лош
ѣдетъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, то голъ, какъ сок
чуть не побирается и живетъ со всей семьей въ
моркѣ. Иногда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шуллеръ.
него то и дѣло слышишь: а Михаилъ-то Михайлов
серебряные рудники открылъ, а вчера-то Миха
Михайловичъ двухъ сотниковъ обыгралъ, а Миха
Михайловичъ ужъ полотномъ торгуетъ, а тамъ
трактиръ открылъ, гдѣ-то пріиски нашелъ, мылов
ніемъ занялся. Такое метаніе отъ дѣла къ дѣлу
стороны предпринимателя объясняется тѣмъ, что
дѣйствуетъ и начинаетъ всегда безъ гроша, т. е.
лотитъ рожь на обухѣ. Онъ или обыграетъ въ ка
или выищетъ легковѣрнаго компаньона, или выхлопо
субсидію. Но отъ колективной личности перейду
дѣйствительнымъ разновидностямъ.

Какъ-то въ лѣтній день я зашелъ къ редактору
ѣстной газеты. Мнѣ сказали, что онъ въ саду. Не
мотря на обиліе пустопорожнихъ мѣстъ въ Влади-
востокѣ, всѣ садики очень крохотные и я сейчасъ-же
ашелъ редактора, а съ нимъ пожилаго господина съ
рической и бородою, которую усвоило себѣ большинство
юдей шестидесятыхъ годовъ. Насъ отрекомендовали.

— Давно поселились въ здѣшнихъ краяхъ? — спро-
лъ меня новый знакомый.

— Третій мѣсяцъ.

— Недавно-съ. А какъ вы себя чувствуете здѣсь?

— Послѣ Петербурга довольно скучно. Главное,
ришлось разочароваться въ томъ дѣлѣ, для котораго
ріѣхалъ.

— А вы служите?

— Служу подъ начальствомъ... — Я назвалъ фа-
лію моего начальника.

— Умный человѣкъ. Я его давно знаю — еще съ
естидесятыхъ годовъ, когда онъ былъ вашихъ лѣтъ.
огда онъ былъ моимъ частымъ гостемъ. Ну, теперь
ъ сталъ инымъ.

— Такъ вы давно уже здѣсь проживаете?

— Піонеръ-съ, амурскій піонеръ. Я такъ и статьи
вои подписываю.

Я тотчасъ же вспомнилъ одну изъ статей, подпи-
анныхъ названнымъ псевдонимомъ, гдѣ трактовалось о

кипучей амурской дѣятельности первыхъ лѣтъ, вы-
зившейся, по словамъ автора, въ винокуреніи, выд
кѣ наливокъ и пивовареніи.

— Вы что-же, — извините за вопросъ, тоже н
лите служить или торгуете?

— И торговалъ, и земледѣліемъ занимался, и с
разводилъ. А теперь воюю съ администраціей. Ра
рила она меня совершенно, эта администрація. Н
новое дѣло высматриваю.

— Дѣла здѣсь, кажись, непочатый край.

— Китайцы только насъ одолѣли: ни за что
нятся нельзя.

— Позвольте, я такъ думаю, что китайцы з
ничего кромѣ пользы не приносятъ.

— Не знаете вы ихъ еще, — а поживете подольш
убѣдитесь, что это вреднѣйшее племя: всѣ они
хузы (разбойники).

— Не смѣю съ вами пока спорить. Но не будь
край-бы остался безъ ремесленниковъ и рабочихъ р

— Прогоните ихъ, и рабочія руки явятся, — н
русскія рабочія руки.

— Но откуда-же? Если для земледѣльческой к
низаціи, не смотря на переселенческое движеніе, о
тившее Россію, понадобились субсидіи, и перевозка
казенный счетъ, то еще труднѣе разсчитывать на
статочный приливъ ремесленниковъ.

— Вы сами сейчасъ намекнули на то, что необхо-
мо. Именно нужна субсидія, нуженъ протекціонизмъ.
у насъ администрація только притѣсняетъ русскій
ментъ. Дайте мнѣ субсидію, и я вамъ что угодно
трою. Уничтожьте порто-франко, и вы увидите, какъ
скіе купцы затрутъ нѣмцевъ, которые снабжаютъ
съ гамбургскимъ и шанхайскимъ бракомъ, и послѣ
тайцевъ играютъ главную роль въ краѣ.

Я случайно взглянулъ на окружающія меня дикія
шни, и невольно подумалъ, что сдѣлать имъ при-
ву можно было-бы и безъ субсидіи.

— Вы вотъ человѣкъ новый, — продолжалъ собе-
дникъ, — а поживете — узнаете, отчего нашъ край
ается безполезнымъ для Россіи. Тогда и взгляды
ши на китайцевъ перемѣните. Манза сегодня орѣ-
ми торгуетъ, квасъ вамъ и зелень поставляетъ, а
черомъ проиграется въ „банку“ до чиста, завтра
ьметъ ружье и станетъ хунхузомъ.

— О хунхузахъ я уже кое-что слыхалъ, и изъ
сказовъ вынесъ убѣжденіе, что эти разбойники
болѣе, какъ миѳъ. Преступные же элементы встрѣ-
ются у всѣхъ народовъ и во всѣхъ классахъ обще-
ва.

— Такъ-съ. Но всѣ здѣшніе китайцы бездомные
дяги, а это вездѣ и всюду самый вредный эле-
тъ.

— Вы ихъ называете бродягами, а другіе
таютъ ихъ какими-то піонерами пекинскаго правител
Впрочемъ, повторяю, что пока спорить не буду.

Разговоръ нашъ перешелъ на торговлю. Собесѣд
мой оказался ярымъ протекціонистомъ, которому-б
завидовали самъ Кольберъ и князь Бисмаркъ, н
слушай котораго любой экономистъ, и онъ навѣ
бы улыбнулся, до того всѣ научныя понятія явл
перепутанными. Все вертѣлось около того, что
ная администрація не опекаетъ русскихъ купцо
поэтому они погибаютъ.

Послѣ этого я моего протекціониста встрѣчалъ
отъ времени то въ редакціи, то у знакомыхъ куп
то въ ресторанахъ. Зная, что я грѣшу по части
налистики и корреспонденцій, онъ постоянно заг
валъ со мною о мѣстныхъ экономическихъ вопр
Редакцію онъ заваливалъ толстѣйшими рукоп
переполненными бранью и нападками на нѣме
коммерсантовъ. Явно мой протекціонистъ зани
агитаціей, такъ какъ терся преимущественно
купцовъ и пишущей братіи. Иногда онъ изчезал
его словамъ, на какія-то изысканія. Только
выяснилось, для чего онъ проживалъ во Владивос
Въ обществѣ „изученія амурскаго края" былъ
танъ докладъ о торговлѣ, гдѣ доказывалась необ
мость протекціонизма, а вслѣдъ за этимъ на с

Хабаровкѣ появился толстѣйшій проектъ въ томъ-же
ухѣ. . . . .
. . . .

Иной типъ составлялъ нѣкто — назовемъ его хоть
вановымъ. Говорили, что Ивановъ былъ кантони-
омъ; другіе утверждали, что онъ просто цыганъ.
вановъ никогда не агитировалъ, а вѣчно что нибудь
едпринималъ. Предпринималъ безъ копѣйки денегъ
карманѣ, — наканунѣ объявленія его несостоятель-
ымъ. То онъ строилъ пивоваренный заводъ, то залу
ія театральныхъ представленій, то отыскивалъ сере-
янные рудники. Больше-же всего игралъ въ карты,
ія чего скакалъ по всему краю, проигрываясь до
иста самъ или обыгрывая всѣхъ мѣстныхъ игроковъ.
ро Иванова ходили цѣлыя легенды. Говорили, что
динъ изъ администраторовъ временъ произвола зако-
алъ его разъ въ кандалы, но онъ ихъ разбилъ и
бѣжалъ; что въ другой разъ онъ пробылъ въ тайгѣ
едѣлю безъ пищи, и будто отвѣдалъ человѣчьяго мяса
послѣднее онъ энергично отрицалъ); что однажды, безъ
опѣйки денегъ, онъ пріѣхалъ отъ Томска до Влади-
остока; что разъ онъ, на занятые десять рублей, вы-
гралъ нѣсколько тысячъ. Цѣлые дни Ивановъ метался
скакалъ по городу, покупалъ, продавалъ, занималъ,
осылалъ какія-то телеграммы, шнырялъ изъ суда въ
олицію, и изъ полиціи въ управу.

— Наклевывается, славное дѣльце наклевывается! кричалъ онъ знакомымъ на ходу и мчался дал

. . . .

. . . .

Протекціонистъ и Ивановъ были совершенно не хожи другъ на друга, но въ тоже время это б люди все-таки одного и того-же амурскаго типа „пр принимателей“. Въ Россіи такимъ людямъ мѣста нѣтъ. Оба они жили вѣчными фантазіями, оба ж дали обогащенія, оба умрутъ, вѣроятно нищими. Амурѣ такимъ людямъ еще есть просторъ. Нигдѣ т не вѣрятъ, какъ тамъ, разнымъ проектамъ и фа зіямъ. А имъ только этого и нужно. Фантазіи плодятся, какъ грибы: какая нибудь да прельст довѣрчивыхъ людей, а разъ она прельстила — пр ниматель получаетъ кушъ, орудуетъ, играетъ р громоздитъ воздушные замки одинъ на другой и лѣтаетъ, вмѣстѣ съ компаніономъ, въ трубу, что опять начать исторію сначала.

Нельзя сказать, чтобы дѣятельность предприним лей была совершенно ужъ безплодна. Они первые вели во Владивостокѣ извощиковъ, устроили пив ренный заводъ, стали утилизировать порожнія буты которыя прежде бросались въ бухту, завели гостини для пріѣзжающихъ и табльдоты для холостяковъ. они-же создали легенды о несмѣтныхъ богатствахъ кр

золотыхъ розсыпяхъ, мраморныхъ ломкахъ, объ амур-омъ винодѣліи, — легенды, проникшія и въ печать, въ административныя сферы. Въ краѣ, въ которомъ астоящіе ученые путешественники бывали налетомъ, ть не проѣздомъ, обыкновенные смертные, по рус-ой привычкѣ, сидятъ въ насиженныхъ гнѣздышкахъ, предприниматель“ есть единственный піонеръ и изслѣ-ватель, и отъ него, волей — неволей, приходится по-рпать свѣдѣнія и чиновнику, и корреспонденту. Си-итъ корреспондентъ и мучается, что ему написать: раки и скандалы стали обыденной вещью, ни удачъ, и неудачъ, администраціи не имѣется за отсутствіемъ мыхъ мѣропріятій, процессовъ интересныхъ также. другъ выростаетъ передъ нимъ фигура предпринима-теля, постоянно тяготѣющаго къ печати.

— Честь имѣю рекомендоваться — такой-то. Слы-алъ о вашемъ горячемъ отношеніи къ интересамъ рая, а потому рѣшился обратиться къ вашему содѣй-ствію. Дѣло въ томъ, что я давно уже, читая разныя очиненія объ Америкѣ, предполагалъ, сравнивая ее съ ашимъ краемъ, что въ немъ могло-бы привиться то-о и то-то. На послѣдніе гроши, не смотря на про-иводѣйствія моего личнаго врага, исправника N, я дѣлалъ изысканія и опыты, и убѣдился, что всѣ мои предположенія математически точны. Стоитъ устроить компанію, выхлопотать субсидію, и край обогатиться.

Предприниматель начинаетъ выкладывать фак
цифры, вычисленія приплетаетъ къ нимъ разсказ
злоупотребленіяхъ администраціи, о проискахъ нѣмце
китайцевъ и евреевъ (крещеныхъ), и очаровываетъ к
респондента, который думаетъ про себя: „малый
плутъ, но поднять вопросъ и сообщить въ Петербу
можно". Такова исторія всѣхъ тѣхъ легендъ, кото
начались въ нашей литературѣ со времени завоева
Амура и присоединенія Уссурійскаго края и котор
не смотря на разоблаченія Д. И. Завалишина, пок
наго Добролюбова, г. Стахѣева и другихъ, находя
вѣрующихъ и до настоящаго времени въ Россіи, х
всѣ онѣ не менѣе фантастичны, чѣмъ легенды крестья
„объ указѣ", „кораблѣ", „фруктахъ, растущихъ
лѣсахъ", и такомъ обиліи ягодъ, что колеса тел
становятся красными отъ ихъ сока. Во Владивосто
смѣются надъ однимъ ревизоромъ, которому на Са
линѣ поднесли, подъ видомъ мѣстныхъ, нагасацкіе а
бузы, привезенные на клиперѣ „Абрекъ", и котор
увѣровалъ въ то, что на Сахалинѣ могутъ рости а
бузы. Но сами-же смѣющіеся вѣрятъ многому тако
что само—такой-же обманъ, какъ и это поднесеніе з
граничныхъ овощей. Не задолго до моего прибыті
нѣкто г. А., повѣривъ „предпринимателямъ", ч
весьма выгодно отправлять прекрасный Уссурійск
лѣсъ въ Шанхай, потерпѣлъ громадные убытки.

X.

Нѣсколько словъ о владивостокскомъ климатѣ. Я—
лохой метеорологъ и не буду говорить о вліяніи теп-
аго и холоднаго теченія, хребта Сихоте-Аллинъ, ко-
орый оберегаетъ отъ сѣвернаго вѣтра Манджурію и
орею, и закрываетъ насъ отъ теплыхъ южныхъ вѣт-
овъ, а подѣлюсь личными впечатлѣніями. Какъ я уже
азалъ, я прибылъ во Владивостокъ въ концѣ апрѣля.
се-гдѣ въ садахъ зеленѣла травка, но погода стояла
вершенно петербургская, а на деревьяхъ не было и
ризнака почекъ. Въ шведской курткѣ и ватномъ
альто, въ которомъ выдержалъ вьюгу между Крон-
тадтомъ и Ораніенбаумомъ, я, пробывъ нѣсколько
асовъ около переселенческихъ бараковъ, хватилъ та-
ой плевритъ, что пролежалъ два дня въ постели и
ишился на цѣлый мѣсяцъ способности быстро двигаться.
плоть до десятаго іюня у меня въ комнатѣ почти
жедневно топилась печка, а весь май я проходилъ въ
атномъ пальто, къ которому, время отъ времени, при-
одилось прибѣгать вплоть до августа. Стоило пойти
ождю, чтобы температура понизилась до десяти граду-
овъ среди лѣта.

Но что было поистинѣ убійственно — это туманы.
ъ нихъ нельзя было спастись даже въ комнатахъ.
ожницы, ножи и другія стальныя вещи покрывались

страшной ржавчиной, моя шведская куртка пор грибками, а фракъ и мундиръ покрылись зелены пятнами; даже сафьянные корешки книгъ покрыл плѣсенью. Ружье, револьверъ и другое оружіе при дилось покрывать густымъ слоемъ масла. Сырость туманы Лондона, на сколько я съ ними знакомъ описаніямъ, ничто въ сравненіи съ сыростью и ту нами полуострова Амурскаго, и всего морскаго по режья Южно-Уссурійскаго края. Говорятъ, что на вс этомъ пространствѣ не можетъ рости пшеница.

Только въ концѣ іюля туманы прекратились и ступило лѣто. Тутъ начались положительно тропиче жары—южная широта взяла свое. Пройдти нѣскол шаговъ по улицѣ было своего рода подвигомъ, волей-неволей вспомнилъ Аденъ и Сингапуръ. Къ ко сентября жары спали, и почти сразу стало холодно въ началѣ октября я познакомился съ пресловутой бирской пургой. Не смотря на то, что послѣдняя— леніе во Владивостокѣ довольно частое, настоящей з я тамъ не видалъ. Катанье на саняхъ единстве возможно по бухтѣ; въ городѣ же весь снѣгъ съ ул сдувается вѣтромъ; въ декабрѣ и январѣ, послѣ двух трехъ дней мороза, вдругъ польетъ дождь. Сыр смѣняется такой сухостью, что даже старые дома ст ляютъ, а полы разсыхаются и даютъ щели въ па и два шириной. Въ квартирѣ, гдѣ я жилъ, даже

ть и чертить приходилось сидя съ ногами на стулѣ, пройтись босикомъ по комнатѣ было буквально не- зможно. Я спалъ въ полутемной комнаткѣ, со всѣхъ тырехъ сторонъ окруженной отапливаемыми помѣще- ями, и то чувствовалъ, что откуда-то дуетъ. И такъ илось до апрѣля: то дожди, то сухой морозъ, на ко- ромъ дышать трудно, то пурга, то вдругъ теплый, сто весенній денекъ: когда такъ и кажется, что вотъ ъ изъ проталинъ появится зеленая травка, и ива кроется бѣлыми пушистыми почками.

Старожилы утверждаютъ, что прежде во Владиво- окѣ климатъ былъ и мягче, и ровнѣе; но, съ по- епеннымъ и усиленнымъ истребленіемъ лѣсовъ въ ок- стностяхъ, онъ сталъ ухудшаться съ каждымъ годомъ. режняго я не знаю, а о настоящемъ можно сказать, о, если въ Петербургѣ климатъ скверный, то во адивостокѣ нѣтъ никакого климата.

Второе лѣто было нѣсколько лучше, и наступило съ чала мая, конечно, относительно, такъ какъ послѣ сколькихъ жаркихъ дней вдругъ приходилось топить и и спать подъ двумя теплыми одѣялами. Мой со- тель, докторъ, иногда цѣлые дни, даже въ комна- хъ, не вылѣзалъ изъ ватнаго пальто. Но стоило ра- тись тучкамъ, пригрѣть солнышку, а главное подуть , какъ, послѣ осени, наступало вновь лѣто. По- тно, что такія климатическія неровности страшно

отзываются на слабомъ здоровьѣ. Особенно страда
люди нервные. Нигдѣ такъ часто не сходятъ съ
какъ во Владивостокѣ, и доктора объясняютъ это
однимъ господствомъ пьянства, которое развѣ не
сильнѣе общерусскаго, но и климатическими услові
располагающими къ психическимъ заболѣваніямъ.

Моя нервная система нигдѣ и никогда такъ
расшатывалась, какъ во Владивостокѣ, хотя там
велъ весьма регулярную жизнь, работалъ умств
сравнительно мало, много гулялъ, и даже курилъ
ренно. Климатъ отзывается губительно даже на жи
ныхъ. Такъ утки и индѣйки очень рѣдко выжива
а куры въ два, три дня исчезаютъ десятками
какой-то особой эпизоотіи. Таковъ тотъ земной
который рисуетъ въ своемъ путешествіи г. Прже
скій, и въ который я имѣлъ неосторожность повѣ
взглянувъ на географическую карту безъ изотер
безъ изохименъ. А рядомъ лежитъ незамерзающій
Лазаревъ; въ трехъ дняхъ плаванія, въ Нага
цвѣтутъ рододендроны, зрѣютъ мандарины, и ра
подъ открытымъ небомъ чудныя латаніи.

Говорятъ, что внутри страны климатъ лучше,
зима и холоднѣе. Лично мнѣ не приходилось ѣ
по материку далѣе села Никольскаго, а въ по
немъ я не замѣчалъ ощутительной разницы съ В
востокомъ: тѣ-же туманы и чисто осеннія дожд

згаръ лѣта, напоминающіе родной болотистый Петер-
ргъ, а никакъ не южныя страны, къ числу кото-
ыхъ принадлежитъ Южно-Уссурійскій край по своему
ографическому положенію.

XI.

— Ну что, почта еще не пришла? — спрашиваешь
чтмейстера, соскучившись безъ вѣстей изъ Россіи.

— Нѣтъ, да и не ждите скоро: какъ-бы распу-
ца еще съ мѣсяцъ не продолжилась,—отвѣчаетъ онъ
онически.

Въ клубной читальнѣ уже давно никого не видно,
ромѣ развѣ игроковъ въ шахматы или домино, заби-
ющихся подальше отъ публики.

— Ну, страна, чтобы ей пусто было,— бранится ново-
рибывшій, еще несвыкнувшійся съ жизнью на окраинѣ.

— Эхъ, батенька, теперь еще ничего, а въ ста-
ну мы въ распутицу-то не только безъ писемъ и
зетъ, а и безъ жалованья, бывало, сидѣли,—утѣ-
аетъ старожилъ.

Распутица прошла; почтальонъ въ нѣсколько пріе-
въ заваливаетъ васъ грудой писемъ, газетами и жур-
лами. Вы радостно вскрываете конверты и упивае-
сь новостями. Но увы! нѣтъ розы безъ шиповъ. Изъ
семъ вы убѣждаетесь, что посланные ранѣе до васъ
дошли; между журналами тоже не хватаетъ нѣ-

скольких номеров. Вы вспоминаете, что одну по ограбили близ Читы, а другая потонула около Бла вѣщенска. Почтмейстер утѣшает, что недослани может быть, еще гдѣ нибудь и лежит: либо Срѣтенскѣ, либо в Хабаровкѣ, либо в Камнѣ-Ры ловѣ, а то и просто идет морем.

— Игнатій Осиповичъ,—спрашиваешь знакомаго, как это вы и раньше, и аккуратнѣе газеты получа

— А я чрез Японію их выписываю: тамош почта-то вѣдь не здѣшней чета.

— А почтовые пароходы развѣ не гибнут?

— Почтовые пароходы в изобиліи гибнут тол на рѣкѣ Амурѣ.

— Чистое наказаніе,—вздыхает мѣстный редактор —опять газет и подписки нѣт: справлялся на почтѣ, ворят, что почта остановлена по случаю сибирской яз

— Послал я на днях письмо домой, да, каж ся, сам кругосвѣтным путем раньше туда пріѣд жалуется отъѣзжающій.

— Отчего вы на „Костромѣ“ почты не отправили? спрашиваешь почтмейстера.

— Нельзя-съ,—„Кострома“ пароход арестантск а не почтовый.

— А отчего вы чрез Японію не посылаете?

— А вы пошлите в Нагасаки письмо консулу д пересылки в Россію или наклейте японскую мар да и отдайте на японскій пароход.

Умудренный опытом, начинаешь миновать свою поч- и обогащаешь японскую казну, благо шкипера и генты японскаго пароходнаго общества народ обяза- льный. Но одна-ли почта хромает?

— Нельзя-ли описать и продать поскорѣе имуще- тво такого-то,—молит кредитор в полиціи.

— Нельзя-съ, никак нельзя! Иван Иванович хочет тоже иск предъявить,—так уж тогда вмѣ- тѣ опишем и продадим.

— Да у Ивана-то Ивановича векселя, может, ронзовые?

— А уж это не наше дѣло.

— Да вѣдь это не по закону?

— Вы так закон понимаете, а мы иначе.

Все не так идет: почта ходит иначе, чѣм вездѣ; закон иначе понимается, зима иная, иные люди. долго коренному жителю Петербурга или Москвы приходится привыкать к этому иному уголку Россіи. посмотришь, как будто и похоже на родину: мат- росики совершенно такіе-же, как в Кронштадтѣ или коло Николы Морскаго; барышни „тигренка“ и “пом- нишь тот вальс“ распѣвают; у губернаторскаго ома традиціонная будка, в присутственных мѣстах еленое сукно на столах; тѣ же семейныя дрязги и ще-русская провинціальная сплетня. Как будто все так, да в сущности-то все иное. И, ух! как утко приходится на первых порах в столицѣ

Южно-Уссурійскаго края! И теперь еще чудятся
долгіе зимніе вечера, съ ихъ завываніемъ вѣтра
трубѣ и тоскою, какую познаешь лишь на окраи
Зайдетъ гость, но и съ нимъ бесѣда клеится лиш
прошедшемъ, такъ какъ окружающее никакой пи
не даетъ. Не умѣемъ мы русскіе общественною жиз
жить. Въ Петербургѣ это какъ будто и незамѣ
среди сутолоки Невскаго и массы безсемейнаго лю
который волей-неволей бѣжитъ въ театры, клубы, н
дитерскія, перечитываетъ всѣ газеты, устремляется
засѣданія, но на окраинахъ сказывается во всей с
рѣзкости. И безъ почты-бы мѣсяцъ—другой мо
было обойтись, да вѣдь только почта и даетъ п
уму, только она одна и вырываетъ изъ когтей б
ничныхъ интересовъ, мелкихъ дрязгъ вѣчной забот
ѣдѣ и накопленіи денегъ на отъѣздъ и черный д

Весело упаковывалъ я свои чемоданы наканунѣ о
ѣзда. Еще веселѣе почувствовалъ себя, очутившись
пароходѣ. Нѣсколько часовъ, и прощай Владивосто
прощай столица Южно-Уссурійскаго края! Кто не б
на далекихъ окраинахъ, не жилъ въ совершенно
быхъ условіяхъ послѣднихъ, тотъ не пойметъ т
чувства, которое начинаешь чувствовать при од
мысли о возвратѣ домой, хотя-бы этотъ домъ былъ
болѣе, какъ меблированная комната въ Троицкомъ пе
улкѣ или Пушкинской улицѣ, съ вѣчными звонка
бранью сосѣдей на нерасторопную прислугу, нечищ

ными самоварами, и прочими удобствами заурядной
бстановки столичнаго холостяка. Пароходъ еще стоялъ
ъ бухтѣ Золотой рогъ, въ виду разбросанныхъ въ
езпорядкѣ по ея берегу домиковъ; около него сновали
еуклюжія манзовскія шампунки, а въ воображеніи ри-
овались освѣщенный электричествомъ Невскій, съ его
олкотней, элегантными барынями, колясками и рос-
ошными магазинами, зала русской оперы, публичная
библіотека, гдѣ проведено столько часовъ студенческой
изни. Отдаленность-ли всего этого или просто любовь
ъ родинѣ дѣлали все это особенно дорогимъ, да и
дно-ли это? Вся обстановка столичной жизни, обста-
овка, которая въ Петербургѣ признается и неудоб-
ой, и надоѣвшей, здѣсь, на окраинѣ, пріобрѣла ка-
ую-то особую цѣнность. Хотѣлось услышать и назой-
ивый крикъ разнощиковъ, и увидѣть нахальную фигуру
нящаго себя начальствомъ дворника, и трястись по зим-
имъ ухабамъ на традиціонномъ „желтоглазомъ ванькѣ“.

. . . .

Палуба кипѣла провожатыми. Но слезъ и печаль-
ныхъ сценъ разставанія не было.

— Черезъ годъ увидимся въ Питерѣ,—слышались
разы.

— Я живо васъ догоню: вотъ только-бы переводъ
шелъ.

— Счастливица, услышите оперу, увидите Савину,
Стрепетову!

Никому не жаль покидаемаго края и города. Да что жалѣть? Общую спячку, холодные дома, уныл фигуры китайцевъ и черниговскихъ переселенце скандалы?

Проводы имѣютъ характеръ проводовъ новобрачны ѣдущихъ въ послѣсвадебное путешествіе: всѣ улыбаю ся, у всѣхъ праздничныя лица, никто и не дума о тѣхъ шквалахъ и прочихъ неудобствахъ морска перехода почти въ два мѣсяца, которые ихъ ожидают Кажется, что разъ вступилъ на палубу отходящаго Одессу судна, уже находишься одною ногою въ Европ Даже наша команда смотрѣла веселѣе: вѣдь и ее жда если не семья, то ждалъ чай у кумы, этой вѣчн благодѣтельницы русскаго солдата и матроса.

Звонко гудѣлъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ па ходный свистокъ, чаще и чаще приставали шлюпки багажемъ, пассажирами и провожатыми, сильнѣй сильнѣй становилась палубная сутолока. Вотъ и пр послѣдній свистокъ, на палубѣ только пассажиры офицеры. Замахали шляпами и фуражками, замелька въ шлюпкахъ платки.

— Всѣ наверхъ, съ якоря снимайся!—раздала команда.

ѣсколько верстъ по Южно-Уссурійскому краю.

Спеціальность моей службы заключалась въ разъѣз хъ; для нихъ я собственно и бросилъ Петербургъ, туманной атмосферѣ котораго мнѣ дышется всего ше, вѣроятно, въ силу того-же, почему навозный укъ избираетъ себѣ жилищемъ такія мѣста, которыхъ избѣгаютъ, въ силу привычки и свойствъ натуры. ѣздить мнѣ, тѣмъ не менѣе, не приходилось, а чему — это составляло тайну моего начальства, кото- е усадило меня за скучную переписку, а разъѣзжать нялось само. И такъ я сидѣлъ и переписывалъ, ыхая о томъ времени, когда я писалъ, а другіе реписывали. Вотъ почему я необычайно обрадовался, да мой домохозяинъ — купецъ предложилъ мнѣ про- титься изъ Владивостока въ село Никольское, одно ъ лучшихъ и самыхъ старыхъ поселеній Южно-Ус- рійскаго края. Уложить чемоданъ и захватить ружье о дѣломъ пяти минутъ.

— А вы бы форменную фуражку надѣли, — по
вѣтовалъ мой спутникъ, увидавъ, что я украсилъ с
голову легонькой сингапурской шапочкой.

— Для чего?

Да въ нашихъ краяхъ, знаете, кокарда никогда
мѣшаетъ.

Перемѣнилъ шапочку на оффиціальную фуражку
полѣзъ въ почтовую таратайку. Ямщикъ ѣнсколько ра
на меня оборачивался и, наконецъ, когда мы выѣха
за городъ, заговорилъ; „а вѣдь я, ваше благород
вашу милость знаю“.

— Откуда?

— А вы съ нами на „Костромѣ“ шли.

— Такъ ты что-же не въ деревнѣ? — Я поня
изъ разговора, что ямщикъ былъ переселенцемъ
Черниговской губерніи, привезенный на казенный сче

— А я круглый сирота — меня только для то
къ семьѣ приписали, чтобы пособіе получить.

Мы—то поднимались въ гору, то спускались въ
щины, миновали пивной заводъ — первое промышле
ное предпріятіе русскихъ въ Южно-Уссурійскомъ кр
Слѣва и справа тянулась тайга. Любуясь на стол
ніе дубы, липы и клены, на сирень и дикій шип
никъ, перепутанные мелкимъ амурскимъ виноградо
изъ котораго варятъ варенье, похожее вкусомъ на ч
ничное, я думалъ про себя: такъ вотъ она тайга,

рую я представлялъ себѣ такой страшной, непри-
ѣтливой, да вѣдь она смотритъ такой веселой, такъ
тянетъ извѣдать, что таится въ этой густой зелени,
оторую мы привыкли встрѣчать въ садахъ и паркахъ.
тянется эта тайга на десятки, сотни верстъ, скры-
ая въ своей чащѣ граціозную дикую козу и свирѣ-
аго тигра, пошаливающаго въ здѣшнемъ краѣ вмѣсто
лковъ Европейской Россіи. Гигантскіе пауки растя-
ули свои нити между телеграфною проволокой, огром-
ыя черныя бабочки и стаи оводовъ носятся около на-
ей телеги. Изъ тайги такъ и тянетъ ароматомъ, съ
оторымъ не сравнятся никакія эссенціи, которыми
ропитываютъ себя петербургскія барыни, пустыя, без-
рдечныя, но подъ часъ не менѣе очаровательныя,
мъ эта дикая величественная тайга.

Солнце какъ-то необыкновенно быстро стало тонуть
деревьями, не смотря на то, что пахнуло свѣжимъ
орскимъ вѣтромъ, откуда-то появились милліарды ко-
ровъ. Они усѣяли мою фуражку и охотничьи сапоги
етѣли въ уши и носъ и не высказывали ни малѣй-
аго страха къ дыму манильской сигары, которой уго-
илъ меня мой спутникъ. За то и гибли-же они за
вою дерзость: мы то и дѣло хлопали себя ладонями
щекамъ и уничтожали десятками комаровъ. День
ѣнился ночью съ тою быстротою, которая меня всегда
акъ поражала въ тропикахъ. Путь нашъ оказался

забаррикадированнымъ какимъ то ремонтомъ дороги пришлось сворачивать по узкой дорожкѣ въ тайгу, затѣмъ ѣхать по водѣ залива. Признаться, я немно струхнулъ, когда мы стали перебираться по бару ка кой-то рѣченки: перспектива искупаться во всемъ одѣ нiи была не особенно прiятна и привлекательна. Комар становились все назойливѣе, когда мы, наконецъ, оста новились около станцiи. Лошадей, конечно, не оказа лось, писарь только по знакомству съ моимъ спутником обѣщалъ дать ихъ черезъ часъ.

— Только для васъ, — говорилъ онъ, вводя на въ душную и смрадную станцiонную избу: — а др гимъ-бы и до разсвѣта не далъ лошадей.

Пока ставили самоваръ, писарь со мной разговорился онъ оказался изъ отставныхъ солдатъ, служилъ дол въ Финляндiи и ужасно обрадовался, узнавъ что былъ въ Гельсингфорсѣ и въ Выборгской губернiи.

— Тамъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ здѣсь, — вспоминалъ онъ мѣсто своего прежняго служенiя: — здѣсь что — дичь и больше ничего.

Дѣйствительно на станцiи была „дичь“: потолок и стѣны закоптѣли, ползали тараканы и стоялъ тот кислый запахъ, смѣшанный съ амiакомъ, которы свойственъ дѣтскимъ пеленкамъ; самоваръ заржавѣлъ стаканы привели бы въ ужасъ петербуржца. Мнѣ вспом нилась гостинница въ селѣ Райвола, съ бѣлоснѣжным

катертями и салфетками, съ блестѣвшимъ самоваромъ краснощекой чухонкой въ передничкѣ. Да, тамъ была цивилизацiя, а здѣсь „дичь“, хотя тамъ и нѣтъ та кого чернозема, нѣтъ тѣхъ богатствъ, которыми одѣ ла природа Южно-Уссурiйскiй край, нѣтъ субсидiй наѣзжихъ цивилизаторовъ.

Подали лошадей. Опять потянулась тайга, опять шли горы и ложбины, опять закусали комары и на лась наша съ ними борьба. Таратайка летѣла чисто о сибирски: въ Россiи такъ не возятъ, а если и во тъ, то развѣ важныхъ чиновниковъ. На выбоинахъ при спускѣ съ мостиковъ насъ такъ подбрасывало, о я не разъ рисковалъ совершить невольный полетъ канаву. Кругомъ царила непробудная тишина, лько въ ложбинахъ квакали лягушки, да нашъ ко кольчикъ нарушалъ покой уснувшей тайги. На слѣ ющей станцiи намъ дали кибитку, и я, закутавшись головою въ пледъ, попытался заснуть, но, увы и ъ, кибитка ежеминутно прыгала, съ нею вмѣстѣ ыгали мой чемоданъ и ящикъ съ ружьемъ, а я по чалъ самые жестокiе удары то въ голову, то въ бокъ.

— Покурите-ка лучше сигарку, — уговаривалъ меня утникъ.

И дѣйствительно, на этой дорогѣ, съѣвшей вмѣстѣ инженерами цѣлую уйму казенныхъ денегъ и намѣ вающейся еще поглотить столько-же, было гораздо обнѣе курить, чѣмъ спать.

— Ну, что по нашимъ-то дорогамъ не то, что желѣзнымъ кататься?—подтрунивалъ мой спутникъ: да, батюшка, покатайтесь-ка по здѣшнему краю, та и не то еще попробуете. Это еще благодать, а ка вотъ верстъ двѣсти по вьючному пути верхомъ сдѣлаеш такъ вотъ Америку-то нашу дѣйствительно познаеш

— Да, но за то вьючной путь казнѣ ничего не сто

Э! гдѣ только здѣсь денежки казны-матушки пропадаютъ: на то здѣсь и окраина, что-бы денеж государственныя плакали.

Замелькали огоньки поста Раздольнаго, забѣлѣли с датскія палатки, залаяли собаки.

— Лошадей до утра не будетъ,— объявилъ ла ничевки староста:— двѣ тройки приказано для генер оставить, а третью для хозяина: телеграмму получи

Пришлось ночевать и за неимѣніемъ дивана устр ваться на голыхъ доскахъ кровати, да и ту мнѣ у пилъ писарь лишь изъ уваженія къ моей кокар Выспаться мнѣ, однако, порядкомъ не дали: то кус клопы, то кричали и ругались гдѣ-то подъ окн ямщики, то харахорился какой-то телеграфистъ, и л разцвѣло, я оставилъ всякія надежды на отдыхъ.

Въ сосѣдней комнатѣ засѣдали давешній телеграфи и мой спутникъ. Телеграфистъ пилъ, въ перемѣшку водкой, чай, спутникъ попыхивалъ неизмѣнную „ма лу“. Пахло черемшой — вѣрный признакъ недав

ребыванія китайцевъ. Я пошелъ въ поле, трава ко раго положительно бѣлѣла отъ росы. Ноги вязли въ ыхлой почвѣ, образовавшейся отъ прежнихъ поколѣ й травы. Здѣсь косятъ только на низменныхъ лугахъ, на горахъ предоставляютъ травѣ гнить, пока ея не жгутъ такъ называемымъ паломъ, истребляющимъ егодно чудные вѣковые лѣса. Вдоволь надышавшись левымъ душистымъ воздухомъ и выпачкавъ до не роятія сапоги, я вернулся на станцію и принялся ъ нечего дѣлать за чтеніе книги жалобъ. Какихъ лько воплей тутъ не было: землемѣръ повѣствовалъ томъ, какъ всю его семью чуть не утопили въ рѣкѣ йфунѣ; армейскій прапорщикъ жаловался на то, что о продержали сутки на станціи. Очевидно, между про жающими много любителей литературы и они зани лись отъ нечего дѣлать описаніемъ своихъ приклю ній, такъ какъ начальство никакихъ резолюцій на ъ жалобы не кладетъ.

Проѣхалъ и генералъ, вернулись двѣ тройки, пріѣхалъ кой-то китаецъ, жирный, лоснящійся и пахнущій чес комъ, телеграфистъ разсказывалъ десятую исторію объ біеніи станціонныхъ писарей и осушилъ цѣлую бутылку дки, а мы все сидѣли. Наконецъ, намъ заложили.

Мѣстность измѣнилась: вмѣсто тайги потянулась степь, слѣва извивалась причудливыми зигзагами рѣка Суй нъ, которая, какъ говорятъ, могла-бы быть судо

ходна, если-бы ее кое-гдѣ прочистить. Впрочемъ, в Южно-Уссурійскомъ краѣ не всему можно вѣрить, ч говорятъ. Попалась на пути и китайская фанза обработаннымъ, какъ огородъ, полемъ, то тамъ, то сям встрѣчались корейцы въ бѣлыхъ курткахъ и широки шароварахъ, съ повязанными на головахъ тряпицами длинными трубками въ зубахъ.

— Это что за деревня?—спросилъ я, увидавъ н сколько почернѣвшихъ крытыхъ соломою срубовъ, ра бросанныхъ на берегу рѣки.

— А это прошлогодніе переселенцы.

Я сообразилъ, что это должна была быть Городечи деревушка, оставшаяся безъ скота, вслѣдствіе того, ч для нея закупили гуртъ въ Кореѣ, который и подох не дойдя до мѣста назначенія. Бѣдно и неприглядн выглядѣла она, хотя въ годъ и можно было пообстр иться, особенно въ виду того, что на противоположно берегу росъ отличный строевой лѣсъ. Мнѣ вспомнили тѣ дряблые, изможденные голодовками, оборванны казеннокоштные переселенцы, съ которыми я ѣхалъ „Костромѣ“. Глядя на нихъ, и пассажиры, и офицер высказывали сомнѣніе о ихъ пригодности для кра гдѣ необходимы желѣзная энергія, тяжелый трудъ особая смѣтка для борьбы съ непривычными климат ческими условіями, хотя въ проектахъ и выходил что въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и житель Полта

кой губерніи, и поморъ найдутъ привычныя для себя климатическія условія. Не въ однихъ, впрочемъ, проектахъ шло все, какъ по маслу, но и въ отчетахъ, которыми мнѣ хвастались въ Петербургѣ, было полнѣйшее процвѣтаніе. Только въ дѣйствительности оказывались какіе-то срубы эпохи свайныхъ построекъ, усиленная смертность дѣтей, затопленные посѣвы, да погибшіе огородные всходы.

Промелькнула станція Барановская, гдѣ насъ продержали опять полъ-дня, но зато угостили прекраснымъ молокомъ, — корейцы, заливавшіе дорожныя промоины жидкою грязью, сгнившіе мосты, и стало видно Никольское. Это одно изъ первыхъ здѣшнихъ поселеній, основанное вольными поселенцами, шедшими чрезъ Сибирь. Надъ ними не было чиновничьей опеки, ихъ выжгли въ 1868 году, такъ называемые хунхузы, но тѣмъ не менѣе энергія взяла свое, и теперь село смахиваетъ на небольшой городокъ: широкія улицы, чистенькіе домики, лавки, гдѣ есть даже блонды и кружева, трактиры. Вообще Никольское не хуже разныхъ Грязовцевъ, Изюмовъ и Борисоглѣбсковъ. Народъ рослый, сильный и пышащій здоровьемъ. Мой спутникъ мнѣ объяснилъ, что тутъ есть крестьяне, которые въ годъ проживаютъ одними наличными деньгами до полуторы тысячи, не считая продуктовъ домашняго хозяйства. Остановились мы въ лавкѣ моего спутника,

которою управлялъ особый прикащикъ. Спутникъ мой, какъ аккуратный коммерсантъ, не отдыхая, отправился съ прикащикомъ провѣрять счеты, жена прикащика, смахивавшая на стриженую барыню шестидесятыхъ годовъ, принялась хлопотать по хозяйству и сооружать для насъ чай и закуску. А я отъ нечего дѣлать сталъ просматривать лежавшія на столѣ книги. Тутъ были „Дворянское гнѣздо“ Тургенева, Некрасовъ и „Петербургскія трущобы“ Крестовскаго. Обстановка комнаты, хотя и была бѣдна, но отличалась чистотой, обнаруживала даже нѣкоторый вкусъ и вообще смотрѣла жилищемъ людей интеллигентныхъ. Вскорѣ на деревянномъ, некрашеномъ столѣ, покрытомъ чистою скатертью, весело зашипѣлъ самоваръ, появился графинчикъ водки, масло, яйца и кое-какая закуска. Хозяйка любезно пригласила меня, не дожидаясь остальныхъ, подкрѣпить силы.

— Скажите, — спросилъ ее я, — вы здѣшняя или изъ Россіи?

— Ни то, ни другое: я сибирячка, уроженка Иркутска. Мы съ мужемъ живемъ здѣсь недавно — немного болѣе года.

— И что-же вамъ здѣсь не скучно?

— Скучно, да что-же дѣлать. Мы сибиряки—народъ выносливый. Да и притомъ-же дѣло есть.

Подкрѣпивъ свои силы, я послѣ дороги почувствовалъ страшное желаніе уснуть. Рано утромъ мой спут-

никъ былъ уже на ногахъ и тормошилъ меня, торопя ѣхать въ обратный путь. Опять зазвенѣлъ колокольчикъ и опять на первой-же станціи оказалась задержка въ лошадяхъ. Спросили чаю—этого единственнаго развлеченія въ пути на почтовыхъ. Но не успѣли мы примоститься къ самоварчику, какъ къ станціи подкатила новая тройка и въ комнату ввалился толстый полковникъ въ сопровожденіи молодаго поручика и военнаго врача.

Послѣдовало взаимное представленіе.

— Давно вы въ нашихъ краяхъ? — спросилъ меня полковникъ.

Я объяснилъ. Завязался разговоръ. Полковникъ счелъ долгомъ похвастать, что когда онъ былъ за Балканами, то подъ его начальствомъ служили беллетристъ Гаршинъ и каррикатуристъ Малышевъ.

— Славные парни,—закончилъ онъ воспоминаніе о своихъ бывшихъ подчиненныхъ: я съ удовольствіемъ читалъ военные разсказы Гаршина—понялъ онъ наше военное дѣло, отлично понялъ и изобразилъ до тонкости вѣрно.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что вся компанія ѣхала въ Никольское, на балъ изъ Раздольнаго, гдѣ стоитъ ихъ баталіонъ.

— Всякому развлеченію, батенька, рады въ нашемъ захолустьи: за сорокъ верстъ плясать ѣздимъ и на любительскіе спектакли, а то вѣдь со скуки-то помрешь.

Но вотъ лошадей подали и мы разстались. Опя[ть] пошла тайга, степь и снова тайга. Уже было темн[о,] когда вдали замелькали огоньки Владивостока, а с[п]рава забѣлѣли памятники и кресты кладбища. Сот[ни] свѣтляковъ летали между деревъ послѣдняго, придава[я] послѣднему нѣсколько фантастическій видъ: казало[сь] словно души умершихъ двигались около своихъ могил[ъ,] пользуясь мракомъ и спѣшили скрыться отъ звона к[о]локольчика. Кладбище на чужбинѣ производитъ како[е]-то особенно грустное впечатлѣніе. Тутъ все лежали та[]кіе-же пришлецы въ Уссурійскій край, какъ и я. Д[у]мали-ли они, что ѣдутъ умирать на чужбину? И во[тъ] теперь они покоятся одинокіе, никому невѣдомые[,] только путникъ, поравнявшись съ ними, мысленно п[о]жалѣетъ ихъ горькую долю, лишившую ихъ даже смер[ти] на родной сторонѣ. Прозаики скажутъ, что это сент[и]ментальность, что послѣ смерти все равно, гдѣ ни л[е]жать. Оно, можетъ быть, и правда, только ужь чел[о]вѣкъ такъ созданъ, что ему пріятно сознавать, умирая[,] что его прахъ ляжетъ въ родную землю, рядомъ съ бли[з]кими. Не даромъ Тургеневъ, передъ смертью, завѣщал[ъ] похоронить его въ Петербургѣ, рядомъ съ Бѣлинским[ъ,] вблизи того университета, гдѣ онъ получилъ образовані[е.]

Промелькнуло и кладбище и тройка понеслась [по] немощеннымъ улицамъ города. Путешествіе кончилось.

ПО ЗАЛИВУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I.

Лодка спитъ. Только въ каютъ-компаніи дремлетъ [в]ахтенный офицеръ, да на палубѣ бодрствуетъ вахта. [С]ъ непривычки не спится въ тѣсной и душной каютѣ, [в]о которой доносится молодецкій храпъ сосѣдей.

— Кто гребетъ? окликаетъ сигнальщикъ.

— Ваше благородіе, телеграфистъ пристаетъ! — до[к]ладываетъ вахтенный.

Черезъ нѣсколько минутъ въ каютъ-компаніи начи[н]ается разговоръ: очевидно, телеграфистъ повѣствуетъ [о] своей поѣздкѣ на берегъ и о какомъ-то своемъ зна[к]омомъ. Ни мнѣ, ни вахтенному офицеру не интересны [н]и похожденія разсказчика, ни его знакомый. Глаза [с]липаются и я засыпаю. Шумъ на палубѣ возвѣщаетъ, [ч]то начинаетъ разсвѣтать и мы снимаемся съ якоря. То и дѣло раздаются свистки и топанье на палубѣ

матроскихъ ногъ, кто-то командуетъ, но что имен
это для меня, сухопутнаго человѣка, остается тай
Спѣшу одѣться и выйти въ каютъ-компанію. Стран
дѣло: на берегу съ трудомъ покидаешь постель и
восемь часовъ, а тутъ въ началѣ пятаго теряешь в
кую охоту къ сибаритничанью. И чай съ пресованны
сливками пьешь съ какимъ-то особымъ аппетито
Однимъ словомъ, становишься совершенно другимъ че
вѣкомъ и входишь въ знакомую роль путешественни
живаго, энергичнаго, вѣчно молодаго. Домосѣды, заси
рузлые провинціалы и геморoидальные департаментс
чиновники съ этимъ состояніемъ не знакомы: они
ужасъ приходятъ отъ самой мысли о томъ—что въ
ядломъ бродягѣ и туристѣ производитъ чувство гл
бокаго наслажденія. Я, напримѣръ, нигдѣ такъ
сплю, какъ на узкой и короткой скамейкѣ вагона
въ почтовой кибиткѣ, никогда съ такимъ аппетито
не ѣмъ, какъ на пароходѣ и въ пропитанной кухо
нымъ запахомъ атмосферѣ вокзаловъ. Новыя ли
смѣна впечатлѣній, разговоры съ случайными спут
ками, все это вливаетъ какой-то жизненный элекси
въ жилы и заставляетъ организмъ работать, какъ
былые дни юности.

Мы идемъ Посьетскими воротами, съ лѣва на го
виднѣется красное зданіе Ларіоновскаго маяка, фона
котораго блеститъ на солнце, какъ огромный алмаз

за горой открывается уютная бухта Новикъ, изоби-
ующая журавлями и устричными отмѣлями, тутъ-же
ріютился кирпичный заводъ англичанина Ленни. Не-
авно проходъ былъ загражденъ минами, но теперь
е опять приняло обыденный мирный видъ и даже
тарея, защищающая проходъ и расположенная на
тровѣ Русскомъ, со своими зелеными валами и кра-
ными крышами казармъ и складовъ, придаетъ общей
артинѣ какой-то веселый, а не грозный видъ.

— Есть—такъ держать!—кричатъ рулевые.

Нѣсколько суровый, какъ и подобаетъ, командиръ
ъ сосредоточеннымъ видомъ смотритъ на компасъ и
ей своей фигурой и умнымъ лицомъ производитъ ка-
е-то успокоительное чувство: подъ командой такого
еловѣка не страшно-бы было отправиться и въ поляр-
ую экспедицію, а не только что переплыть небольшой
ливъ. Видъ открытаго моря, смѣнившій ландшафтъ
ленаго Русскаго острова, и пустынный берегъ, видный
право, скоро утомляютъ зрѣніе: слишкомъ однообразная
артина, да и море здѣсь далеко не такъ красиво,
акъ Архипелагъ или Индѣйскій океанъ, гдѣ я бы-
ало по цѣлымъ часамъ простаивалъ у борта на паро-
одѣ, любуясь, какъ волны догоняютъ другъ друга и,
подымаясь, то опускаясь, мѣняютъ на солнцѣ свои
ливы.

— Марса-фалы подымай!—слышится съ мостика

команда, и какъ-то особенно звучатъ эти, не совсѣмъ понятныя, слова для непривычнаго уха.

Спускаюсь въ каютъ-компанію. Тамъ ужъ непре-мѣнно кто-нибудь да есть: или пьютъ чай или курятъ. На этотъ разъ нахожу телеграфиста, усыпившаго мен[я] разсказами о своихъ знакомыхъ. Телеграфистъ — э[то] вѣчный путешественникъ по Приамурскому краю: он[ъ] непремѣнно ожидаетъ лошадей на почтовыхъ станціяхъ, безъ него не обходится ни одинъ пароходный рейсъ. То онъ переводится, то куда-то командируется; э[то] піонеръ цивилизаціи, самъ въ большинствѣ случаевъ имѣющій о ней весьма смутныя представленія. Ра[ди] ничтожнаго вознагражденія въ двадцать пять рубле[й] влачитъ онъ свою печальную жизнь и въ уссурійско[й] тайгѣ, и въ амурской казачьей станицѣ и на военном[ъ] посту, отчужденный отъ остальнаго человѣческаго общ[е]ства. Это не франтъ изъ недоучившихся гимназистовъ, мечтающій сдѣлаться со временемъ начальникомъ ста[н]ціи, а въ ожиданіи послѣдней плѣняющій уѣздныхъ барышень, а простодушный сынъ тайги или якутско[й] тундры, скромно служащій своей родинѣ, предоставля[я] начальствовать болѣе счастливымъ пришельцамъ из[ъ] Европы.

Нашъ спутникъ именно таковъ: и вся его фигур[а,] длинная, сутуловатая и не складно сложенная, и ста[]ренькій форменный сюртукъ изъ солдатскаго сукна [и]

[п]очтительный видъ являются положительнымъ отрица-[н]іемъ всякой мысли о начальствованіи надъ подчинен-[н]ыми или о плѣненіи непостоянныхъ женскихъ сердецъ. [Н]ерѣшительно проситъ онъ у вѣстоваго чаю, словно [э]то не матросъ, а какой-нибудь директоръ департа-[м]ента, еще нерѣшительнѣе отрѣзываетъ кусочекъ сыру [и] рѣшительно не понимаетъ остротъ каютъ-компаніи, [л]юбящей подтрунить и пройтись на счетъ простоты и [д]обродушія ближняго. За завтракомъ, по совѣту штур-[м]ана, онъ наложилъ въ рисъ чрезмѣрное количество [к]эри и, боясь выказать необразованность, ѣстъ, пре-[в]озмогая себя, хотя ему и обожгло все во рту и въ [г]орлѣ. Ко мнѣ онъ, повидимому, чувствуетъ особое ува-[ж]еніе, вѣроятно благодаря моей излишней говорливости.

— Повидимому, вы человѣкъ бывалый и опытный, [п]оэтому мнѣ-бы очень желательно было узнать вашу [ф]амилію, — съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ и робостью [с]прашиваетъ онъ меня.

Послѣ сытнаго судоваго завтрака и плохо прове-[д]енной ночи потребность сна беретъ свое, не смотря на [н]овое для меня зрѣлище шкеръ съ ихъ прямыми, какъ [с]тѣны, скалами, и я отправляюсь спать. Да и то ска-[з]ать, скучны эти пустынныя шкеры: ни одной дере-[в]ушки, ни одной рыбачьей лодочки, только черныя га-[г]ары и оживляютъ заливъ, берега котораго еще ожи-[д]аютъ, когда наконецъ явится сюда человѣкъ и на-

чнетъ разработывать богатства, приготовленныя [illegible] него природою. Хороша природа, ее нельзя не любит[illegible] какъ нельзя не дышать свободнѣе чистымъ воздухо[illegible] степи и океана; но, безъ человѣка она какъ-то мерт[illegible] Испорченъ-ли мой вкусъ долгой жизнью въ больши[illegible] городахъ, привычкой къ ихъ шумнымъ улицамъ [illegible] пестрой, вѣчно движущейся толпой, къ ихъ душны[illegible] но опьяняющимъ театральнымъ заламъ, гдѣ впечатл[illegible] нія, отъ ласкающей слухъ аріи или страстнаго мо[illegible] лога, смѣняются другимъ, особымъ впечатлѣніемъ, о[illegible] блестящихъ женскихъ глазъ и возбужденныхъ музык[illegible] яркимъ свѣтомъ, а порою и страстью лицъ, или у[illegible] я такъ люблю людей, хотя ихъ и упрекаютъ мысл[illegible] тели и поэты въ холодности, себялюбіи и лживост[illegible] но мнѣ скучна природа безъ людей. Я люблю от[illegible] хнуть, успокоить свои нервы и мозгъ среди природ[illegible] но жить могу только въ большомъ городѣ, какъ мо[illegible] зачитываться только книгой, говорящей о людяхъ, [illegible] ихъ страстяхъ, скорбяхъ и радостяхъ, ихъ исторіи [illegible] общественномъ строѣ, какъ охотнѣе останавливаюсь [illegible] редъ жанровой картиной второстепеннаго художника [illegible] нежели передъ самымъ геніальнѣйшимъ произведеніе[illegible] пейзажиста. И не вѣрю я Лермонтову, что „нѣт[illegible] женскаго взора“, котораго-бы онъ не забылъ „пр[illegible] видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцем[illegible] при видѣ голубаго неба, или внимая шуму поток[illegible]

[illegible]дающаго съ утеса на утесъ“: всегда эти строки мнѣ [illegible]зались пародоксомъ напускной мизантропіи.

Да, пустыненъ еще весь Уссурійскій край: куда не [illegible]дешь по нему, всюду ширь и гладь. Не скоро еще [illegible]нетъ такъ тѣсно русскому человѣку на родинѣ, что [illegible] сотнями тысячъ двинется на эту отдаленную окра[illegible], очиститъ отъ непроходимой тайги ея горы, засе[illegible]тъ черноземныя долины и начнетъ рыбачить по без[illegible]ленным бухточкамъ и заливчикамъ морскаго побе[illegible]жья. Правда сосѣдній Китай могъ-бы сразу оживить [illegible] пустыню, да и оживляетъ хоть немного, не смотря на какіе кордоны и манзовскія гоненія, во время [illegible]торыхъ жгутъ земледѣльческія фанзы и ловятъ мир[illegible]ыхъ звѣроловов въ качествѣ страшныхъ хунхузовъ; [illegible] китайцы считаются здѣсь нежеланными гостями, и [illegible]бой здѣшній администраторъ пріидетъ въ ужасъ отъ [illegible]ного только намека на поощреніе китайской колони[illegible]ціи. Онъ вамъ напомнитъ и Кульджу и вытащитъ [illegible] сцену легенды о шайкахъ хунхузовъ, припугнетъ [illegible]мыслами пекинскаго правительства и упрекнетъ въ [illegible]патріотизмѣ.

— Ваше благородіе, васъ на верхъ просятъ! — бу[illegible]тъ меня матросъ.

Оказывается, что мы подходимъ къ Посьету. Сперва [illegible]лѣетъ только нѣсколько палатокъ и между ними вы[illegible]ляется одна большая, какъ домъ, съ розовыми по-

лосами — это лагерь военнаго губернатора. На палуб
суетня. Спускаютъ шлюпку. Лодкѣ предписано обыск
вать всѣ встрѣчныя джонки и вотъ теперь попала
первая. Сидящіе на ней корейцы и китаецъ спокойн
и, видимо, не подозрѣваютъ нашихъ приготовленій. Вот
ужъ и шлюпку спустили съ вооруженными ружьям
матросами, а корейцы такъ-же безучастно посматр
ваютъ, какъ стоящій въ ихъ джонкѣ быкъ.

— Бросай буксиръ! — командуютъ съ мостика.

Шлюпка помчалась къ джонкѣ, а мы поворачиваем
ко входу въ бухту. Теперь безъ бинокля можно видѣт
мазанки, дома и интендантскіе склады. Кругомъ в
голо. Только трава покрываетъ холмы и пригорк
Вдали синѣетъ Сихоте-Алинъ — эти горы слѣва уж
Корея, а справа Китай. Кажись вѣдь вотъ рукой п
дать, а вѣдь за этою синевою — совершенно друг
міръ: мандарины съ перьями и соболиными хвостам
на шляпахъ, дома съ причудливыми украшеніями в
видѣ драконовъ, кумирни съ страшными идолами, ка
кихъ я видалъ въ Сингапурѣ. И фуду-туны здѣсь
тамъ различные: у насъ губернаторъ въ мундирѣ,
нихъ въ шелковомъ балахонѣ, у нашего очки синіе,
ихняго бѣлые. Впрочемъ, я китайскихъ губернаторов
не видалъ, а нашихъ давно описалъ сатирикъ Щедрин

Командиръ съѣхалъ на берегъ, а къ намъ прибыл
гости. Въ числѣ ихъ толстый поручикъ возраста по

вниковъ. Такихъ старыхъ поручиковъ я только и
дѣлъ въ Уссурійскомъ краѣ. Говорятъ, что въ ста-
ину на Руси бывали и по—старше поручики, ну, да
ѣдь мало-ли чего въ старину не бывало: не даромъ о
ей нѣкоторые такъ и вздыхаютъ. Кто-то меня реко-
ендуетъ, въ качествѣ корреспондента. Поручикъ даетъ
такомъ званіи не особенно лестный отзывъ. Старые
оручики вообще не любятъ пишущей братіи и въ этомъ
ходятся съ нѣкоторыми молодыми амурскими дѣльцами.
ѣмъ не менѣе Поручикъ предлагаетъ къ моимъ ус-
угамъ свою шлюпку. Я охотно пользуюсь любезностью,
акъ какъ наша шлюпка еще не вернулась съ обыска.

Путешественникъ имѣетъ свои привилегіи: онъ мо-
етъ явиться въ чужой домъ, отрекомендоваться и
сегда встрѣтить любезный пріемъ, особенно въ захо-
устьи, гдѣ всякое новое лицо считается желаннымъ
остемъ, вносящимъ оживленіе въ монотонность буднич-
ой сѣрой жизни. Пользуюсь этимъ преимуществомъ
вторгаюсь въ жилище чиновника Р., котораго мнѣ
екомендовали въ качествѣ бывшаго студента Лейпциг-
каго университета. Кого-кого не встрѣтишь на Амурѣ,
то только не загоняетъ на эту окраину лицъ самыхъ
азнообразныхъ. У Р. сидятъ гости. Одинъ изъ нихъ,
знавъ, что я пріѣхалъ только на нѣсколько часовъ,
зывается познакомить меня съ постомъ и показать
сѣ его достопримѣчательности.

Гавань Новгородскую довольно подробно и, что уди
вительно, весьма правдиво описалъ Всеволодъ Крестов
скій. Онъ, между прочимъ, очень основательно выяснил
всѣ недостатки этой гавани въ стратегическомъ отноше
ніи, за которое стоятъ еще многіе и теперь. Прежд
всего гавань лежитъ въ совершенно открытой мѣстно
сти: сколько ни смотришь въ бинокль, а ближайші
лѣсъ ростетъ лишь по склону Сихоте-Алинъ, да и т
не строевой. Лѣсъ привозится въ Посьетъ съ Мангуга
и Сидеми. Такое открытое положеніе гавани произво
дитъ то, что осенніе сѣверо-западные вѣтры достигают
въ ней силы шторма. Затѣмъ близость китайской
коррейской границъ, до которыхъ нѣтъ и тридцат
верстъ, подвергаетъ опасности ее съ суши. Постъ Новго-
родскій мало чѣмъ измѣнился съ 1880 года, когда
его посѣтилъ г. Крестовскій. Таже пристань, но уж
лишившаяся фонарей и животрепещущихъ перилъ. Ба-
раки и шалаши замѣнены мазанками, не далеко от
нихъ ушедшими. По прежнему нѣтъ ни садиковъ,
ни амбаровъ, ни хлѣвушекъ. Самыми лучшими домами
являются казарма стрѣлковаго батальона и телеграфная
станція, принадлежащая купцу Новаку. Около пристани
помѣщаются два желѣзныхъ провіантскихъ магазина и
нѣсколько навѣсовъ. Посреди поста разбитъ небольшой
скверикъ, а въ немъ устроена традиціонная круглая
бесѣдка, безъ которой не обходится ни одинъ русскій

ркъ и садъ. Цѣль такихъ сооруженій рѣшительно
понятна: отъ дождя онѣ не укрываютъ, будучи
крыты съ боковъ, скамейки въ нихъ неудобны для
дѣнія и даже изящества онѣ никакого не имѣютъ.
а концѣ поста строится новая казарма на мрамор-
мъ фундаментѣ. Мѣстные офицеры предсказываютъ
скорое разрушеніе, такъ какъ кирпичъ, приготовлен-
й домашними средствами, ужасно хрупокъ. Недалеко
ъ строющейся казармы находится колодезь. Говорятъ,
о онъ обошелся казнѣ въ тысячу рублей и даетъ
его два ведра въ день. Повсюду разгуливаютъ
иньи, куры и гуси.

Зашли мы и въ жилище моего спутника. Крохот-
я комнатка съ кривымъ оконцемъ, неоклеенныя стѣны,
оштукатуренный потолокъ, кровать, два стола и два
бурета—вотъ и вся обстановка: уныло и неуютно.
прочемъ, замѣтилъ я еще два шкапа. Оказалось, что
ъ нихъ помѣщается батальонная библіотека.

— Много въ вашей библіотекѣ книгъ?

— Нѣтъ: все старые журналы, даже учебниковъ,
обходимыхъ для приготовленія въ академіи, не
ѣется.

— Ну, а какъ вы время проводите?

— Да, что — играемъ въ карты, кто любитъ —
отится.

— А умственная пища?

— Никакой: газеты и журналы приходятъ и поздн и рѣдко, большинство ничѣмъ не интересуется, а разговоры вертятся около сальностей, да ругатни отсутствующихъ.

— Много у васъ изъ военныхъ училищъ?

— Нѣтъ, только двое. Остальные изъ юнкерскихъ.

Мнѣ вспомнились скучающіе петербуржцы, порхающіе изъ оперы въ маскарадъ, съ выставки картинъ на литературный вечеръ, а тамъ на балъ или представленіе „célebrité“ и постоянно ноющіе о скукѣ. Вотъ гдѣ имъ-бы пожить—въ Посьетѣ, гдѣ самымъ благороднымъ развлеченіемъ является безцѣльная стрѣльба утокъ и фазановъ. Вспомните, господа петербуржцы, когда, слушая веселые звуки „Карменъ“ или чудную музыку Глинки, вы соберетесь зѣвнуть, о піонерахъ, живущихъ въ Посьетѣ.

Показали мнѣ и приготовленія къ предполагавшейся войнѣ съ Англіей: неоконченный деревянный пороховой погребъ и сваленные подъ открытымъ небомъ кули муки. Въ двадцать лѣтъ, три раза Уссурійскій край ожидалъ войны и въ эти двадцать лѣтъ все-таки ничего не сдѣлано, чтобы надлежащимъ образомъ встрѣтить непріятеля. А въ Петербургъ между тѣмъ посылаются краснорѣчивые отчеты, читая которые, самый невѣрующій человѣкъ повѣритъ тому, что все сдѣлано и все процвѣтаетъ. Припомнилась, невольно, одна особа, осматривавшая во Владивостокѣ голдобинскія батареи до ихъ послѣдняго вооруженія. Особа такъ увлеклась, что собиралась дать ими отпоръ соединенной эскадрѣ всего міра, а опытные офицеры утверждали, что стоитъ одному фрегату дать два залпа и батареи окончили-бы свое существованіе. Вотъ тутъ и вѣрьте, кому хотите: особа говоритъ одно, артиллеристы—другое.

II.

Наша лодка должна принять въ Посьетѣ военнаго губернатора. На палубѣ идутъ приготовленія къ встрѣчѣ: матросы выстраиваются, музыканты устанавливаютъ пюпитры, на берегъ наведены бинокли и подзорныя трубы.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! — проносится на шканцахъ и мостикѣ.

— Разъ, два, три! — командуетъ капельмейстеръ.

Раздаются до нельзя фальшивые звуки марша. Впрочемъ и то сказать, играютъ матросы — любители, выучившіеся музыкѣ во время зимней стоянки въ Тяньдзинѣ.

Причалилъ катеръ. Раздалось матроское привѣтствіе и въ каютъ-компаніи появляется часть свиты. Теперь уже нѣтъ мѣста для интимной бесѣды: на шкафутѣ и то разгуливаютъ развязныя фигуры штабныхъ вѣстовыхъ, имитирующихъ своихъ господъ. Пока судно

стоитъ на якорѣ самое лучшее съѣхать еще разъ на берегъ и воспользоваться гостепріимствомъ посьетцевъ. Такъ нѣкоторые изъ офицеровъ и дѣлаютъ. Мѣстомъ нашествія избирается квартира все того-же Р, который оказывается на столько-же интереснымъ разсказчикомъ какъ и любезнымъ хозяиномъ.

— Да, вотъ мы называемъ китайцевъ варварами, а пожили-бы вы здѣсь, да побывали-бы въ Хунчунѣ, такъ и убѣдились-бы, что мы, подъ часъ, бываемъ лучшими варварами. Есть у насъ тутъ одинъ турецкій офицеръ, принявшій русское подданство и православіе. Такъ вы не повѣрите, что онъ дѣлаетъ. Пріѣдетъ въ Хунчунъ, да на китайской-то территоріи и таскаетъ китайцевъ за косу. Обѣдаемъ мы всѣ у Фуду-туна, разошелся нашъ турокъ, выпилъ и потребовалъ повара, суетъ ему рубль. Мы его уговаривать, что, молъ неудобно это въ присутствія Фуду-туна. И слушать не хочетъ: „желаю и кончено". Фуду-тунъ поморщился, а когда мы собрались уѣзжать далъ нашему кучеру на чай двадцать долларовъ.

— Да какъ-же не уберутъ такого безобразника?

— Убрать? Общаго-то любимца? Онъ одну особу положительно обворожилъ тѣмъ, что всѣмъ ты говоритъ. Да это еще пустяки. Онъ въ Савеловкѣ собственную таможню завелъ и взялъ пошлину за рисъ даже съ нашего интенданта.

Не проживи я годъ въ Уссурійскомъ краѣ, я-бы не повѣрилъ, но то-ли мнѣ приходилось здѣсь видѣть и слышать. Иной разъ только руками разведешь, да усумнишься, что живешь на русской территоріи. И не по поводу дѣяній бывшаго героя „болгарскихъ ужасовъ", сомнѣніе одолѣваетъ, а глядя на цивилизованныхъ россіянъ, которые и въ академіяхъ обучались, и, можетъ быть, на сонъ грядущій по французски „Сарру Барнумъ" и „M-me Girot, ma femme почитываютъ, а въ свое время даже г-жѣ Шнейдеръ апплодировали. Не все вѣдь на Амурѣ юнкера, да окончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ орудуютъ. Но, кто лучше—это вопросъ.

— Пріѣзжаетъ къ намъ одинъ генералъ. Ну, баталіонный командиръ устроилъ вечеръ. За ужиномъ вдругъ отворяется дверь и появляется поручикъ въ состояніи полнѣйшей невмѣняемости. Хозяинъ было его выпроваживать, но тотъ прямо къ генералу лѣзетъ, хлопаетъ его по плечу и увѣряетъ, что онъ его другъ.

— И такія вещи сходятъ.

— Конечно: если гнать со службы, такъ гдѣ же вы другихъ-то найдете. Вонъ Евгеній Петровичъ и года здѣсь не пробылъ, а ужъ мечтаетъ объ отъѣздѣ,—разсказщикъ показываетъ на молодаго красиваго офицера: много-ли сюда желаетъ ѣхать? Вы видите, какъ мы здѣсь живемъ — вѣдь это могила для молодаго,

порядочнаго человѣка. Ну, переведутъ на Мангуга или въ Раздольное. А тамъ развѣ не одно и тоже?

Припоминаю то, что видѣлъ въ Раздольномъ и с глашаюсь.

— Куда какъ весело жить вдали отъ цивилизаці въ какихъ-то мазанкахъ, да еще находиться въ ла пахъ у разныхъ крещеныхъ евреевъ, берущихъ с съ васъ три рубля за то, что въ Владивостокѣ сто итъ два.

Да, правъ былъ г. Крестовскій, говоря, что „суді ба постовыхъ офицеровъ, для которыхъ и въ чинахъ то нѣтъ впереди просвѣта, заслуживаетъ гораздо боль шаго участія“.

Долго, лежа въ койкѣ, думаю я о посьетской жизни о томъ, когда здѣшній край дождется, хоть десято доли того, что устроили въ своихъ колоніяхъ англи чане. Вѣдь умѣютъ же тамъ и гранитныя мостовы мостить и воздвигать роскошныя виллы, а здѣсь не обнесенныя даже плетнемъ мазанки, голая мѣстность газеты, доходящія черезъ полъ-года и сѣрая однооб разная жизнь, лишенная даже возможности устроит семейное счастіе.

Къ чаю встаютъ и новые пассажиры. Появляется „Моментъ“, какъ мѣтко окрестили во время Крымской компаніи боевые офицеры — штабныхъ. Нашъ точно сорвался съ извѣстной картины Верещагина: „si jeune

si bien decoré“. Это не бѣдный постовой офицеръ, ъ не сопьется, у него есть будущность. Перелисты- і журнальныя статьи, онъ изучитъ край, предста- итъ блестящіе отчеты, окажетъ чудеса храбрости, сжи- і манзовскія фанзы и будетъ признанъ и рекомен- ванъ, какъ знатокъ и полезнѣйшій дѣятель. Много ъ ихъ перебывало на Амурѣ, а какую пользу они несли, про то говоритъ пустынная тайга, отсутствіе рогъ и всѣ эти Посьеты, Раздольныя и другіе посты урочища, гдѣ прозябаютъ настоящіе піонеры и тру- енники, подъ часъ можетъ быть грубые, неразвитые, искупающіе эту грубость и это неразвитіе, дѣйстви- льно горькою долею.

Явившійся въ каютъ-компанію „Моментъ“ — герой дѣлавшей въ Владивостокѣ шуму сучанской исторіей. осланный разслѣдовать дѣло объ убійствѣ китайцами усскихъ переселенцевъ, онъ жегъ жилища, оставлялъ зъ крова стариковъ, ловилъ и вязалъ. Сколько не глядываюсь я въ безжизненныя глаза и въ безстраст- ое лицо — я не могу прочесть разгадки страшной рамы, гдѣ ихъ обладатель игралъ роль мстителя. а и нужна-ли эта разгадка? Не подписалъ-ли уже Верещагинъ подъ вышеупомянутой картиной.

Мѣрно покачиваясь и словно вздрагивая идетъ на- а лодка, прорѣзая сѣрыя волны и уссурійскій ту- анъ, съ которымъ поспоритъ только лондонскій. Сюр-

тукъ отсырѣлъ — скверно на полу-югѣ. А въ каю
душно и жарко, вздрагиванія судна отдаютъ въ гол
ву, а подъ ложечкой сосетъ и ноетъ, словно послѣ в
селой пирушки. „Моментъ“ такъ и трещитъ; о чем
только онъ не ораторствуетъ: и о процвѣтаніи края,
о воспитаніи дѣтей. При этомъ иностранныя слова так
и сыплются: абсолютно, коллективно, объективно, ин
терпелляція даже тогда, когда можно сказать полож
тельно, собирательно, спокойно, обращеніе. Я начина
думать, что нашъ „Моментъ“ говоритъ не „высмо
каться“, а „ассенизировать носъ“.

Мы входимъ въ какую-то бухточку. Штурманъ с
общаетъ, что лежащій передъ нами полуостровъ—С
деми. Здѣсь мы простоимъ до разсвѣта: губернатор
здѣсь будетъ обѣдать на фермѣ нѣкоего Янковска
Г. Янковскій старожилъ края и занимается конно
заводствомъ. Онъ поставщикъ лошадей на мѣстны
войска и вмѣстѣ съ тѣмъ естествоиспытатель. Въ Вла
дивостокскомъ музеѣ общества изученія амурскаго кра
находится цѣлая масса собранныхъ и пожертвованных
имъ предметовъ. Тутъ же, на полуостровѣ, но ближ
къ бухточкѣ, въ которой мы бросаемъ якорь, располо
жена ферма бывшаго китолова г. Гека. О старом
промыслѣ послѣдняго свидѣтельствуетъ висячій мостикъ
переброшенный черезъ небольшой ручеекъ и украшенны
китовыми костями. Если не красиво, то оригинально

Пристани на берегу не имѣется — суровые фермеры не
признаютъ комфорта и приставать нужно прямо къ
песчаному берегу, покрытому сплошь толстымъ слоемъ
выкинутыхъ моремъ водорослей. Осматривать здѣсь ко-
нечно нечего, а можно лишь гулять, да и то, не имѣя
высокихъ сапогъ, лишь по дорогѣ. Лѣсокъ совсѣмъ
молодой. У липы необыкновенно большіе листья: такихъ
я не видалъ даже на югѣ Россіи. Много молодыхъ
дубковъ, попадается ясень и грабъ. Больше всего ши-
повнику.

Шиповникъ образуетъ на морскомъ берегу, около
фермы Гека, цѣлую долину розъ, что конечно не даетъ
повода думать, что здѣсь возможно добываніе розоваго
масла, какъ это предполагаютъ нѣкоторые. Къ уссу-
рійскимъ предположеніямъ, вообще, надо относиться осто-
рожно: должно быть мѣстные туманы способствуютъ
развитію самой пылкой фантазіи. Увидитъ чиновникъ
молодой пробковый дубокъ, съ тоненькой корой и са-
дится писать проектъ развитія въ краѣ пробочнаго
производства, набредетъ на шиповникъ, и ему гре-
зится Восточная Румелія съ ея долинами розъ. Уссу-
рійскій край большой обманщикъ: идешь по полю—трава
по поясъ, да такая сочная, листья крупные, у подо-
рожника — словно у лопуха, а копнулъ лопаткой и
вмѣсто чернозема одна глина. Вслѣдствіе этого пере-
селенцы попадаются очень часто въ просакъ. Выберутъ

мѣстечко—сущій рай, судя по растительности, а пы
дымутъ цѣлину и видятъ, что ошиблись: перекочевывай
значитъ, дальше.

Мой спутникъ по прогулкѣ—начальникъ телеграф
ной станціи. Онъ везетъ сына во Владивостокъ в
прогимназію. Очень понятно поэтому, что разговор
завязывается о воспитаніи дѣтей. Вопросъ этотъ один
изъ больныхъ на Амурѣ. Въ краѣ двѣ прогимназі
и гимназія: первыя въ Читѣ и Владивостокѣ, втора
въ Благовѣщенскѣ. Но, воспитывать дѣтей рѣшитель
но негдѣ. Большинство учительскихъ мѣстъ ваканти
и преподаваніе многихъ предметовъ поручается, п
вольному найму, лицамъ неимѣющимъ спеціальной под
готовки. Я видѣлъ нѣсколько сочиненій гимназистов
пятаго класса: по безграмотности изложенія и обнару
живаемой неразвитости можно было подумать, что ихъ
писали ученики сельской школы.

— Бѣда здѣсь съ дѣтьми, — жаловался мой спут
никъ, — жалованія я получаю девятьсотъ въ годъ
правда при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщені
а воспитаніе сына мнѣ обходится шестьсотъ.

На берегу дѣлать долго нечего. На суднѣ все-ж
веселѣе, такъ какъ больше людей. Взглянулъ на фер
му Янковскаго, убѣдился, что она ничѣмъ не отли
чается отъ домовъ средней руки помѣщиковъ гдѣ ни
будь въ Тамбовской губерніи, и сажусь опять на ка

ръ. На мостикѣ разгуливаютъ командиръ и штур
нъ. Они разговариваютъ о фермахъ Янковскаго и
ка и о нападеніяхъ хунхузовъ на послѣднихъ. На
денія эти происходили три раза. Исторія этихъ на
деній темная: первое, кажется, имѣло цѣлью исклю
тельно грабежъ, послѣдующія — месть за кровавую
праву съ манзами обозленныхъ фермеровъ. Какъ-бы
ни было, но теперь ни одинъ манза не пристаетъ
ихъ владѣніямъ, такъ какъ гг. Гекъ и Янков
й объявили, что не подпустятъ на ружейный вы
рѣлъ ни одного китайца и будутъ ихъ убивать, не
равляясь о цѣли прибытія и не взирая на то, раз
йники-ли они или мирные работники. Нѣкоторые
ворятъ, что они даже и выполняли не разъ свою
розу; но, я не ручаюсь на сколько это вѣрно. Еще
1879 году ферма Гека была разграблена и работ
ки на ней были убиты. Хунхузы дѣлали нападенія
въ другихъ мѣстахъ и при такомъ положеніи вещей
кто не придалъ-бы и значенія убійству китайца,
обенно въ отдаленномъ, глухомъ уголкѣ края, гдѣ
инственной охраною является умѣнье обращаться съ
нчестеромъ и револьверомъ. Ни о какомъ крейсер
вѣ и охранѣ береговъ здѣсь нѣтъ и помину, такъ
къ бѣдная судами сибирская флотилія едва въ со
яніи нести и транспортную-то службу, а балтійская
кадра или стоитъ во Владивостокѣ, или идетъ на

сѣверъ, или плаваетъ у береговъ Японіи. Да и д
чего крейсировать, когда все побережье залива Пет
Великаго представляетъ пустыню. Господствующіе почт
все лѣто туманы заставляютъ избирать мѣста для н
селенія подальше отъ моря, а рыбаковъ въ краѣ нѣт
хотя воды и богаты рыбой, трепангами и морской ка
пустой.

III.

Солнце сѣло, такъ по крайней мѣрѣ можно суди
по наступающимъ сумеркамъ. На бакѣ собралась коман
да, гремитъ бубенъ и барабанъ и весело раздает
пѣсня:

«Сѣли дѣвки на лужекъ,
«Гдѣ муравка и цвѣтокъ,
«Гдѣ мы съ вечера рѣзвились,
«Въ хороводѣ веселились...

И забываешь, что находишься гдѣ-то въ Сидем
а не въ лагерѣ въ Красномъ Селѣ, гдѣ, бывало, на
вѣстишь знакомаго офицера или товарища, отбывающа
воинскую повинность. И вспоминается далекая родина
Петербургъ и все что съ нимъ связано: столъ, зава
ленный газетами, за которымъ я бывало составлял
хронику для, увы, теперь уже не издающейся газет
пріятель-критикъ, горячащійся по поводу напечатанно
дребедени какого-то малокровнаго беллетриста, мняща
го затмить Тургенева, мой вѣчно-юный редакторъ, по

рявшій волосы, но сохранившій свѣжесть ума и мо
дость чувствъ. Какъ все это далеко, но какъ, вмѣстѣ
тѣмъ, часто вспоминается и при звукѣ матроской
ѣсни, и при видѣ газетнаго листа, и даже когда бро
ишь по мѣлкому лѣсочку морскаго побережья Уссурій-
аго края. Но, мысли мои слишкомъ далеко унеслись
ъ дѣйствительности: еще не скоро прійдется увидѣть
етербургъ, еще долго будешь странствовать по чуж-
му міру, восторгаться новизной окружающаго, и вспо-
нать, не безъ тоски, о покинутыхъ родныхъ мѣстахъ.
Смолкла и матроская пѣсня. Команда улеглась на
лубѣ, только мы, пассажиры, не спимъ и то спу-
аемся въ каютъ-компанію, то подымаемся на полу-
ъ, подышать свѣжимъ воздухомъ. Тихо плещетъ вода
хты, ударяясь о борта лодки, глухо доносится ро-
ъ волнъ изъ открытаго моря. Но, ужъ такъ мы
троены городскіе жители, что не долго насъ забав-
етъ природа, полюбовался моремъ, послушалъ музыку
нъ и опять принимаешься за городскіе разговоры,
овно сидишь гдѣ нибудь въ кабинетѣ, или въ ре-
кціи.
Примостившись около скорострѣльной пушечки для
юносокъ, веду бесѣду съ ѣдущимъ въ Хабаровку
министраторомъ. Каждый администраторъ недоволенъ
мъ, что сдѣлано и переполненъ проектами того, что
жно сдѣлать. Но амурскій администраторъ обыкно-

венно сугубо недоволенъ и сугубо переполненъ. Е
обыкновенный администраторъ, по большей части,
сущности, сводитъ всѣ свои мечтанія о переустройст
къ толченію воды въ ступѣ, то его собратъ, амурск
непремѣнно утопистъ. Попавъ изъ привычной департ
ментской атмосферы на вольный воздухъ окраины,
имѣя надобности писать ежедневно десятки отношен
и донесеній, онъ старается замѣнить привычное занят
новымъ — составленіемъ проектовъ; съ этими проектам
онъ не растается нигдѣ: ѣдетъ по вьючной тропѣ
крохотной корейской лошадкѣ и излагаетъ своему спу
нику планъ превращенія окружающей тайги въ шелк
вичныя плантаціи, при помощи продажи за безцѣнок
крупныхъ участковъ, и учрежденія должности инспе
тора шелководства, увидитъ удобную бухточку и прое
тируетъ о возникновеніи въ ней богатаго порта, пр
помощи учрежденія новой акціонерной компаніи, съ су
сидіей.

Мы ведемъ бесѣду о значеніи края и мой собесѣд
никъ вытаскиваетъ изъ архива давно рѣшенный в
просъ: „Посьетъ или Владивостокъ?“ Не скажу, что
бы мой собесѣдникъ не обладалъ начитанностью, чтоб
и въ его рѣчи не проскальзывали мѣткія замѣчані
но, въ общемъ, страсть къ проектамъ беретъ верхъ.

— Край здѣшній богатъ, — разсуждаетъ админи
страторъ, — это нашъ будущій запасной капиталъ

этому мы должны его, во чтобы то ни стало, удержать
а собой. Прійдетъ время и въ Россіи не хватитъ
емли и тогда мы оцѣнимъ Амуръ.

— Совершенно согласенъ, но экономисты полагаютъ,
то такое положеніе для Россіи наступитъ не скоро.
ашъ крестьянинъ страдаетъ малоземеліемъ, но не
ентральная Россія. Переселенческое движеніе, въ сущ-
ости, держится тѣмъ, что у крестьянина нѣтъ средствъ
ля покупки земель и крестьянскіе банки могутъ этому
омочь. Правда утверждаютъ также, что это движеніе
ависитъ и отъ того, что культура не можетъ идти въ
лубь, когда ее можно распространять въ ширь. Но,
ѣдь Амурскій край отдѣленъ цѣлыми областями, обла-
ающими массой незаселенныхъ земель. Слѣдовательно на-
ежды на быстрое его заселеніе нѣсколько гадательны.

— Пустяки-съ, всему виною излишняя опека и
егламентація. Здѣшній край заѣлъ бюрократизмъ. По-
еленца насильно заставляютъ быть земледѣльцемъ,
огда какъ ему, можетъ быть, выгоднѣе заняться из-
озомъ или скотоводствомъ.

— Значитъ, вы противъ всякихъ учрежденій, опе-
ающихъ переселенцевъ?

— Обязательно.

— Но, если опека такъ вредна, то отчего-же ее
роектировали въ восемьдесятъ второмъ году? Я удив-
яюсь....

— Вы еще способны удивляться. Неужто вамъ не извѣстно, какъ у насъ составляются проекты,

Администраторъ произноситъ цѣлую филиппику противъ проектовъ и тотчасъ-же начинаетъ проектировать самъ. Владивостокъ ему не нравится: нужно перенести портъ въ Посьетъ. Но этого мало. Нужно перевести въ Уссурійскій край весь балтійскій флотъ. Кто будетъ защищать Петербургъ, Ригу, Финляндію — это не входитъ въ его соображенія, равно какъ и то, чѣмъ сталъ-бы здѣсь кормиться этотъ флотъ. Мнѣ припоминаются другіе проекты — писанные. Одинъ изъ амурскихъ администраторовъ до того расходился по бумагѣ, что написалъ цѣлый планъ развитія въ краѣ горной промышленности, начинавшійся словами: „ хотя я совершенно не знакомъ съ горнымъ дѣломъ, но тѣмъ не менѣе полагаю...„ Это „тѣмъ не менѣе полагаю“ положительно приводило меня въ восторгъ. И администраторъ былъ не изъ Митенекъ Козелковыхъ, получающихъ образованіе у Дюссо, а человѣкъ причастный литературѣ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ, почти ученый. Вотъ что значитъ проникнуться „готовностью“. Господинъ этотъ сталъ-бы писать и о санкритской грамматикѣ, и о бацилахъ и бактеріяхъ, и о призваніи варяговъ, и объ обычномъ правѣ эскимосовъ, не справляясь даже съ литературою, лишь-бы начальство задало ему эти темы, и непремѣнно все начиналъ-бы словами: хотя я себя и считаю не подготовленнымъ, но тѣмъ не менѣе полагаю“. Благодаря такой „готовности“ и способности проектировать со стороны амурскихъ администраторовъ, край до сихъ поръ не устроенъ и неустройство это бросается въ глаза на каждомъ шагу. Нужно проводить дороги, а они пишутъ проекты о замѣнѣ общиннаго землевладѣнія подворнымъ, и только лишь изготовятъ такой проектецъ, какъ вдругъ крестьяне заявляютъ, что никакой другой формы землевладѣнія не желаютъ, кромѣ общиннаго. Время ушло, бумага изведена, а ничего не сдѣлано. Переселенцы нуждаются въ указаніи и отводѣ участковъ, а чиновники, приставленные къ этому дѣлу, собираютъ статистическія свѣдѣнія о посѣвахъ и аккуратно расписываютъ по графамъ: Петръ Авчинникъ посѣялъ огородныхъ растеній четверть десятины, пшеницы — четыре пуда, овса — пудъ, Иванъ Комында огорода — столько-же, пшеницы три пуда, овса — два, Никита Молявка — столько-то; но все это затоплено разливомъ рѣки Сучана“. А въ это время Павелъ Борисенокъ и Антонъ Огородный садятся на чужую землю или ведутъ о послѣдней препирательства съ манзами. Но администратору статистика кажется необходимѣе, хоть посѣвы и затоплены, онъ все таки, глядишь какой-нибудь проектецъ, да и напишетъ на основаніи сихъ цифръ, правда проектецъ, можетъ быть, будетъ напоминать мечты того мужика, который

наткнулся въ полѣ на спящаго зайца и соображалъ, как онъ зайца убьетъ, продастъ и купитъ поросенка как поросенокъ выростетъ и народитъ самъ поросятъ

Пока мой администраторъ ораторствуетъ, съ мор надвигается туманъ, онъ ужъ окуталъ и нашу лодк и сосѣднiй островокъ и теперь заволакиваетъ берегъ Онъ какъ-бы хочетъ сказать и оратору и другом администратору, спящему на полу-ютѣ: „перестаньте мечтать, захочу я и всѣ мечты ваши уничтожу; вотъ пишите, что здѣсь посѣвы нужно дѣлать позже так какъ лучшая лѣтняя пора здѣсь въ августѣ сентябрѣ, когда нѣтъ ни дождей, ни тумановъ, а вотъ сегодня, не смотря на августъ, явился, да и изчезну ни завтра, ни послѣ завтра. По календарю м слѣдовало быть въ маѣ и iюнѣ, а я въ этомъ год вздялъ, да и надулъ календарь—опоздалъ, да теперь мучаю васъ не по-положенiю“.

Дѣйствительно, не хочетъ туманъ расходиться и у ромъ. Онъ пропитываетъ насквозь платье, во всем тѣлѣ ощущаешь сырость, а между тѣмъ душно, жарк дышать нечѣмъ. Берега и острова еле видны. Какая-т хандра одолѣваетъ: словно будто не путешествуешь, сидишь въ какой-то тѣсной тюрьмѣ. Мой администр торъ спитъ и заливается богатырскимъ храпомъ. „М ментъ“, заложивъ руки въ карманы брюкъ, совсѣ какъ на верещагинской картинѣ, мрачно ходитъ

олу - юту. Можетъ быть, ему рисуется въ туманѣ отъ безногiй и безрукiй манза, котораго онъ встрѣилъ на Сучанѣ, ползущимъ въ травѣ послѣ сожженiя ромышленныхъ фанзъ. Только нашъ командиръ не змѣнился. Также бодро стоитъ онъ у компаса и ремя отъ времени подаетъ правой рукой знаки руевымъ.

— Есть—такъ держать!—выкрикиваютъ тѣ обычную разу.

Я вступаю въ бесѣду съ другимъ администраторомъ. тотъ бранитъ корреспондентовъ. Бѣдные корреспоненты! Ни одному самому ужасному злодѣю не прихоилось слышать изъ устъ прокурора такихъ ужасныхъ бвиненiй, какiя сыпятся на нихъ. Извѣстно, что корреспондентовъ нигдѣ не любятъ, но на Амурѣ эта неюбовь доходитъ до колоссальныхъ размѣровъ. Вамъ ростятъ оскорбленiе, пущенную вами сплетню, самый екрасивый поступокъ, но обличенiе въ печати ни за то и никогда.

— Ложь и самая наглая ложь царитъ въ корресонденцiяхъ,—утверждаетъ мой собесѣдникъ.

— Вы говорите — ложь; но, вѣдь съ этой ложью ожно бороться.

— Чѣмъ?

— Тѣмъ-же путемъ: путемъ печати. Пишите, опроергайте, доказывайте.

— То есть вы рекомендуете мнѣ окунуться въ туже вонючую лужу, изъ которой забрызгиваютъ грязью всѣхъ порядочныхъ людей?

— Если вамъ угодно называть такъ журналистику, то—да.

— Я не о журналистикѣ вообще говорю, а говорю о мѣстныхъ ея представителяхъ. Знаете-ли, кто корреспондируетъ изъ села N? Человѣкъ, дважды осужденный судомъ за подлогъ. Можно-ли такому человѣку вѣрить?

— Да, но вѣдь дѣло не въ соціальномъ положеніи пишущаго, а въ вѣрности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній.

— Мерзко читать газету, когда знаешь, что въ ней пишутъ подобныя лица.

— Газета не можетъ наводить справокъ о полицейской благонадежности своихъ корреспондентовъ. Разъ не является опроверженій напечатаннаго, редакція вправѣ думать, что корреспондентъ пишетъ правду. Я былъ секретаремъ одной редакціи и вѣрите-ли, что изъ десяти присылаемыхъ возраженій только одно заслуживало вниманія.

— Рѣчное,—заявляетъ одинъ изъ офицеровъ, прерывая нашу бесѣду.

Въ густомъ туманѣ видны лишь пароходы „Амуръ“ и „Піонеръ“. Берега окончательно заволокло. Да, впрочемъ, и видѣть-то на берегу нечего, кромѣ зимней почтовой станціи. Года полтора тому назадъ нѣсколько дальше, близъ станціи Угловой поселились было крестьяне Черниговской губерніи, но, убѣдившись, что почва глиниста, перекочевали на другое мѣсто. Такъ побережье Амурскаго залива отъ полуострова Муравьевъ-Амурскій вплоть до Мангугая, и остается пустыннымъ, хотя близость Владивостока и дѣлаетъ его въ извѣстномъ отношеніи весьма удобнымъ для поселенія. Берега Суйфуна изобилуютъ лѣсомъ, доставка котораго очень удобна. Но пока въ этой мѣстности существуетъ лишь одинъ пильный заводъ бывшаго механика, а нынѣ купца Ѳедорова, тутъ-же имъ построена и паровая мукомольная мельница. Весь каботажъ въ этой мѣстности производится на китайскихъ и корейскихъ баржахъ, называемыхъ „шаландами“. Такимъ образомъ, здѣсь могъ-бы развиться и каботажный промыселъ. Затѣмъ, нѣтъ недостатка въ этой мѣстности и въ сѣнокосахъ. Теперь все это ждетъ будущихъ переселенцевъ, которыхъ въ настоящее время направляютъ въ глубь страны въ мѣстности, лишенныя путей сообщенія, врачебной помощи, школы и даже церкви. Въ край прибываютъ исключительно землепашцы, а между тѣмъ, судя по двадцатилѣтнему опыту, будущность края, очевидно, заключается не въ земледѣліи.

Въ Рѣчномъ губернаторъ и его свита насъ покидаютъ. Опять мы одни, снимаемся съ якоря и идемъ

во Владивосток. Конецъ плаванію, опять потянется однообразная жизнь въ ожиданіи парохода, который увезетъ навсегда изъ Южно-Уссурійскаго края. И будетъ только вспоминаться все видѣнное и слышанное: лишенная растительности бухта Новгородская и администраторъ, мечтающій перенести въ нее Кронштадтъ, жалкія солдатскія мазанки, неприглядный туманъ, среди котораго прожектеры собираются развить разведеніе виноградниковъ, шелководство и выдѣлку розоваго масла. Много еще путниковъ увидятъ и опишутъ все это, но не скоро ихъ писаніе осилитъ ту ложь, которая господствовала и господствуетъ въ краѣ.

ВЪ ЯПОНСКОМЪ ГОРОДѢ.

I.

Многіе сравниваютъ современную Японію съ Россіею временъ Петра Великаго. Такое сравненіе не только рискованно, но прямо показываетъ, какъ мало у насъ знаютъ объ этой, положительно замѣчательной, странѣ. Реформа Петра была дѣломъ, преимущественно, его и той небольшой кучки людей, въ которой, вопреки всему окружающему, смутно зарождались идеи, что жить по старому нельзя, что необходимо измѣнить старый порядокъ.

Народъ въ реформахъ Петра не участвовалъ и, спустя даже двѣсти лѣтъ, лишь въ слабой степени соприкоснулся съ тою жизнью, которая была создана этими реформами. Нынѣшній микадо, прежде всего, не Петръ, а реформаторъ другой категоріи. Японскія реформы вызваны самимъ народомъ, и микадо лишь проявилъ въ нихъ истинное пониманіе народныхъ нуждъ

и политическій тактъ умнаго человѣка, сознавшаго, что путемъ уступокъ духу времени онъ можетъ создать свою истинную власть, а не ту номинальную, которую онъ дѣлилъ съ тайкуномъ и феодальнымъ дворянствомъ. Это замѣтно въ Японіи на каждомъ шагу и, между прочимъ, въ Нагасаки, пребываніе въ которомъ и составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Среди японской массы положительно не встрѣчаешь того консерватизма, который свойственъ всѣмъ остальнымъ народамъ въ мірѣ или, лучше сказать, тому классу общества, который у насъ пріобрѣлъ довольно глупую кличку „простаго". Приписать это слѣдуетъ тому, что, прежде чѣмъ европейская цивилизація коснулась Японіи, въ этой странѣ была самостоятельная, весьма равномѣрно распредѣленная и, притомъ довольно высокая, хотя и оригинальная, культура. Положеніе японской женщины издавна походило на положеніе ся въ европейскихъ культурныхъ классахъ, грамотность была достояніемъ всей массы; японцы имѣли и имѣютъ народный театръ, гдѣ каждый простолюдинъ могъ знакомиться съ исторіей своего народа; торговля и ремесла процвѣтали чуть-ли еще не тогда, когда не только славяне, но и германцы были исключительно звѣроловами. Японскій торговецъ, извощикъ (джинерикша), ремесленникъ, даже мало тронутый европейской цивилизаціей, производитъ впечатлѣніе гораздо болѣе куль-

турнаго человѣка, чѣмъ замоскворѣцкій купецъ, хотя и ѣстъ палочками и сидитъ на корточкахъ. Вы можете спокойно идти въ какую угодно толпу, и васъ никто не толкнетъ, ужъ не говоря о томъ, что не вымажетъ краской, дегтемъ или саломъ, какъ это случается на тѣхъ петербургскихъ улицахъ, гдѣ преобладаютъ „простолюдины". Японецъ, даже чернорабочій, вѣжливъ, какъ аристократъ, и, какъ аристократъ, чистоплотенъ, хотя и мажется кокосовымъ масломъ. Я не встрѣчалъ на улицахъ Нагасаки ни одного оборванца, не видалъ заскорузлыхъ отъ грязи рукъ ни у одного угольщика. На нашемъ пароходѣ грузили уголь, и какъ только работа кончалась, всѣ работники немедленно купались и отправлялись домой, уже обмывши угольную пыль. Въ Нагасаки есть извѣстный мастеръ черепаховыхъ издѣлій Ясаки; чистотѣ его мастерскихъ могутъ позавидовать многія гостинныя. Самъ онъ является на пароходы настоящимъ франтомъ: въ безукоризненномъ бѣльѣ, выбритый и вымытый, въ бѣлыхъ брюкахъ безъ малѣйшаго пятнышка. Запросить онъ запроситъ, но никогда не подсунетъ вамъ поддѣлки, вмѣсто настоящей черепахи. Надо видѣть, какъ онъ любезенъ съ дамами. Для нихъ онъ броситъ самаго выгоднаго покупателя и бросится за стуломъ или угощеніемъ.

— Ясаки получи сто долларовъ — мнѣ некогда, — торопитъ покупатель.

— Извините, но вотъ госпожа желаетъ видѣт
шпильки:

— Ну такъ я покупать не буду.

— Извините, но я долженъ показать госпожѣ,— Ясаки забываетъ даже корыстолюбіе, чтобы остатьс джентльменомъ по отношенію къ дамѣ.

Если вы вошли съ дамой въ любую лавку, да въ такую, гдѣ ей нечего покупать, купецъ, прежд чѣмъ спросить, что вамъ угодно, принесетъ для ваш спутницы стулъ.

— Ясаки, это слишкомъ дорого: я вамъ дамъ п ловину,—говорите вы.

Нашъ апраксинецъ отмочитъ вамъ иногда и дер зость, англійскій купецъ не станетъ и говорить.

— Извините, господинъ, очень совѣстно, никак нельзя,—извиняется Ясаки.

Это, можетъ быть, и купеческая уловка, но уловк все таки культурная и не похожая на фразу: „д есть-ли у васъ деньги-то? много васъ шляется да смот ритъ“. Я многократно заходилъ въ японскія лавк разсматривалъ вещи и на вопросъ, что я желаю, объ яснялъ, что хочу ознакомиться съ товарами; ни один купецъ не выказывалъ неудовольствія, видя, что я ин странецъ, и весьма любезно объяснялъ мнѣ, чрезъ п реводчика и жестами, употребленіе разныхъ предм товъ. Развѣ это не культура?

Нашъ пароходъ пришелъ въ Нагасаки на разсвѣтѣ. уманъ, какъ газомъ окутывалъ городъ и деревню иносу. Во Владивостокѣ, откуда мы шли, носились рашные слухи о холерѣ, свирѣпствующей въ Нага- ки. Рейдъ былъ пустъ; ни одного военнаго судна, олько коммерческія японскія. Не успѣли мы бросить корь, какъ уже пароходъ былъ окруженъ цѣлой фло- илiей „фунешекъ“.

Тутъ и прачки, и портные-китайцы, и продавцы елени. Все это машетъ шляпами, кланяется и что-то ричитъ, готовое ринуться на палубу и начать, при- ѣдая и улыбаясь, предложеніе услугъ. Но, увы, трапы ыли подняты, и капитанъ издалъ строгій приказъ ни- ого не впускать и не спускать до полученія отъ на- его консула свѣдѣній о холерѣ.

Надо сказать, что приходъ русскаго судна въ На- асаки — это цѣлое событіе. Въ этомъ городѣ нѣтъ, ка- ется, ни одного человѣка, который-бы чѣмъ-нибудь е торговалъ. Кто у нихъ покупаетъ, гдѣ потребители тихъ полутораста тысячъ производителей и торговыхъ средниковъ? — это тайна, которой я не могъ рѣшить о время моихъ двукратныхъ стоянокъ въ Нагасаки. дно для меня несомнѣнно — это то, что никто не тавляетъ въ этомъ городѣ столько денегъ, какъ ы, русскіе: ни одно наше судно не уйдетъ, не оста- ивъ тысячу, а то и двѣ долларовъ и не увезя съ

собою разныхъ вазъ, а также черепаховыхъ и лаки ванныхъ издѣлій. Понятно, что не успѣетъ русскій роходъ кинуть якорь, какъ уже вокругъ него обр зуется цѣлый пловучій базаръ, а на палубѣ, въ к ридорахъ и каютахъ шныряютъ японцы съ рекоменд ціями и товарами въ рукахъ.

— А господинъ!—привѣтствуетъ „знаменитый к пецъ,“ Ямамото, узнавшій меня даже чрезъ полт года.

— Ну, что холера? много умерло?—сыплются во росы пассажировъ и офицеровъ.

— Прошла, да и болѣлъ одинъ простой народъ,- кричатъ въ отвѣтъ.

— Командиръ вернулся съ берега,—проносится р достное извѣстіе.

Оказалось, что холера дѣйствительно уже прекрат лась, и что вообще эпидемію раздули господа корр понденты. Холерная эпидемія въ Нагасаки—такое-ж ежегодное явленіе, какъ тифъ и дифтеритъ въ Пете бургѣ. Виною этому, кажется, чрезмѣрная скученнос и культура полей, хотя и восхищающая агрономовъ, основанная на удобреніи совершенно необработанны экскрементами, которые во время лѣтнихъ жаровъ з ражаютъ воздухъ. Господа „скоропанденты“ могли-б привыкнуть къ этому явленію, но страстишка сообщи сенсаціозное извѣстіе и надѣлать шуму беретъ верхъ.

II.

Въ ожиданіи завтрака, я предложилъ своему спут- ку, ротмистру Б., прогуляться въ Иносу. Какъ во- ся, наняли фуне и высадились около бывшей рус- й больницы, которая, кажется, окончательно закрыта. первое мое путешествіе я хотя и былъ въ Иносѣ, самой деревушки не осматривалъ, а потому и пред- жилъ Б. пройтись по улицамъ, которыя оказались ольно грязными и вонючими. Дѣйствительно, живо- снымъ и чистенькимъ уголкомъ является гостинница -санъ, гдѣ располагаются русскіе офицеры во время янки судовъ. Иноса давно уже излюблена нашими ряками и въ силу этого получила даже названіе усской деревни въ Японіи“, хотя, собственно говоря, скаго въ ней ничего нѣтъ. Обойдя деревушку, мы правились на кладбище, а по дорогѣ завернули во ръ буддійскаго храма, гдѣ помѣщается нѣсколько евнихъ, весьма грубыхъ каменныхъ изваяній и ви- тъ довольно большой мѣдный колоколъ. Самый храмъ лъ запертъ. Онъ великъ, но построенъ изъ дерева. стота во дворѣ храма — положительно голландская, гущая поспорить съ аллеями царскосельскаго парка. рочемъ, японцы содержатъ чисто не только дворы мовъ, но и своихъ жилищъ. Нигдѣ вы у нихъ не идете ни грудъ кирпичей, ни разлитыхъ помой, ни

остатковъ отъ вчерашняго обѣда. Японскій дворикъ, —
это усыпанный пескомъ, миніатюрный садикъ, въ ко
торый любо заглянуть. На кладбищѣ, въ близкомъ
сосѣдствѣ покоятся и буддисты, и православные, и ка
толики, и протестанты. Рядомъ съ музыкантомъ фран
цузскаго военнаго фрегата, родившимся гдѣ нибудь н
берегахъ Сены или въ Нормандіи, лежитъ англійскі
лейтенантъ, выросшій на Темзѣ и въ чаду Шеффильда
а въ нѣсколько шагахъ отъ нихъ уроженецъ и жите
Иносы. И надъ всѣми одинаково склоняются мирты
высятся красивыя южныя сосны. Начитавшись, вдовол
именъ, фамилій и эпитафій, мы углубились въ сосѣдню
рощу, а затѣмъ принялись взбираться по каменисто
тропинкѣ на гору, на вершинѣ которой оказалась н
большая часовенька или — вѣрнѣе — божничка, укр
шенная цвѣтами, воткнутыми въ вазочки и бутылочк
тряпочками и миньятурными моделями воротъ. Перед
божничкой стояли ворота въ ростъ человѣка и камен
ный, не то жертвенникъ, не то сосудъ для вод
Обернулись назадъ и остолбенѣли, глядя на раскинув
шуюся у нашихъ ногъ панораму города, бухты съ п
роходами и зеленѣющихъ полей и огородовъ. Мнѣ, п
чему то, припомнилось, что еще первобытные люди ст
вили свои жертвенники и кумирни на вершинахъ горъ
и я нашелъ, что они далеко не были тѣми дикарям
лишенными всякой поэзіи, какими ихъ рисуетъ „стр

я наука“. На языкѣ уже завертѣлись фразы о за-
жденіи культуры, искусства, религіи, но замерзли —
къ хорошо было все кругомъ.
— Знаете, что? посидимъ, — предложилъ Б.: — въ
етербургѣ вы ужъ не увидите такой благодати.
дѣсь какъ-то все и вся забываешь.
Я, конечно, не отказался и расположился на жер-
енникѣ, закуривъ папироску. Б. такъ разнѣжился,
о снялъ китель и повѣсилъ на ворота кумирни.
— А хорошо, расфилософствовался я, — что есть
це на земномъ шарѣ такіе уголки, которыхъ не ко-
улась современная культура, гдѣ все осталось какъ
ло, можетъ-быть тысячу лѣтъ тому назадъ.
— Какъ вамъ сказать? да, хорошо. Я самъ люблю
арину.
— И знаете, что? сидя вотъ здѣсь, у этого язы-
скаго капища, невольно даже приходитъ въ голову,
астливѣе-ли стали люди, благодаря успѣхамъ про-
есса, или нѣтъ. Вѣдь есть же философія, отрицаю-
ая цивилизацію. Несомнѣнно одно, что самая благо-
тельная вещь — освобожденіе нашей мысли. Японецъ,
вѣсившій обрѣзки своего платья, навѣрное боится и
епещетъ предъ здѣшнимъ богомъ, а я вонъ обкури-
ю его кушнаревскимъ табакомъ.
— Что это вы расфилософствовались, да еще въ
зрѣзъ вашимъ постояннымъ взглядамъ? усмѣхнулся Б.

— А и въ самомъ дѣлѣ давайте лучше любовать
чудной картиной. Вотъ-бы куда заглянуть нашимъ х
дожникамъ, а то эти вѣчныя: Алупка ночью, Алуп
вечеромъ, Ѳеодосія на закатѣ — набили оскомину.

— Ну, вотъ!

— Право, надоѣли, и надоѣли не потому, что
нихъ нѣтъ поэзіи, а потому, что ихъ прямо на зака
стали малевать для всякихъ Тарочешниковыхъ и укр
сили ими не только каждую зажиточную мѣщанск
гостинную, но даже разныя биргалки, въ видѣ оле
графій. Налюбовавшись вдоволь панорамой, мы прин
лись спускаться внизъ и, очутившись вновь на кла
бищѣ, рѣшились избрать иной путь для возвращен
Какъ ни обдавало насъ, подчасъ, разными запахам
но, сравнивая русскія деревни, даже пригородныя,
Иносою, — выводъ приходилось дѣлать не въ пол
первыхъ. Повсюду на спускахъ сдѣланы каменныя л
сенки, овраги обсажены живою изгородью, дворы и д
рожки подметены, нѣтъ недостатка и въ садикахъ
цвѣтникахъ. Любовь къ садоводству — это національ
черта японцевъ, какъ и нашихъ малороссовъ.

III.

Нагасаки для европейцевъ — сплошной музей,
смотря на вполнѣ европейскія зданія почты, телеграф
таможни, суда и банка, на американскій покрой му

ровъ таможенныхъ чиновниковъ и на европейскіе
овары многихъ лавокъ, старая, дореформенная Японія
е утратила своихъ слѣдовъ. Бритый Бонза въ жел-
омъ хитонѣ неприкосновенно сохранился въ томъ видѣ,
акъ и его предшественники, жившіе тысячу лѣтъ тому
азадъ. Еще масса женщинъ чернитъ себѣ зубы, брѣ-
ъ брови и поголовно всѣ щеголяютъ въ національ-
ыхъ керимонахъ и сандаліяхъ. Мужчины далеко не
акъ консервативны въ одеждѣ: хотя почти всѣ сохра-
или свои халаты, но сплошь и рядомъ на ногахъ у
алатника красуются европейскія ботинки и брюки на-
ринскаго дыма съ пламенемъ, а на головѣ цилиндръ
ли модный котелокъ. Европейскій костюмъ вообще
лохо усвоивается японцами.

Мнѣ разъ попался номеръ іокагамскаго французскаго
ррикатурнаго листка, гдѣ былъ изображенъ японскій
рантъ, дѣлающій визиты. На головѣ клякъ съ не-
справившимися складками, фракъ совершенно невоз-
жнаго покроя, двѣ нижнія пуговицы жилета расте-
уты, брюки дыбятся къ верху, а носки спустились
башмаки. Говорятъ, что каррикатура эта не болѣе,
къ фотографическое изображеніе дѣйствительности; но
Нагасаки такихъ франтовъ еще не завелось.

Постройка домовъ въ Нагасаки, равно какъ и убран-
во тоже дореформенныя, хотя въ обиходъ уже и вхо-
тъ керосиновыя лампы, стѣнныя часы и разная евро-

пейская утварь. Судя по лавкамъ, у японцевъ уже вошло въ употребленіе много предметовъ европейскаго производства, такъ какъ не можетъ быть, чтобы цѣлыя сотни лавокъ имѣли въ виду лишь однихъ европейцевъ.

Какіе изъ магазиновъ дѣйствительно роскошны—это фарфоровые. Лучшій изъ нихъ это Децима-базаръ. Глаза разбѣгаются, глядя на цѣлыя богатства въ видѣ огромныхъ вазъ, сервизовъ и колоссальныхъ блюдъ. Но самыя лучшія, самыя цѣнныя вещи очень скромны—это фарфоръ „сатцума“, на которомъ вы не увидите ни яркихъ красокъ, ни сплошной позолоты. Знатоки ихъ-то и покупаютъ, а большинство бросается на дрянцо, которое имѣетъ единственное достоинство — оригинальность. Хорошихъ лакированныхъ издѣлій въ Нагасаки вы не найдете: ихъ надо покупать въ Іокагамѣ или Токіо. Европейское вліяніе сказалось и въ фарфоровыхъ и лакированныхъ издѣліяхъ: способъ выдѣлки, стиль и характеръ сохранились неприкосновенными, но назначеніе многихъ предметовъ чисто европейское.

Покончивъ съ завтракомъ, я отправился въ городъ въ качествѣ кавалера одной изъ нашихъ пассажирокъ. Эта роль, можетъ быть, и пріятна въ знакомомъ городѣ, но ужь никакъ не тамъ, гдѣ на каждомъ шагу открывается широкое поле для наблюденія. Моя спутница ѣздила за покупками, а потому надо было тор-

опиться, переходить изъ магазина въ магазинъ, тогда какъ хотѣлось-бы остановиться предъ какой-нибудь народной сценой, зайти въ храмъ или полюбоваться обвитой плющемъ, полуразвалившейся мельницею. Говорю это, конечно, не въ видѣ упрека моей милой и любезной спутницѣ, а лишь въ оправданіе того, что многое ускользнуло отъ моей наблюдательности.

Начали мы свое странствованіе уже съ знакомаго читателямъ Ясаки, или, какъ его японцы называютъ по русски, „черепахи-человѣка“. По японски мастеръ черепаховыхъ издѣлій—черепаха-человѣкъ, плотникъ и столяръ — дерево-человѣкъ и т. д. Ясаки, какъ любезный человѣкъ, немедленно принялся угощать насъ зеленымъ чаемъ, засахаренными мандаринами и бисквитами изъ тѣста и желтковъ. Такое гостепріимство не мѣшало ему страшно запрашивать и затѣмъ, послѣ долгихъ дебатовъ, уступать за половину. Ясаки собирался вечеромъ ѣхать въ Токіо на выставку, куда везъ, какъ экспонентъ, двѣ художественныхъ клѣтки. Болѣе искусной рѣзьбы мнѣ не приходилось видѣть: палочки клѣтки обвивались живымъ плющемъ и виноградомъ, и иллюзіи мѣшалъ только черный и желтый цвѣтъ листьевъ. Тутъ уже не было ремесла; я видѣлъ предъ собою работу артиста-художника. Но засиживаться было нельзя, и мы двинулись. Японскія лавки столько разъ описывались, что стали всѣмъ хорошо извѣстны. Японцы не

находятъ нужнымъ измѣнять ихъ устройство, и лишь большіе магазины, какъ Ямакура, Ногуши, перенесли центръ своей торговли во вторые этажи изъ совершенно открытыхъ помѣщеній перваго. Рѣшительно во всѣхъ большихъ магазинахъ понимаютъ и объясняются по русски, — а что главное — принимаютъ наши бумажки. Каждый купецъ, окончивъ торгъ, считаетъ долгомъ сдѣлать покупателю подарокъ, въ видѣ, конечно, какой-нибудь бездѣлки. Мнѣ это напомнило обычай гельсингфорскихъ купцовъ.

По части европейскихъ товаровъ, большой успѣхъ сдѣлала виноторговля: почти на каждомъ шагу попадаются ренсковые погребки съ англійскими вывѣсками. Англичане по части спаиванія большіе мастера, но не знаю, на сколько они успѣли въ этомъ отношеніи одержать побѣду надъ японцами. Лично я въ Нагасаки не видалъ ни одного пьянаго, вѣроятно, потому что на рейдѣ не было европейскихъ судовъ, а съ нашего никого изъ команды и изъ третье-классныхъ пассажировъ на берегъ не спускали, въ виду холеры. Затѣмъ, въ большомъ ходу европейская обувь, женскіе платки и всевозможныя мужскія шляпы. Все это не только вывозится изъ Европы, но и фабрикуется въ самой Японіи и сдѣлалось даже предметомъ снабженія Владивостока. По части переимчивости въ ремеслахъ и фабричныхъ производствахъ, японцы оказываются весьма способными.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ Владивостока были выписаны русскіе печники; теперь-же Японія имѣетъ своихъ, которые ничѣмъ не уступаютъ нашимъ. Даже на казенныхъ заводахъ и докахъ японскіе инженеры и техники вытѣснили иностранцевъ и, вѣроятно, чрезъ нѣсколько лѣтъ иностранные инженеры въ Японіи сдѣлаются такою-же рѣдкостью, какою были нѣсколько времени тому назадъ, русскіе техники на нашихъ заводахъ. Лѣтъ десять назадъ, на государственной службѣ насчитывались тысячи разныхъ спеціалистовъ, теперь вы не найдете ихъ и сотни. Тутъ, конечно, сказывается не одна способность и переимчивость японскаго народа, но и патріотизмъ японскаго правительства, старающагося дать ходъ „своимъ“ и не желающаго кормить иностранца. Набѣгавшись по магазинамъ и исколесивъ всѣ главнѣйшіе кварталы города, мы отправились съ моей спутницей на пароходъ. Тамъ шелъ начавшійся еще съ утра торгъ, кончившійся лишь съ закатомъ солнца. Передъ чаемъ, какъ и обыкновенно, раздались свистки на общую молитву. Есть что-то особенное въ этомъ религіозномъ обрядѣ, когда онъ совершается въ открытомъ морѣ, подъ шумъ волнъ, разбивающихся о борты парохода. Мнѣ каждый разъ, когда раздавалось пѣніе хора и звуки молитвы неслись въ безконечную даль, припоминалась извѣстная картина Бронникова: „Гимнъ пифагорейцевъ“. Невольно проникался я ста-

рымъ религіознымъ чувствомъ дѣтства, когда умъ не мучили сомнѣнія, когда не было знакомо даже само слово „отрицаніе“. Не даромъ всѣ пассажиры, безъ различія вѣроисповѣданій, присоединялись обыкновенно къ матросской группѣ, хотя являться на молитву ни для кого не было обязательно.

— Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа! — возгласилъ начало молитвы судовой монахъ.

— Аминь — отвѣчалъ хоръ, и среди буддійскихъ храмовъ раздалась молитва Господня.

Кончилась молитва, загремѣли въ рубкѣ стаканы и ложки. А изъ за горъ стала подниматься яркая южная луна. Съ берега доносились крики разнощиковъ. Береговыя гостинницы, портерныя и кабачки горѣли огнями. Мало по малу, жизнь стихла и на пароходѣ, и во кругъ; только мечтательная пассажирка г-жа Ш. громкими вздохами восторга старалась высказать свою поэтическую натуру. Впрочемъ, и дѣйствительно было хорошо: нагасакская бухта — одна изъ живописнѣйшихъ въ свѣтѣ; правда, въ ней нѣтъ роскошныхъ дворцевъ Золотаго Рога, нѣтъ Везувія, нѣтъ даже амфитеатр каменныхъ домовъ Гонконга, но зато есть ласкающа привѣтливая природа Японіи. И долго я любовался с кормы гладкою поверхностью воды, отражавшей лунны свѣтъ, и черными силуэтами горъ, деревьевъ и до мовъ. Подсѣлъ ко мнѣ и ротмистръ Б. Стали вспо

минать сѣрую будничную жизнь южно-уссурійскаго края, которая представлялась такимъ контрастомъ съ окружающимъ.

— А знаете, — сказалъ ему я, — какъ ни хорошо здѣсь, а жить въ Японіи я бы не согласился.

— Почему?

— Да потому, что жить можно лишь въ привычной средѣ. Людей здѣсь нѣтъ — тѣхъ людей, съ которыми привыкъ и идти рука объ руку, и бороться, съ которыми въ одно вѣришь и одно ненавидишь. Вѣдь невозможно же жить одной природой, да книгами.

IV.

Не успѣлъ я на другой день одѣться и напиться чаю, какъ уже въ корридорѣ наткнулся на нѣсколькихъ японцевъ. Пароходъ нашъ былъ положительно взятъ на абордажъ торгашами. Около моей каюты, которую я раздѣлялъ съ петербургскимъ чиновникомъ К. и докторомъ Б., нагромоздили цѣлую гору разныхъ ящиковъ. Въ каютѣ нельзя было повернуться отъ покупокъ моихъ сожителей. Ясаки, въ коротенькомъ пиджачкѣ и бѣломъ галстукѣ, уже вертѣлся въ рубкѣ, присѣдалъ, улыбался и что то записывалъ въ свою записную книжку. Я видѣлъ, что о чтеніи или кейфѣ на пароходѣ не можетъ быть и рѣчи, и потому предложилъ ротмистру Б. снова отправиться на берегъ.

Начали опять съ лавокъ и потратили на нихъ боль
шую часть дня. Шатаясь по лавкамъ, наткнулись на
японца въ бѣломъ керимонѣ и съ головою, накрыто
корзинкой. Онъ ходилъ отъ дома къ дому и, оста
навливаясь у порога, игралъ на дудочкѣ, пока ем
не подавали милостыню. Дженерикша объяснилъ мнѣ
что онъ сбираетъ на арестантовъ; но, кажется, это
былъ просто монахъ.

Окончивъ покупки, мы отправились осматривать храм
Число послѣднихъ въ Нагасаки крайне велико: ест
даже цѣлая улица храмовъ, сзади которыхъ по склон
намъ горъ расположено кладбище. Всѣ лавочники это
улицы торгуютъ искуственными и натуральными цвѣ
тами, что мнѣ напомнило въѣзды въ наши петербург
скія кладбища. Для осмотра мы выбрали первый по
павшійся храмъ и принялись подниматься въ него п
широкой каменной лѣстницѣ, порядкомъ почернѣвше
отъ дождя и, повидимому, видѣвшей на своемъ вѣк
дясятки поколѣній. Лѣстница имѣетъ три площадки
на второй изъ нихъ помѣщается нѣсколько могилъ с
памятниками въ видѣ каменныхъ изваяній человѣчес
кихъ фигуръ, на подобіе тѣхъ, какія мы видѣли в
дворѣ храма въ Иносѣ. — Японски помирайски, —
объяснилъ намъ дженерикша, желая весьма оригин
нально перевести слово „могила“.

Съ этой же площадки особая лѣстница ведетъ въ

стоящую отдѣльно, довольно большую часовню, гдѣ
помѣщается огромное мѣдное изваяніе Будды, выходя-
щаго, повидимому, изъ цвѣтка Лотоса. На лицѣ идола,
несмотря на неособенно художественную работу, такъ
и написана та созерцательная праздность и аскети-
ческая тупость, которую проповѣдуютъ послѣдователи
знаменитаго Шакья-муни. Впрочемъ, другихъ извая-
ній Будды, кромѣ созерцающихъ, я и не видѣлъ, да,
вѣроятно, другихъ и не существуетъ, такъ какъ идеалъ
истинно святой жизни для буддиста есть жизнь оди-
нокая, уединенная и созерцательная. Мрачный идеалъ
мрачной религіи! Можно сказать навѣрное, что о
Шакья-муни никто не напишетъ такихъ строкъ, какъ
тѣ, въ которыхъ излагаетъ значеніе другаго учителя
французскій мыслитель, говоря, что онъ „никогда не
отойдетъ въ вѣчность“, что „его культъ вѣчно бу-
детъ обновляться, а его легенда безъ конца станетъ
вызывать слезы изъ самыхъ прекрасныхъ глазъ“.
Осмотрѣвъ часовню, мы поднялись въ храмъ. Онъ до-
вольно обширенъ, но добрая его часть занята жильемъ
монаховъ. Алтарь выше остальной части и отдѣ-
ляется стѣною, въ родѣ нашего иконостаса; передъ
жертвенникомъ, на которомъ стоитъ идолъ и разстав-
лены въ канделябрахъ и подсвѣчникахъ свѣчи и ку-
рильницы, — большія двери, а предъ послѣдними ви-
дѣнъ нѣчто, въ родѣ бронзоваго балдахина, съ много-

численными привѣсками, придающими ему видъ на- шего паникадила. На возвышеніе насъ не пустили Буддійскіе храмы, повидимому, не всѣ одинаковы. В Коломбо святилище — закрытое помѣщеніе; въ нем нѣтъ ничего похожаго на иконостасъ, и въ него пус каютъ даже иностранцевъ. Видѣнный мною китай скій храмъ въ Сингапурѣ очень напоминалъ католи ческую церковь, а описываемый, по своему устройству нѣсколько похожъ на православный. Разсматрива этотъ храмъ отживающей уже въ Японіи религіи, адеп товъ которой чуть не ежедневно отвоевываютъ хри стіанство и наука, я невольно вспомнилъ, столь-же под ныя пессимизма, какъ и буддизмъ, слова Гамлета:

«Кто поселялъ въ народахъ страхъ,
«Предъ кѣмъ дышать едва лишь смѣли—
«Великій Цезарь—нынѣ прахъ,
«И имъ замазываютъ щели!

Пройдетъ сто лѣтъ, и Будда, котораго тупое вы раженіе я разсматривалъ, пойдетъ на кастрюли дверныя ручки, или — самое большое — займетъ мѣст въ музеѣ рядомъ съ египетскими муміями и плитам клинообразныхъ письменъ. Нирвана — это искупленi отъ смерти — хуже самой смерти: это небытіе, отрицаю щее и безсмертіе христіанства, и безсмертіе культ человѣчности, которое проповѣдывалъ творецъ позитив ной философіи. Если бы всѣ были Гамлетами или то

ными послѣдователями Шакья-муни, не стоило бы жить на свѣтѣ; но нѣтъ, жить стоитъ — это мнѣ нашептывала вѣчно юная природа чудной южной страны, когда я спускался изъ храма пессимизма и жизнененавистничества, повергшихъ эту страну въ застой и неподвижность, пока не пришла культура инаго міра и не сказала Нирванѣ словами своего учителя: „гряди вонъ".

Не успѣли мы сѣсть въ колясочки нашихъ дженерикшъ, какъ вдали показалась похоронная процессія, не посмотрѣть которую было бы грѣхомъ. Впереди несли двѣ бѣлыхъ хоругви, фонари и какія-то кадильницы. Затѣмъ шли въ бѣлыхъ костюмахъ, попарно, дѣти съ цвѣтами въ рукахъ. За ними — бонзы. Рядомъ съ гробомъ шла, вѣроятно, вдова — молодая и очень миловидная женщина, также вся въ бѣломъ. Бѣлый цвѣтъ преобладалъ и въ одеждѣ провожатыхъ, какъ цвѣтъ японскаго траура. Гробъ некрашенный, испещренный весьма красивой рѣзьбой; онъ имѣлъ форму паланкина, такъ какъ японскіе покойники помѣщаются въ гробахъ сидя. Японцы ужасно любятъ цвѣты. Въ новый годъ они убираютъ ими свои жилища и, если нѣтъ живыхъ цвѣтовъ, замѣняютъ искусственными.

Цвѣты и птицы — излюбленные рисунки на ширмахъ, на матеріяхъ, фарфорѣ и лакированныхъ издѣ-

ліяхъ. Какъ хотите, а это признакъ поэтичности на
туры. Китайцы живутъ также среди роскошной при
роды; природа Цейлона и Индіи несравненно роскош
нѣе Японской, но китаецъ дошелъ только до украше
нія фонарями и разноцвѣтными бумажками, а Индус
всюду лѣпитъ слоновъ, т. е. самую неизящную и н
уклюжую фигуру. Изящество натуры сказывается и в
выборѣ цвѣтовъ для матерій: японскія аристократк
не носятъ другихъ керимоновъ, кромѣ черныхъ; в
костюмахъ средняго и низшаго классовъ преобладает
синій цвѣтъ. Большіе мастера японцы по части соч
танія красокъ. Китаецъ, сплошь и рядомъ, соединяет
желтое съ зеленымъ, красное съ оранжевымъ; япон
сочетаютъ краски такъ, что и европейскій художни
не найдетъ къ чему придраться.

Пропустивъ мимо себя похоронную процессію, мы о
правились домой. Хотѣлось осмотрѣть еще другіе хр
мы, но часовая стрѣлка была неумолима и показывал
что мы рискуемъ остаться безъ обѣда.

V.

Наши пассажиры только и знали, что рыскали
лавкамъ. Куда не отправишься кататься по город
всюду встрѣчаешь вереницу дженерикшъ, везущихъ
роходныхъ дамъ и ихъ кавалеровъ, съ пакетам
ящиками и коробками. Мнѣ эта манія такъ надоѣл

то я рѣшился странствовать одинъ. Дженерикши такъ
ривыкли, что русскій ѣдетъ непремѣнно въ лавки,—
то, бывало, изумлялись, когда я приказывалъ возить
бя просто по городу и именно по такимъ кварталамъ
дѣ нечего покупать. Дѣйствительно, мы, русскіе, уди-
тельно нелюбознательный народъ. Я зналъ во Вла-
востокѣ многихъ, которые проводили въ Нагасаки
полугоду и ни разу не заглянули въ японскій судъ,
осмотрѣли ни одного храма, кромѣ главнаго-Осува,
были ни въ одной школѣ. Заговоришь обыкновенно
Нагасаки, и все сводится къ „чайнымъ домамъ",
тому, что иносинская красавица Ойя-санъ играетъ
стуколку и штосъ, да къ гостинницѣ Эврика. А
жду тѣмъ разсказчики владѣли англійскимъ языкомъ,
и помощи котораго въ Японіи можно познакомиться
многимъ, чего нельзя узнать, не владѣя этимъ языкомъ.
Что хорошо въ Нагасаки — это мостовыя. Нѣтъ ни
ной захолустной улицы, ни одного переулочка, кото-
мъ-бы, по части мостовыхъ, не позавидовалъ петер-
ржецъ. Впрочемъ, надо сказать, что японскія мосто-
я не требуютъ почти никакого ремонта: Нагасаки
ершенно не знаетъ конной ѣзды; во всемъ городѣ,
къ говорятъ, существуютъ лишь двѣ лошади, и пе-
озка, даже тяжести, совершаются при помощи людей.
до удивляться, глядя на японскихъ дженерикшъ,
собныхъ по нѣскольку часовъ, почти безъ отдыха,

бѣгать рысцой и катить колясочку иногда съ весьм
грузнымъ пассажиромъ. Говорятъ, что есть дженерикш
которые дѣлаютъ по тридцати верстъ безъ передышк
Варварскій обычай — ѣздить на людяхъ, но онъ вы
ванъ необходимостью: отсутствіемъ въ краѣ лошадей
Разсказываютъ, что дженерикши недолговѣчны и рѣдк
живутъ болѣе тридцати лѣтъ, но я самъ видѣлъ в
Нагасаки между ними сѣдовласыхъ старцевъ. Сами он
повидимому, совершенно довольны своей участью, вѣчн
веселы и болтливы. Зайдешь въ магазинъ; дженерикш
рѣдко станетъ отдыхать, онъ вертится около; есл
нужно, объясняется съ купцомъ въ качествѣ перевод
чика. Пойдете вы что нибудь осматривать, онъ пр
нимаетъ на себя роль гида, бѣжитъ за вами по л
стницамъ храма, карабкается по горамъ. Южная по
вижная натура беретъ верхъ надъ усталостью и н
человѣческимъ трудомъ. И все это дѣлается за как
нибудь долларъ, т. е. за два нашихъ рубля въ де
и небольшую монетку въ видѣ pour — boire. Тако
ужъ такса, а всякія предписанія въ Японіи соблюда
ются строго.

Кстати о предписаніяхъ. Въ Нагасаки почти
видно полицейскихъ, а между тѣмъ мнѣ ни разу,
два моихъ пребыванія въ этомъ городѣ, не приход
лось видѣть уличныхъ дракъ; ни разу не приходил
видѣть, чтобы на мостовую выбрасывалась или выл

лась какая нибудь дрянь, какъ это практикуется,
частую, даже въ Петербургѣ. Вообще я думаю, что
онской полиціи приходится рѣдко составлять прото-
лы. Буйства въ Нагасаки бываютъ лишь, когда на
йдѣ стоятъ иностранныя военныя суда. Положительно
иходится удивляться дисциплинѣ этого живаго народа.
о своего рода выработка соціальныхъ привычекъ.
нѣ пришлось однажды наблюдать во Владивостокѣ
сьма характерную сцену. Японецъ пришелъ къ офи-
ру за долгомъ.

— Денегъ у меня нѣтъ, а ты вотъ что, откупо-
-ка мнѣ эти бутылки съ пивомъ. Японецъ весьма
безно исполнилъ желаніе должника и смиренно по-
стился у дверей. Въ концѣ концовъ офицеру надоѣло
сутствіе кредитора, и онъ велѣлъ его вытолкать
стовому. Всякій — другой — русскій, нѣмецъ полѣзъ
непремѣнно въ драку, надѣлалъ бы крику и скан-
а. Японецъ безпрекословно повиновался и отправился
полицію жаловаться.

Не встрѣчалъ я въ Нагасаки и праздныхъ зѣвакъ.
Гонконгѣ невозможно иностранцу зайти ни въ одинъ
азинъ, чтобы у дверей не собралась толпа любо-
тныхъ. Въ Нагасаки не бываетъ ничего подобнаго.
ждый японецъ знаетъ свое дѣло и занятъ имъ; если
идетъ по улицѣ, то тоже по дѣлу, а ужъ не ста-
ъ останавливаться, чтобы позѣвать, какъ это въ

ходу у европейцевъ, особенно у жителей столицъ, и у
близкихъ сосѣдей Японіи — китайцевъ. Ротмистръ Б
разгуливалъ по Нагасаки въ русской кавалерійской
формѣ, и ни разу никто не обратилъ на него вниманія
тогда какъ у насъ образованная публика бѣгала въ
Павловскѣ за прусскими офицерами, когда они явилис
въ формѣ на музыку. Но это происходитъ у японцев
не вслѣдствіе апатіи и отсутствія любознательности, а
просто въ силу житейскаго такта и деликатности, при
сущей даже простымъ ремесленникамъ.

Брандесъ разсказываетъ, что одинъ изъ членов
китайскаго посольства въ Берлинѣ, знакомый съ нѣ
мецкимъ языкомъ, возмутясь тѣмъ, что выходъ его
его земляковъ на улицу постоянно сопровождался то
котней любопытныхъ, напечаталъ статью въ «Wochisch
Zeitung», въ которой выставилъ на видъ то мирн
отношеніе, которое встрѣчаютъ, будто-бы, европейцы н
улицахъ Китая, появляясь въ европейскихъ костюмахъ
Китаецъ обманулъ знаменитаго датскаго критика. Он
вѣроятно, вспомнилъ Японію и японцевъ. Насколько
безопасенъ европеецъ въ Китаѣ, можно судить потому
что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Шанхаѣ консулам
были расклеены слѣдующія объявленія: „европейцы при
глашаются не ходить въ китайскіе кварталы по случа
экзаменовъ у китайскихъ студентовъ, занимающихся
разбоями и грабежемъ“.

Вообще надо сказать, что цивилизація и нравы Китая сильно отличаются отъ старыхъ нравовъ Японіи, какъ отличаются и сами китайцы отъ японцевъ, насколько я могъ замѣтить первыхъ въ Гонконгѣ, Сингапурѣ и Южно-Уссурійскомъ краѣ. Японцы гораздо симпатичнѣе китайцевъ, но, надо прибавить, только дома. Во Владивостокѣ ихъ главное занятіе — терпимый, но непокровительствуемый закономъ промыселъ. Въ Корeѣ они прославились политическимъ интриганствомъ, эксплуататорскими наклонностями и комичной претензіей разъигрывать роль европейцевъ. Это, можетъ быть, объясняется самолюбіемъ, свойственнымъ народу, только что вкусившему европейской цивилизаціи и стремящемуся разъигрывать первенствующую роль, подобно безбородому студенту, воображающему себя „мужемъ совѣта и разума“. Но право, это ужъ не такой грѣхъ, что-бы кто не простить японцамъ. Да и кто не интриганилъ въ политикѣ? Кто не подставлялъ своимъ сосѣдямъ ножку въ экономическихъ сферахъ? Кто, наконецъ, не мнилъ себя первой націей въ мірѣ? Развѣ нѣмцы, разгромивъ французовъ и подвергнувъ канонадѣ ботаническій садъ, который щадили всѣ — не были смѣшны, разъигрывая въ синихъ прусскихъ мундирахъ роль культуртрегеровъ? И это народъ, изъ среды котораго вышли Кантъ и Гегель, Шиллеръ и Гете. Такъ ужъ молоду въ цивилизаціи народу и Богъ проститъ, что

онъ иногда наряжается въ панцырь великана. Я каж
дый разъ прощалъ японцамъ сеульскую рѣзню восем
десятъ четвертаго года, когда видѣлъ улыбающуюся
расплывшуюся въ олицетвореніе любезности, физіоном
Ясаки или какого нибудь другаго нагасакскаго знакомц
Ужъ на политическихъ-то злодѣевъ японцы похож
менѣе всего, хотя французскіе іезуиты и разсказываютъ
что они сбросили съ горы, Папенбергъ, находящейся
входа въ Нагасаки, 30,000 католиковъ. Іезуиты мог
смѣшать это событіе съ Варфоломѣевскою ночью, ког
католики вырѣзали протестантовъ. Впрочемъ, нару
ность бываетъ обманчива. Я видѣлъ карточку од
барыни, отравившей своего мужа; на этой карточ
была ангельская красота и воплощеніе любви.

Не могу не указать на одну особенность у яп
цевъ. Я уже сказалъ, что они лучше и скорѣй вс
усвоили себѣ практическую и утилитарную стор
европейской цивилизаціи, не особенно гоняясь за
военіемъ нравовъ и привычекъ европейцевъ. Японс
судья, произнося приговоръ за столомъ, покрыт
традиціоннымъ зеленымъ сукномъ, и примѣнивъ стат
одного изъ самыхъ передовыхъ въ мірѣ уголовн
кодексовъ, — приходитъ домой, снимаетъ европейс
мундиръ и, усѣвшись въ керимонѣ на корто
ѣстъ палочками рисъ и фруктъ „каки“ и запива
рыбу „сагона“ вмѣсто шабли или сотерна, на

альной рисовой водкой — „саки.“ Знатная японка
анцуетъ на придворныхъ балахъ въ европейскихъ
уфелькахъ кадриль и вальсъ, но рѣдко промѣняетъ
вой, расшитый цвѣтами, керимонъ на стянутое въ таліи
латье парижскаго фасона съ турнюрами и прочими
удреными принадлежностями туалета нашихъ барынь.
акже мало плѣняются японцы и европейскимъ искус
твомъ. До сихъ поръ они не завели современныхъ
еатровъ и довольствуются своей древней „сибая“, гдѣ
ьесы тянутся по нѣсколько дней, актеры на сценѣ
пятъ, ѣдятъ и, ради реализма, изображаютъ какъ
ерой распарываетъ себѣ животъ (въ реализмѣ они
ерещеголяли даже французовъ), а зрители пьютъ и
дятъ, продолжая созерцать трагедію. Въ Нагасаки
ѣтъ ни одного японца, играющаго на европейскихъ
нструментахъ, а въ Іокагамѣ кафе—шантаны посѣ
щаются почти исключительно европейцами. Японцы до
ихъ поръ украшаютъ свои дома картинами безъ пер
пективы, и европейское искусство, по части живописи,
аходитъ пока-лишь потребителей фотографіи. Черта
та положительно непонятна въ народѣ, которому от
юдь не чуждо понятіе красоты и изящнаго.

VI

Мы только что отобѣдали, когда нашъ пароходъ
алъ сниматься съ якоря. Въ числѣ другихъ — вы-

шелъ и я, чтобы бросить послѣдній взглядъ на ориги-
нальный и живописный городъ. Было жаль покидат
любопытную страну, не узнавъ ея ближе, не изучив
лучше ея быта. Надо удивляться, что европейцы сли-
шкомъ мало ее изучаютъ, тратя силы и время н
ознакомленіе съ разными дикарями—папуасами.
поучительнаго въ Японіи очень много.

Тихо поварачивался носомъ къ выходу изъ бух
нашъ пароходъ; вотъ дали „больше ходу", город
сталъ исчезать въ дали и надвигавшихся сумеркахъ
Заблестѣли впереди маячные и створные огни, мрач
поднялся справа изъ воды угрюмый Папенбергъ,
нимъ еще промелькнуло нѣсколько островов, и сред
ночной тьмы закачался пароходъ въ открытомъ мор
Мы усѣлись на кормѣ съ однимъ пассажиромъ пи
пиво и закурили сигары. Бесѣда не клеилась—слиш-
комъ ужь хорошо было море, освѣщенное восходящ
луною, а тихій мягкій вѣтерокъ нѣжилъ и ласкал
какъ любимая женщина. Мы чокались стаканами,
каждый думалъ о своемъ. Мнѣ невольно приходило
голову, что среди этой природы человѣкъ долже
быть и мягче и воспріимчивѣе. Нѣтъ здѣсь ни м
роза, сдавливающаго мозгъ, ни палящаго зноя, уб
вающаго всякую энергію и задерживающаго мысль,
здѣсь вѣчное лѣто, вѣчная зелень, даже море какое-
ласковое. Японцы хорошо поняли значеніе климата

хотно уступили Сахалинъ, устремивъ свои взоры на
Корею. Они не станутъ колонизировать безплодныхъ
мѣстностей, гдѣ не растетъ хлѣбъ, не станутъ строить
азныхъ Петропавловсковъ, гдѣ прилично жить лишь
амчадалу, да развѣ эскимосу.

— Здѣсь и море-то не такое, какъ на Сахалинѣ,—
рервалъ мои размышленія одинъ изъ пассажировъ
окторъ Ш.

— Да, вѣроятно, докторъ, и порядки тоже не Са-
алинскіе?

— А вы думаете, что на Сахалинѣ есть порядки?

— А то какже? Худые-ли, хорошіе, а какіе ни-
удь да есть. Какже! чиновники есть, двойные про-
ны и подъемныя существуютъ, образцовую каторгу
ребуютъ, а порядковъ вдругъ нѣтъ? Это только во
Владивостокѣ „климата нѣтъ", такъ это потому, что
дминистрація, самая прыткая, климата создать не мо-
етъ. La fille la plus innocente ne peut donner, que
e du'elle a.

— А вонъ японцы на горахъ рисовыя болота
ѣлаютъ.

— Такъ это японцы....

СИНГАПУРЪ.

Скучно на пароходѣ. Русская интеллигенція—наименѣе общительный народъ въ мірѣ, особенно провинціальная: происходитъ-ли это отъ разности образованія, а слѣдовательно и интересовъ, или отъ той бюрократической іерархіи, которая проникла насквозь всю провинціальную жизнь—рѣшить трудно. Въ силу этого свойства не клеится ничего и у насъ на пароходѣ: всякій живетъ особнякомъ или сближается только съ избранными. Скука, какъ непремѣнное условіе такой разобщенности, заставляетъ искать во всемъ развлеченія. Таковымъ является, между прочимъ, Павликъ, трехлѣтній или четырехлѣтній толстый и крѣпкій мальчуганъ, сынъ сапернаго солдата, идущаго въ запасъ на родину. Дѣти простолюдиновъ отличаются какою-то серьезностью. Некрасовъ очень мѣтко схватилъ своего „мужичка съ ноготокъ“. Такимъ именно „мужичкомъ съ ноготокъ“ обѣщаетъ быть года черезъ три и Пав-

ликъ. Онъ уже и теперь серьезенъ и даже бѣгаетъ и рѣзвится какъ-то особенно солидно.

— Павликъ, здраствуй!—обращается къ нему пас-сажиръ и Павликъ отдаетъ рукою честь, какъ солдатъ офицеру.

— Ну, хлопни ручкой, да хорошенько.

Павликъ хлопаетъ рученкой, какъ это дѣлают крестьяне при продажѣ.

Павликъ, конечно, никогда не плачетъ въ противо положность пассажирскимъ дѣтямъ, которыя, то и дѣл задаютъ концерты и подымаютъ если не вой, то ныт изъ-за самыхъ пустяковъ.

Другая пассажирская забава—это домино. Съ вос ми часовъ утра уже въ рубкѣ сидятъ игроки и ра кладываютъ костяшки. Иной съиграетъ въ день полсотни партій. Играютъ и на деньги и ради сам любія.

Рѣдкій день обходится безъ ссоръ. Кто нибудь рѣз отзовется о дѣтскомъ ревѣ и вотъ чадолюбивые род тели подымаютъ съ обидчикомъ цѣлую баталію. Со рятся и изъ-за мѣстъ за столомъ и изъ-за того, ч кому-то не нравится табачный дымъ, и изъ-за тог что одинъ другому недостаточно скоро передалъ обѣдомъ перецъ или горчицу. Неумѣніе жить въ общ ствѣ и отсутствіе житейскаго такта сказываются каждомъ шагу.

Матросы и запасные нижніе чины живутъ и дружнѣе и веселѣе: у нихъ каждый вечеръ пѣсни, пищитъ и заливается скрипка. А то затѣятъ игры: или чехарду, или совершенно особенную. Сядутъ двое верхомъ на толстую палку и начнутъ сбивать другъ друга ударами подушки и по ногамъ, и по бокамъ и по головѣ. Хохотъ и замѣчанія сопровождаютъ каждый ударъ.

— Ай-да Болотовъ: ловко хватилъ! Ну-ка его еще разъ, еще, еще, такъ, такъ, важно! Эге,—свалился! Молодчина Болотовъ!

Даже завидно становится. А у насъ на кормѣ всѣ словно аршинъ проглотили. Если и идетъ бесѣда, то между двумя, много тремя пассажирами. Только инженеръ-механикъ К. трещитъ безъ умолку, сыплетъ анекдотами, поговорками и эпизодами изъ собственной жизни и заливается при этомъ смѣхомъ, не стѣсняясь тѣмъ, что анекдотъ старъ, прибаутка избита, а слушатель остается серьезенъ. Впрочемъ, въ общемъ, онъ очень милъ и любезенъ и, во всякомъ случаѣ, пріятнѣе тѣхъ, кто напускною серьезностью думаетъ придать себѣ особый вѣсъ.

Приамурскій край бранятъ почти всѣ поголовно, защитниками являются только одинъ военный докторъ, да молоденькая барынька, предчувствующая, что ужъ не играть ей въ Петербургѣ той роли, какъ на окраинѣ. Юлій Цезарь все еще имѣетъ много послѣдовате-

лей и особенно послѣдовательницъ. Что и игра первоклассныхъ артистовъ, когда въ театрѣ васъ никто не замѣчаетъ и только случайно кто-нибудь наведетъ бинокль на ваше хорошенькое личико? Можно ли веселиться въ роскошной залѣ дворянскаго собранія, когда вы не можете быть царицею бала? А что на окраинѣ царитъ произволъ, такъ вѣдь это до хорошенькихъ головокъ не относится: ихъ дѣло порхать, восхищать и, плѣнять, онѣ въ силахъ укрощать самыхъ грозныхъ и стоитъ имъ слегка пококетничать, предъ ихъ очаровательной улыбкой разсѣется даже грозный призракъ отставки безъ прошенія.

Но вотъ и старый знакомый, Сингапуръ. Можно досмотрѣть недосмотрѣнное и возобновить прежнія впечатлѣнія. „Гдѣ я, о гдѣ я, друзья мои? Куда бросила меня судьба отъ нашихъ березъ и елей, отъ снѣговъ и льдовъ, отъ злой зимы и безхарактернаго лѣта! Я подъ экваторомъ, подъ отвѣсными лучами солнца, на межѣ Индіи и Китая, въ царствѣ вѣчнаго, безпощадно-знойнаго лѣта. Глазъ, привыкшій къ необозримымъ полямъ ржи, видитъ плантаціи сахара и риса; вѣчно-зеленая сосна смѣнилась неизмѣнно-зеленымъ бананомъ, кокосомъ; клюква и морошка уступили мѣсто ананасамъ и мангу. Я на родинѣ ядовитыхъ перцовъ, пряныхъ кореньевъ, слоновъ, тигровъ, змѣй, бритыхъ и бородатыхъ людей, изъ которыхъ одни не вѣдаютъ

шапокъ, другіе носятъ кучу тканей на головѣ; одни вѣчно гомозятся за работой, съ молотомъ, съ ломомъ, съ иглой, съ рѣзцомъ; другіе едва даютъ себѣ трудъ съѣсть горсть рису и перемѣнить мѣсто въ цѣлый день; третьи, „объявивъ вражду всякому порядку и труду, на легкихъ „проа“ отважно рыщутъ по морямъ и насильственно собираютъ дань съ промышленныхъ мореходцевъ“—такъ восклицалъ Гончаровъ въ своемъ дневникѣ на Сингапурскомъ рейдѣ. У меня ничего подобнаго вырваться изъ подъ пера не можетъ, помимо отсутствія таланта, прежде всего потому, что я уже былъ разъ въ Сингапурѣ, а во вторыхъ потому, что теперь уже и не такъ удивительно для русскаго человѣка побывать въ тропикахъ.

Ежегодно десятки чиновниковъ и офицеровъ совершаютъ плаваніе изъ Одессы во Владивостокъ и обратно, вдосталь наѣдаются ананасами и мангу, запасаются фотографіями и индѣйскими тростями, и потомъ говорятъ о Сингапурѣ и Коломбо также просто, какъ прежде говорили о Новгородѣ и Твери. Прошло время и для поэтичныхъ, хотя и грозныхъ „проа“, фигурировавшихъ въ разсказахъ капитана Маріэтта и Майнъ-Рида, такъ какъ для нихъ уже невозможно гоняться за быстроходными пароходами, которые скоро совершенно вытѣснятъ парусниковъ. Всюду цивилизація, а съ нею и проза: рядомъ съ свѣжими ананасами, лежатъ

консервованные въ жестянкахъ, индусъ-извощикъ уже не бѣгаетъ сбоку экипажа, а сидитъ на козлахъ, вооруженный англійскимъ бичемъ, у мужчинъ еще болтаются серьги въ ушахъ, но уже нѣтъ колецъ въ носахъ, большинство, хотя и окутываетъ ноги кусками матеріи, но носитъ европейскіе пиджаки, крахмаленныя сорочки и галстуки, и только китайцы неукоснительно хранятъ національный костюмъ и традиціонныя косы.

Мой спутникъ по Нагасаки, ротмистръ Б., торопитъ меня на берегъ. Я имъ дорожу, такъ какъ онъ свободно объясняется по англійски, а я владѣю лишь французскимъ, да очень плохо нѣмецкимъ языками. Черезъ нѣсколько минутъ я уже готовъ и мы катимъ по знакомой мнѣ дорогѣ въ легонькой четырехмѣстной кареткѣ. Нашъ возница, смуглый красивый индусъ, съ черными усами, въ красной чалмѣ и съ кускомъ пестрой матеріи вокругъ ногъ, вмѣсто шароваръ, весело пощелкиваетъ бичемъ, а сытыя, кругленькія пони бѣгутъ крупной рысцей. Сингапуръ нисколько не измѣнился за полтора года, въ теченіи котораго я въ немъ не былъ.

Первымъ дѣломъ ѣдемъ на почту отправить письма. Долго вожусь я съ чиновникомъ, такъ какъ не обладаю англійскими монетами, перевести иностранныя на англійскій курсъ мы оба не умѣемъ, а объясниться

другъ съ другомъ не можемъ. Покончивъ съ письмами ѣдемъ въ гостинницу, въ ту самую, гдѣ я спросилъ вмѣсто „сколько стоитъ?“, „человѣкъ—спичекъ“. Освѣжившись лимонадомъ съ искусственнымъ льдомъ, отправляемся по лавкамъ. Заходимъ и въ магазинъ готоваго платья.

— Спросите хозяина, по англійски—есть-ли у него бѣлые костюмы?—прошу я Б.

— Зачѣмъ-же по англійски, когда можно спросить и по русски,—отзывается портной на чистомъ русскомъ языкѣ.

— Неужели вы русскій?

— Одесситъ и даже, отчасти, петербуржецъ.

Завязывается бесѣда и взаимные распросы, вскорѣ является и еще одинъ компатріотъ, одесскій еврейчикъ, держащій въ Сингапурѣ табачную и парфюмерную лавочку. Оба бойко торгуютъ, благодаря частому заходу русскихъ судовъ. Табачникъ приглашаетъ насъ въ свою лавочку. Ѣдемъ и туда, а затѣмъ въ китайскіе магазины. Господи! чего тутъ только нѣтъ: индѣйскія шали, японскіе лакированные столики съ перламутровою инкрустаціею, огромные вѣера, рѣзныя изъ слоновой кости и дерева вещицы, огромныя фарфоровыя вазы, японскіе и китайскіе кинжалы и сабли, лампы, замысловатые шкапики, бронзовыя статуетки и куклы. Что-бы перечислить все, что мы видимъ, нуженъ цѣлый

каталогъ, а на покупку по одному экземпляру всѣхъ предметовъ понадобилось-бы огромное состояніе, такъ какъ все это страшно дорого.

Мнѣ надоѣдаетъ разсматривать и, пока мой спутникъ торгуетъ какую-то шаль, я выхожу на улицу, покупаю десятокъ сочныхъ и сладкихъ, не смотря на зеленую кожу, мандариновъ и начинаю лакомиться. Наконецъ и Б. утомляется и мы идемъ въ гостинницу завтракать. Не смотря на страшный жаръ, мы проявляемъ волчій аппетитъ и истребляемъ все, что намъ подаютъ.

— Ну-съ, теперь ѣдемъ въ садъ Вампоа и въ ботаническій,—объявляетъ мнѣ Б. послѣ небольшаго кейфа,—я уже нанялъ возницу.

Катимъ по европейскимъ кварталамъ города, мимо консульствъ, банкирскихъ конторъ и готическаго собора, окруженнаго скверомъ и роскошнымъ цвѣтникомъ. Увидавъ какую-то вывѣску, Б., вмѣстѣ съ сопровождающимъ вѣстовымъ, куда-то изчезаютъ, оставивъ меня вдвоемъ съ возницею.

— Мусью э рюссъ, московъ?—спрашиваетъ меня послѣдній на страшно исковерканномъ французскомъ діалектѣ.

Отвѣчаю утвердительно.

— А вы знаете кто теперь турецкій султанъ?

— Знаю.

— Дрянь турецкій султанъ—онъ не защищаетъ насъ масульманъ, и англичане—дрянь, а вотъ русскіе—хорошіе и французы хорошіе: бонъ, бонъ,—повторяетъ нѣсколько разъ индусъ,—а когда-же русскіе придутъ насъ освобождать?

— Скоро, очень скоро,—стараюсь я утѣшить.

— О мы этого ждемъ!

Разговоръ нашъ прерывается возвращеніемъ моихъ спутниковъ, которые тащутъ съ собою кисть желтыхъ, какъ янтарь, банановъ и аппельсины.

Но вотъ и садъ Вампоа, принадлежащій наслѣдникамъ китайскаго богача и бывшаго русскаго консула Вампоа, который еще мальчикомъ былъ привезенъ въ Сингапуръ, усвоилъ довольно хорошо англійскую образованность, но съ косою и національнымъ костюмомъ не раставался до самой смерти. Садъ не особенно великъ и разбитъ на правильные симметричные прямоугольники, дѣлающіе его довольно скучнымъ. Но зато въ его прудахъ такая масса роскошныхъ викторій-регій, какихъ я нигдѣ не видалъ. Для европейца—туриста—всего интереснѣ скарликовыя деревья, которымъ придана даже форма мандариновъ и придѣланы фарфоровыя головы и руки. Сколько терпѣнія и сколько, вмѣстѣ съ тѣмъ, безвкусія, чисто китайскаго, необходимо для культивировки этихъ раритетовъ. Словно во снѣ все это видишь, до такой степени непривычна для рус-

скаго глаза вся эта обстановка. Налюбовавшись зелеными башнями, дженками и тиграми, фарфоровыми дельфинами, изъ пасти которыхъ льются цѣлые потоки вьющихся растеній, и пальмовыми аллеями, двигаемся дальше.

Извощикъ нашъ оказывается на столько-же плутомъ, какъ и русскимъ патріотомъ, и безъ прибавки ни за что не хочетъ везти въ загородный ботаническій садъ, увѣряя, что онъ уже подвозилъ насъ къ ботаническому саду, а за городомъ вовсе не ботаническій, а англійскій садъ. Приходится прибавить лишній долларъ. Тамы, то насъ обгоняютъ кабріолеты и коляски съ англійскими джентльменами и перетянутыми въ рюмочку леди, между которыми очень много хорошенькихъ, совершенно не похожихъ на тѣхъ барышень съ лошадиными зубами, которыя помѣшали моему чтенію въ Константинополѣ.

Ботаническій садъ по обширности представляетъ собою цѣлый паркъ. Каждое дерево снабжено дощечкой съ латинскимъ и англійскимъ названіемъ. Имѣется и птичникъ съ павлинами, голубями, райскими птицами и индѣйскими попугаями. По тѣнистому пруду плаваютъ бѣлые и австралійскіе лебеди. Но въ общемъ онъ далеко не такъ хорошъ, какъ сады Гонъ-Конга, гдѣ я упивался ароматомъ цѣлаго моря геліотроповъ. Цвѣты роскошны, куртины причудливы и изящны, но большинство цвѣтовъ не пахнетъ.

Самымъ пахучимъ на тропическомъ востокѣ является все таки бѣлый, скромный цвѣточекъ въ изобиліи украшающій алтари Будійскихъ и браминскихъ храмовъ. Новаллисъ ошибочно заставилъ тосковать своего героя о лазуревомъ цвѣткѣ: герой навѣрное тосковалъ объ этомъ бѣленькомъ цвѣточкѣ. Запахъ его — цѣлая поэма, гдѣ дѣйствуетъ черноокая красавица, можетъ быть какая-нибудь баядерка, принцесса и воплотившійся Брама. Что-то въ высшей степени женственное, ласкающее, нѣжное есть въ его запахѣ. Каждый разъ когда я его вдыхаю, мнѣ припоминаются чудныя страницы Магабараты и описанія лунной ночи въ романѣ Эберса „Уарда“. Я думаю, что нѣмецкій археологъ именно съ того момента и сдѣлался поэтомъ, когда впервые понюхалъ этотъ цвѣточекъ. Я глубоко протестую противъ того положенія Макса Нордау будто всѣ запахи сами по себѣ имѣютъ одинаковую цѣну и между ними нѣтъ ни пріятныхъ, ни непріятныхъ и, будто запахъ разлагающагося тѣла и благоуханіе розы такъ-же мало отличаются другъ отъ друга, какъ синій цвѣтъ отъ зеленаго, или звукъ трубы отъ звука флейты. Только черствый прозаикъ могъ написать подобныя строки.

Нѣтъ, въ поэтѣ запахъ цвѣтка вызываетъ цѣлые фразы и картины, ему разсказываетъ онъ, какъ была на свѣтѣ дѣвушка, превратившаяся въ лилію и застав-

ляетъ эту лилію разсказывать печальную исторію, какъ взялъ дѣвушку баринъ, полюбилъ и бросилъ, какъ пришли его крѣпостные и убить не убили дѣвушку, а надъ нею надругались. И плачетъ въ ароматѣ цвѣтка дѣвушка:

«Я умерла
«Зимою пидъ тыномъ,
«А весною процвила я
«Цвитомъ пры долини,
«Цвитомъ билымъ, якъ снигъ билымъ,
«Ажъ гай звеселыла.

Въ ботаническомъ саду мы встрѣчаемъ цѣлую компанію нашихъ пароходныхъ пассажировъ и пассажирокъ. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ встрѣча съ этой компаніей. Я уже было совсѣмъ разфантазировался, сидя на скамейкѣ на берегу озера и любуясь граціозными движеніями лебедей; а тутъ заказные, неискренніе восторги, которыми стараются выразить любовь къ природѣ и пониманіе ея красотъ, дорожные ридикюльчики, такъ и напоминающіе русскіе вокзалы, какую-нибудь „Лоскутную гостинницу“, петербургскій гостинный дворъ во время лѣтняго наплыва провинціаловъ. Поспорить съ путешествующими россіянами могутъ, по части наведенія тоски, только англичане со своими пледами, складными стульями и гидами въ шагреневыхъ переплетахъ. Обмѣнявшись взаимными привѣтствіями и подтвердивъ, что природа дѣйствительно прекрасна и, что дѣйствительно

удивительно, что въ тропикахъ ростутъ саговыя и кокосовыя пальмы, китайскія розы и латаніи, мы съ Б. стараемся незамѣтно отстать отъ надоѣвшихъ и на пароходѣ спутниковъ: пускай-ужъ они восторгаются одни.

Солнце садится все ниже и ниже. Пора на пароходъ. Нашъ возница преспокойно заснулъ и намъ приходится его расталкивать.

— Надо прибавить, — раздается изъ его устъ первая фраза: мои бѣдные пони совершенно устали, да и я измучился.

— Не отъ сна-ли? — замѣчаю я.

Б. напоминаетъ корыстолюбивому индусу о существованіи полиціи и тотъ лезетъ на козлы. Кабріолетовъ и колясокъ попадается уже мало... Скучно возвращаться на пароходъ, гдѣ просидѣлъ цѣлыхъ три недѣли, словно въ тюрьмѣ. Опять будешь наблюдать, какъ старшій помощникъ командира, угрюмый и нелюдимый нѣмецъ, мрачно шагаетъ по палубѣ, слышать по сто разъ повторяемую однимъ изъ пассажировъ фразу о „горизонтальномъ положеніи“, которую онъ считаетъ верхомъ остроумія и играть въ домино, а ночью ощущать, какъ по тѣлу пробѣгаетъ дерзкая крыса.

На пароходѣ мы застаемъ веселье. Лейтенантъ П. угощаетъ консульскихъ клерковъ, молодыхъ французовъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на фортепьянахъ гимнъ

„Боже царя храни“. Но усталость беретъ свое, и я тотчасъ послѣ чая, ухожу въ каюту и засыпаю под тихій шумъ прибоя волнъ.

Съ ранняго утра на пристани цѣлый базаръ. Запас ные нижніе чины и матросы толкаются среди кита скихъ и малайскихъ торговцевъ и объясняются съ ним на всемірномъ языкѣ жестовъ.

— Сэръ, купите доллара, — обращается ко мнѣ к кой-то малаецъ, предлагая два нашихъ пятака нате тыхъ ртутью. Оказывается, что ихъ спустилъ ему з серебро какой-то предпріимчивый матросикъ.

Но вотъ развели пары, подняли якорь, винтъ з шумѣлъ, пристань сперва тихо, а потомъ все скорѣе скорѣе начинаетъ удаляться, вотъ уже и городъ, слов въ туманѣ и мы выходимъ въ море.

ПОѢЗДКА НА ЦЕЙЛОНЪ.

I.

Скучно плавать, особенно когда стремишься на ро- ну, гдѣ не былъ болѣе года, и когда заходишь уже ъ знакомые порты. Всякая прелесть морскаго путешест- ія теряется окончательно: чудныя голубыя волны уже е приковываютъ къ себѣ взора: въ городахъ не бѣ- аешь съ лихорадочною поспѣшностью, проистекающею зъ желанія все видѣть и высмотрѣть; а уйти въ лѣсъ, глубиться въ горы и тамъ забыть сутолоку судовой изни съ ея нервной командой, надоѣвшими пассажи- ами и душной каютой — нѣтъ времени. Дни тянутся естерпимо долго: не сокращаетъ ихъ ни игра въ арты, шахматы и домино, ни словоохотливый собесѣд- икъ, ни музыка, преподносимая барышней — мело- анкой, въ видѣ „тигренка“ и венгерской рапсодіи иста, переложенной для начинающихъ, ни перечи-

тыванiе давно прочтенныхъ книгъ. Послѣ всего сказан
наго, станетъ понятно, какъ я возликовалъ, узнавъ,
что въ Коломбо мы будемъ грузиться, простоимъ нѣс
колько дней и, слѣдовательно, я буду имѣть возмож
ность съѣздить вовнутрь Цейлона, этого дѣйствительн
невыдуманнаго земнаго рая, хотя слишкомъ жаркаго
для сѣверянина, привыкшаго къ холоду и морозу. Быт
въ Кенди, ѣхать по пальмовымъ лѣсамъ, забраться н
горы, на которыхъ не былъ почти ни одинъ русскiй — эт
являлось мечтою, въ осуществленiе которой даже плох
вѣрилось. Но какой-то философъ давно уже сказал
что „невозможное—возможно“, и я подтвердилъ этот
пародоксальный афоризмъ. Не успѣли мы стать н
якорь, какъ я уже готовъ былъ къ поѣздкѣ, с
зонтикомъ въ рукахъ и съ биноклемъ чрезъ плечо
— терять изъ золотаго времени не хотѣлось ни од
ной минуты. Къ счастью мой спутникъ, инженер
— механикъ К, былъ не изъ послѣдователей Фа
бiя —- Кунктатора, и лишь только послѣдовало раз
рѣшенiе съѣхать на берегъ, мы уже сидѣли въ лодк
и наводили справки у услужливаго гида о времен
отхода желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Оказалось, что д
ближайшаго поѣзда остается цѣлыхъ пять часовъ
Нужно было какъ нибудь убить этотъ длинный перiодъ
мы рѣшились употребить его на прогулку по магази
намъ. Таковые въ Коломбо раздѣляются на англiйскi

и туземные. Англiйскiе торгуютъ безъ запросу и де-
рутъ страшно, туземные усиленно запрашиваютъ и про-
даютъ дешево. Англичане не держатъ никакихъ то-
варовъ, кромѣ европейскихъ, туземцы ведутъ торговлю
исключительно произведенiями мѣстными. Слоны изъ
чернаго дерева и изъ кости, шкатулки и коробочки
изъ иголъ дикоабраза, всевозможныя трости и вѣеры,
вазы и чашки изъ эмальированной мѣди, шелковыя
ткани и платки — вотъ главный контингентъ товаровъ
индѣйскихъ лавокъ. Все это въ первый разъ бьетъ въ
глаза, соблазняетъ своей дешевизной и оригинальностью.
Я знавалъ русскихъ, которые тратили сотни рублей на
эту дребедень и потомъ не знали, куда дѣть всѣхъ
накупленныхъ ими слоновъ и всякiя плетеныя коробочки.
Но стоитъ побывать въ Коломбо второй разъ — и ма-
нiя покупокъ исчезаетъ: видишь, что деревянные слоны
очень грубы, что европейскiй шелкъ прочнѣе и изящ-
нѣе. Вотъ почему я съ моимъ спутникомъ не столько
покупали, сколько разсматривали, торговались и вообще
изображали тѣхъ петербургскихъ барынь, которыя пор-
тятъ столько крови гостиннодворскимъ прикащикамъ,
переворачивая весь магазинъ и, въ концѣ концовъ, по-
купая на сорокъ копѣекъ какихъ нибудь тесемочекъ.

Зашли къ фотографу, еще молодому англiйскому
джентльмену, встрѣтившему насъ съ величiемъ, по
крайней мѣрѣ, начальника отдѣленiя. Сыны Альбiона

по этой части большіе мастера: почти въ каждомъ изъ нихъ сидитъ мистеръ Домби. Надо видѣть съ какимъ достоинствомъ, съ какой напыщенностью отпускаетъ вамъ англичанинъ кофе или вонючія американскія папиросы, — тогда поймешь, почему лондонской лордъ-мэръ способенъ разыгрывать съ самымъ серьезнымъ видомъ средневѣковую комедію въѣзда въ Сити. Но, во всякомъ случаѣ, эта напыщенность лучше наглаго зазывательства россійскихъ лавочниковъ. Съ видомъ начальника отдѣленія, фотографъ подалъ намъ свои коллекціи, завернулъ отобранные экземпляры и получилъ деньги. Французъ навѣрное бы въ это время отпустилъ нѣсколько комплиментовъ, нѣмецъ завелъ бы разговоръ о Бисмаркѣ, а англичанинъ не счелъ даже долгомъ отвѣтить на вопросы моего спутника лишь въ силу того, что онъ говорилъ не со сжатыми зубами и допуская синтаксическія ошибки.

Удивительное существо человѣкъ, смотритъ онъ въ Петербургѣ на растущія въ кадкахъ пальмы, и ему кажется, что такъ и должно быть, что пальмы всюду ростутъ въ кадкахъ, и иначе рости не могутъ; попадаетъ онъ въ Сингапуръ или на Цейлонъ и совершенно равнодушно взираетъ на то, что тѣ-же пальмы ростутъ тамъ на вольномъ воздухѣ, словно онѣ даже и не пальмы, а наша береза и рябина. Катаясь по улицамъ Коломбо, среди тропической растительности и пестрой толпы сингалезцевъ, индусовъ и парсовъ, я чувствовалъ себя и совершенно также, какъ когда ѣздилъ по Невскому или Большой Морской, или расхаживалъ по немощенньмъ улицамъ Владивостока. То удивленіе, которое возбуждала непривычная обстановка въ первое путешествіе, какъ рукой сняло, и я принужденъ былъ уже выискивать предметы, достойные вниманія.

Вотъ, среди лачужекъ и матросскихъ пивныхъ, возвышается церковь католическихъ миссіонеровъ. Архитектура ея ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ костеловъ, которые вы можете встрѣтить въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, гдѣ нибудь въ Минскѣ, Бѣлостокѣ или Шавляхъ; но надъ входными дверями, гдѣ обыкновенно пишется: Deo optimo, maximo, гордо красуется папскій гербъ, словно храмъ посвященъ не Богу, а именно намѣстнику св. Петра. Мнѣ невольно припомнилась поэма „Великій инквизиторъ“, вложенная Достоевскимъ въ уста Ивана Карамазова. Я плохо знакомъ съ послѣдователями Лойолы, но этотъ гербъ, эта папская тіара такъ и кричитъ, что не кроткое, полное любви ученіе Христа играетъ роль въ этомъ іезуитскомъ храмѣ, а нѣчто другое, что ведетъ не въ царство небесное, а въ знаменитую Каноссу, гдѣ стоялъ на колѣняхъ Генрихъ IV, и куда украдкой завернулъ на своемъ политическомъ пути даже самъ „желѣзный канцлеръ“, хотя нѣмцы

упорно отрицают эту диверсію. Любители красивыхъ женскихъ лицъ, въ родѣ г. Скальковскаго, не нашли-бы въ Коломбо достойныхъ предметовъ для своего наблюденія, но за то сколько въ окружавшей насъ толпѣ было „красиваго тѣла“. Любая молодая туземка могла-бы послужить моделью для скульптора, которою не побрезговали-бы даже Канова и Торвальдсенъ. Но кто красивъ безусловно — это мужчины въ своихъ яркихъ костюмахъ и чалмахъ на головѣ, съ гордою поступью сыновъ юга, гдѣ не нужно изнурять себя тяжкимъ трудомъ; — они производятъ громадное впечатлѣніе на сѣверянина, выросшаго среди корявыхъ олонецкихъ мужиченковъ и коренастыхъ, крѣпко сшитыхъ, но неладно скроенныхъ фигуръ. Наше вниманіе привлекла впрочемъ и одна дѣвушка; бронзовый цвѣтъ не мѣшалъ миловидности молодаго лица, а бѣлые, какъ слоновая кость, зубы, сверкающіе черные глаза, роскошный бюстъ подъ яркой красной тканью, не скрывающей стройной таліи, словно выточенныя ноги, и руки въ серебряныхъ браслетахъ дѣлали ее положительно красавицей. Цейлонская красавица навела моего спутника на игривыя тэмы, и его болтовня, которой онъ безъ умолка предавался съ минуты схода на берегъ, приняла характеръ тѣхъ пищеварительныхъ бесѣдъ которыя обыкновенно ведутся въ офицерскихъ курилкахъ или кабинетахъ „безшабашныхъ совѣтниковъ“, послѣ вкуснаго обѣда съ

приличными возліяніями. Согласитесь, среди пальмъ и банановъ, подъ синимъ тропическимъ небомъ, ощутить нѣчто знакомое, родное — было если и не пріятно, то оригинально, и мнѣ начинало казаться, что я ѣду не въ Кенди, а въ Малый Ярославецъ, чтобы тамъ подогрѣть и продолжать веселую пирушку. Но, слава Богу, и Малый Ярославецъ съ его закопченными табакомъ кабинетами, и „безшабашные совѣтники“ были далеко, и только мой спутникъ напоминалъ мнѣ о нихъ и о томъ, что мой удѣлъ — жить среди нихъ, а не среди того, что меня окружало въ эту минуту. Слушая игривыя темы и любуясь пестрой толпой въ бѣлыхъ, пунцовыхъ и оранжевыхъ костюмахъ, я незамѣтно доѣхалъ до вокзала, который сильно напоминаетъ своей постройкой Царскосельскій въ Петербургѣ. Окошко кассира было закрыто, но насъ любезно попросили войти въ кассу, изъ чего я сдѣлалъ заключеніе, что англичане во всемъ практичны: удобнѣе пустить двухъ человѣкъ въ кассу, нежели бѣжать и отпирать для нихъ окошко. Русскій кассиръ навѣрное открылъ-бы послѣднее и съ такимъ гнѣвомъ сунулъ-бы билеты, словно ему наступили на самый больной или, какъ говорятъ, любимый мозоль. Знакомый гнѣвъ, царящій въ разныхъ россійскихъ частныхъ и казенныхъ учрежденіяхъ, невольно припомнился мнѣ, когда К. расчитывался за проѣздные билеты въ Кенди и обратно съ вѣжливымъ

джентльменомъ въ синемъ пиджачкѣ. И обратные билеты у англичанъ удобнѣе, чѣмъ у насъ: они дѣйствительны въ теченіи десяти сутокъ. Еще комфортабельное учрежденіе — это безплатныя уборныя, гдѣ въ распоряженіи пассажировъ находятся мыло, полотенцы, щетки и гребенки. Мы, конечно, не преминули воспользоваться этимъ удобствомъ, такъ какъ во время странствованій по городу порядкомъ таки запылились. Не дождавшись перваго звонка, какъ только подали поѣздъ, мы сѣли въ вагонъ (это у англичанъ дозволяется); вслѣдъ за нами взошла молодая дама съ мальчикомъ и старикъ бонза въ желтой шелковой тогѣ. Леди была некрасива, но элегантна, изящна и необыкновенно стройна, что дѣлало ее очень привлекательной, особенно послѣ нашихъ пароходныхъ дамъ, не признававшихъ стѣсненія въ костюмахъ. Бонза своимъ лицомъ напоминалъ стараго чиновника или учителя латинскаго языка, и только костюмъ и ротъ, словно окровавленный отъ жеванія бетеля, мѣшалъ окончательному сходству. Подъ крышей дебаркадера раздался рожокъ, и къ поѣзду подкатилъ почтовый ящикъ, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ развозятъ у насъ товары изъ разныхъ промышленныхъ заведеній и газеты на почту. Почтальонъ, онъ-же и кучеръ, отворилъ дверцы, вынулъ тюки, и въ двѣ три минуты сдача почты была окончена. Раздался звонокъ первый, прошло нѣсколько запоздалыхъ пассажировъ, потомъ послѣдовали быстро второй и третій звонокъ, и поѣздъ двинулся. Чрезъ полверсты или версту, но все еще въ городѣ, мы приняли съ платформы новыхъ пассажировъ и понеслись дальше, мимо хижинъ туземцевъ, болотъ поросшихъ лотосомъ, и кокосовыхъ рощъ. Любоваться въ окошко пришлось не долго: не успѣли на небѣ догорѣть послѣдніе розовые отблески вечерней зари, какъ уже, словно при театральныхъ представленіяхъ, наступилъ мракъ.

Parlez-vous français? обратился къ намъ бонза и, получивъ утвердительный отвѣтъ, освѣдомился, откуда мы ѣдемъ и куда.

— Ѣдемъ изъ Владивостока, теперь въ Кенди, а затѣмъ въ Одессу и въ Петербургъ.

Повидимому, эти географическіе термины были совершенно незнакомы жрецу буддизма, и онъ ограничился вопросомъ, тепло-ли тамъ, откуда мы ѣдемъ. Узнавъ, что холодно, онъ съ видимымъ сожалѣніемъ покачалъ головой и затѣмъ почему-то объявилъ, что онъ — буддійскій священникъ. Я замѣтилъ, что это видно по его костюму.

— Въ Кенди знаменитый буддійскій храмъ, туда ѣздитъ много народу на поклоненіе,—счелъ онъ долгомъ замѣтить намъ, и на этомъ разговоръ прервался, такъ какъ бонза владѣлъ французскимъ языкомъ довольно плохо. Чрезъ нѣсколько станцій, мы остались

съ К. одни въ вагонѣ. Мимо оконъ, какъ фосфорическія искры, летали свѣтящіеся жучки, на станціяхъ разнощики выкрикивали гортаннымъ голосомъ: „курумба“ и совали намъ кокосы. Кое гдѣ въ просѣкахъ попадались шалаши туземцевъ, возсѣдавшихъ около горящихъ очаговъ въ костюмахъ нашихъ прародителей. Буфетовъ нигдѣ не полагается, и я, для удовлетворенія аппетита, вынужденъ былъ купить, на одной изъ станцій, кисть желтыхъ, какъ янтарь, и душистыхъ бананов и принялся ихъ уплетать подъ все еще не прекращавшуюся болтовню моего спутника, который тараторилъ о своихъ путешествіяхъ, о судовой жизни, декламировалъ фривольные стишки и сталъ уже порядкомъ надоѣдать. Теплый, нѣжащій, вечерній воздухъ, вѣтерокъ, пропитанный ароматомъ тропическаго лѣса и чудная ночь настраивали на мечтательность. Я чувствовалъ, что перестаю быть завзятымъ прозаикомъ, хотѣлось сдѣлаться хоть на нѣсколько минутъ поэтомъ, а тутъ—Барковъ, приключенія разныхъ мичмановъ и лейтенантовъ, табачная атмосфера офицерскихъ курилокъ! Чтобы отдѣлаться отъ болтовни, я притворился спящимъ и предался грезамъ. Грезилась мнѣ процессія идоловъ, брамины, умирающіе отъ голода на порогахъ своихъ должниковъ, сладострастные танцы баядерокъ, дервиши съ проросшими сквозь ладони ногтями,—все то, о чемъ я читалъ и чего не нашелъ ни въ Сингапурѣ, ни въ Коломбо, гдѣ англійская цивилизація уже значительно отняла у мѣстнаго быта и оригинальную прелесть, и мрачную кровожадность нравовъ. Грезилась и недавно видѣнная бронзовая красавица съ ея упругимъ, словно налитымъ дѣвственнымъ бюстомъ и гибкой таліей; мнѣ казалось, что здѣсь, подъ палящимъ зноемъ почти перпендикулярныхъ лучей солнца, и не должно быть другой красоты, кромѣ красоты бронзоваго тѣла, красоты чувственной, трепещущей страстью, разжигающей даже жидкую, бѣдную фосфоромъ и желѣзомъ, сѣверную кровь. Дамаянти не могла быть мечтательной воздушной Гретхенъ, она должна была внушать не нашу платоническую, выдуманную любовь, а здоровое чувство брачнаго инстинкта, въ то же время далекаго, какъ небо отъ земли,—отъ европейскаго разврата оперетки, отъ тѣхъ сладострастныхъ мыслей, возбуждать которыя призваны наши дамскія моды, съ ихъ „modesties“, турнюрами и другими ухищреніями. Мой спутникъ, видя, что я его не слушаю, отъ скуки началъ распѣвать, и вагонъ, вѣроятно, впервые огласили звуки „Аскольдовой могилы“. Мы неслись на краю какой-то пропасти, глубину которой однако я не могъ опредѣлить вслѣдствіе темноты.

— Кенди!—объявилъ кондукторъ.

Не успѣлъ еще контролеръ оторвать половинки нашихъ билетовъ, какъ уже насъ окружила цѣлая тол-

па бронзовыхъ извощиковъ въ чалмахъ и куда-то по-
влекла. Я началъ соображать лишь тогда, когда оч-
тился въ легкомъ и изящномъ англійскомъ экипажѣ,
который катили крупной рысью двѣ маленькія, но вы-
холенныя и сытныя лошадки. Городъ уже спалъ. На
Цейлонѣ жизнь и начинается и кончается очень рано.
И англичане и туземцы не любятъ портить зрѣнія
вечернимъ освѣщеніемъ, и предпочитаютъ жить днемъ,
при яркомъ солнцѣ, а не при лампахъ и свѣчахъ.
Чрезъ нѣсколько минутъ черномазый возница доста-
вилъ насъ въ единственную въ городѣ гостинницу
„Queen Hotel", содержимую мистеромъ Чемпбелемъ и
настолько комфортабельную, что вы не найдете такой
ни въ одномъ русскомъ городкѣ съ семнадцатью тыся-
чами жителей, т. е. въ равномъ по населенію съ Кен-
ди. Комфортъ у англичанина — главное. Онъ спокойно
обходится безъ оперы и драмы, безъ удовлетворенія
всякихъ другихъ эстетическихъ потребностей, но безъ
комфорта немыслимъ, кажется, и на необитаемомъ
островѣ. Гостинницы повсюду идутъ въ разрѣзъ съ
общею жизнью, и потому, хотя городъ и погруженъ
въ глубокій сонъ, въ „Queen Hotel" можно достать
ужинъ, равный нашему обѣду. Заказавъ ужинъ, мы
привели въ ужасъ лакеевъ-сингалезцевъ, выпивъ по
рюмкѣ коньяку безъ воды, и, насытившись, отправи-
лись въ номеръ, гдѣ насъ ожидали двѣ кровати, из

[ко]торыхъ каждая могла бы смѣло служить троимъ.
[О]бстановка номера до нельзя проста, но не забыто ни
[од]но удобство. Кровати завѣшены легкими и прозрач-
[н]ыми пологами, свободно пропускающими воздухъ, но
[в]полнѣ защищающими отъ комаровъ. При каждой кро-
[ва]ти умывальникъ съ двумя полотенцами, столикъ,
[гр]афинъ и стаканъ. Ни лубочныхъ олеографій, ни
[м]асляныхъ картинъ малярной работы не полагается,
[н]о за то обиліе воздуха и безусловная чистота.
Мой спутникъ не унимался въ своей болтовнѣ. Онъ
[с]ѣлся на кровать и началъ повѣствованіе о томъ,
[к]акъ во Владивостокѣ его хотѣли сдѣлать сумашед-
[ш]имъ, — одну изъ тѣхъ исторій, которую вы часто
[у]слышите отъ „амурцевъ": возьмутъ, объявятъ невмѣ-
[н]емымъ, а потомъ и доказывай свою правоспособность.
[Сп]особъ, довольно легкій, отдѣлаться отъ непріятнаго
[че]ловѣка, практиковавшійся, впрочемъ, недавно и въ
[Ев]ропейской Россіи. Душевная болѣзнь — это такое
[ра]стяжимое понятіе, что можно каждаго пригнать подъ
[ме]рку психопата. На Амурѣ, впрочемъ, и безъ психо-
[па]тства обходятся: тамошніе эскулапы просто-напросто
[из]обрѣли „ненормальныхъ людей". Ну-ка, подите, до-
[ка]жите, что вы нормальный? Что норма — брать взятки
[и]ли не брать? совмѣщать медицинскую практику съ
[из]возомъ или нѣтъ? Гнуть спину или держаться прямо?
[Из]вѣстные прожектеры считаются людьми вполнѣ нор-

мальными, а почитайте-ка ихъ проекты и вы усум
тесь, все-ли въ порядкѣ въ ихъ нормальныхъ голова

II.

— Экъ вы заспались, вставайте пить чай, у
семь часовъ, — разбудилъ меня утромъ К. На ст
красовался чайникъ съ кипяченнымъ на плитѣ и кр
кимъ, какъ пиво, чаемъ, горячіе сухарики, жир
сливки и прелестное масло. Соскочить съ кровати
мягкій коверъ, освѣжиться холодной водой и одѣт
въ тропическій костюмъ — было дѣломъ одной мину
Выпивъ чашку противной микстуры, которую англич
называетъ чаемъ, и совершивъ, при помощи мѣстн
парикмахера, избавленіе головы отъ излишней ро
тельности, я былъ совершенно готовъ къ осмотру
стопримѣчательностей города.

Кенди гораздо оригинальнѣе Коломбо: во всѣхъ
махъ двери открыты и замаскированы отъ любопытн
взглядовъ лишь огромными экранами. На многихъ
махъ прибиты, въ видѣ украшенія, оленьи рога:
волъ ли это горькой участи мужей, или охотнич
наклонностей обывателей рѣшить не берусь. Пов
на улицахъ масса ребятишекъ всевозможныхъ оттѣн
кожи: отъ бронзоваго до прозрачно-бѣлаго, свойст
наго сынамъ германскаго племени. Мостовыхъ, ка
въ Коломбо, нѣтъ, но всѣ улицы прекрасно шос

ваны, что гораздо удобнѣе и для лошадей и для эки-
пажей, и избавляетъ жителей отъ удовольствія слушать
надоѣдливое дребежжаніе колесъ, такъ мучащее въ
европейскихъ городахъ. Кенди утопаетъ въ зелени и
цвѣтахъ: куда ни посмотришь, цвѣтутъ махровыя ки-
тайскія розы и камеліи, гнутся подъ тяжестью увѣси-
стыхъ плодовъ кокосовыя пальмы... Мы, то и дѣло,
обгоняли старыхъ и молодыхъ бонзъ съ бритыми го-
ловами, малайцевъ въ яркихъ, пестрыхъ платьяхъ
европейскаго покроя, парсовъ въ расшитыхъ золотомъ
колпакахъ, сингалезцевъ съ дамскими гребенками, въ
роскошной натуральной шевелюрѣ, и только хри-
стіанскіе церкви, газовые фонари, да полисмены въ
синихъ курткахъ напоминали намъ объ европейской ци-
вилизаціи. Но своеобразная, похожая на какой-то фан-
тастическій балетъ, индѣйская жизнь преобладала; мы
несомнѣнно были въ Индіи, въ самой настоящей Индіи,
а не той, которую приходится видѣть въ портовыхъ
городахъ, гдѣ она уже побраталась съ Европой и стала
мѣнять свою оригинальную прелесть на нашу цивили-
зованную европейскую прозаическую монотонность, стро-
ящую и Харьковъ и Берлинъ, и Шангай по одному
шаблону, и превращающую японскаго даиміоса въ денди
съ англійскимъ проборомъ, а апраксинскаго прикащика
Живолапова — въ парижскаго бульвардье съ подетри-
женными „бачками“, какіе носятъ англійскіе офицеры.

Во время моихъ странствованій по азіатскимъ колоніям Англіи, мнѣ всегда бросалось въ глаза, что Альбіон совершенно не заботится объ англизированіи. Англи чане, повидимому, вовсе не питаютъ того страха к инородческимъ элементамъ, какой, напримѣръ, зам чается у насъ на окраинахъ. На Амурѣ трактуютъ томъ, чтобы отодвинуть отъ границъ поселившихся в Южно-Уссурійскомъ краѣ корейцевъ, изъ которых многіе приняли православіе и срѣзали свои традиціо ныя, завернутыя въ шишки, косы, а Сингапуръ г степріимно открываетъ свои двери китайцамъ. Въ Ша гаѣ и Гонконгѣ гордые сыны Британіи, не отвѣч ющіе людямъ, плохо говорящимъ по англійски, пр спокойно объясняются на особомъ англо-китайско жаргонѣ, вербуютъ въ свою полицію китайцевъ, и сл вомъ не заикаются по поводу обогащенія разны Квангъ-Воо, Вамъ-Поа и Чунъ-Синовъ. Правда о не допускаютъ равноправности для Индусовъ, синг лезцевъ и китайцевъ, но слѣдуетъ помнить, что о не сразу предоставили эту равноправность и катол камъ и евреямъ, и до сихъ поръ не пускаютъ въ па ламентъ свободныхъ мыслителей. Это не политическ девизъ divide et impera, а скорѣе общественный пре разсудокъ, въ силу котораго англичане считаютъ се первымъ народомъ въ мірѣ, а всѣхъ остальныхъ сч таютъ и грубыми и неряшливыми. Въ Приамурск

бласти существуютъ цѣлые вопросы — „манзовскій", корейскій", нѣмецкій; галдятъ о мирномъ завоеваніи рая Китаемъ, о конкуренціи иностранцевъ. Ничего по обнаго вы не встрѣтите въ англійскихъ колоніальныхъ азетахъ. Англичане увѣрены, что тамъ, гдѣ они си ятъ, они сидятъ крѣпко и съумѣютъ подавить всякіе алитическіе замыслы, если таковые дѣйствительно зятся среди туземцевъ. Говорятъ, что англичане смот ятъ на индусовъ и китайцевъ, какъ на дойный скотъ, о они ихъ эксплуатируютъ и безпощадно давятъ на огами. Но они же даютъ имъ и школы, прекрасныя авани и дороги, газовое освѣщеніе, маяки и доки, а ли культурныя удобства имѣютъ въ виду прежде всего михъ англичанъ, то все-же они не могутъ не отра аться и на интересахъ туземцевъ.

— Желаете посмотрѣть кофейную и шеколадную план цію? — спросилъ насъ гидъ, когда мы поравнялись какимъ то садомъ, по которому разгуливалъ джентль нъ съ ружьемъ. Джентльменъ этотъ оказался очень обезнымъ и весьма обстоятельно объяснилъ воздѣлы ніе кофейныхъ деревьевъ и какао, а въ заключеніе иподнесъ намъ плоды послѣдняго. Впрочемъ мнѣ, къ не понимающему по англійски, пришлось огра читься нѣмымъ созерцаніемъ, аккуратно выполотой мли и правильно разсаженныхъ кустарниковъ съ зе ными ягодками, похожими на вишни. Раскланявшись

съ джентельменомъ, мы отправились въ знаменитый ботаническій садъ.

Привратникъ, прежде всего, попросилъ насъ записать въ книгу наши фамиліи и не безъ удивленіе смотрѣлъ, какъ я прописывалъ латинскими буквами свое длинное и трудно выговариваемое прозвище. Я назвалъ ботаническій садъ въ Кенди знаменитымъ. Въ Россіи онъ вѣроятно, незнакомъ даже и ботаникамъ, но, по богатству коллекцій, по своему устройству и пространству онъ дѣйствительно долженъ быть названъ знаменитымъ. Флора жаркаго пояса Азіи, Африки, Америки и Австраліи имѣетъ въ немъ всѣхъ своихъ представителей. Ботаникъ въ этомъ саду найдетъ богатое поле для научныхъ наблюденій, а простой туристъ можетъ вдоволь налюбоваться красивой группировкой деревъ, роскошным баобабами и аллеями стройныхъ саговыхъ пальмъ, изъ которыхъ каждая можетъ поспорить ростомъ с нынѣ уже срубленной Atalea princeps, воспѣтой Гаршиннымъ. Не безъ удивленія разсматривали мы перцовыя и ванильныя деревья, чайные кусты и всякія африканскія napoleona imperialis и Цейлонскія phoenix silvestris и fricinatia radicalis. Но особенно привлекали наше вниманіе баобабы, которые такъ часто изображаются на картинкахъ. Подъ тѣнью каждаго могл бы укрыться если не цѣлое войско, то, по крайней мѣрѣ, рота солдатъ. Въ саду кипѣла работа; бронзо-

вые рабочіе, подъ наблюденіемъ англійскихъ садовниковъ, обчищали деревья и убирали пожелтѣвшіе листья. Глядя на эти листья, какъ признакъ вѣчной осени, и на почки молодыхъ, какъ зародышъ вѣчной весны, я невольно припомнилъ стихи Главка:

«Такъ, какъ древесные листья, проходятъ людей поколѣнья:
Листья древесные вѣтеръ разноситъ, и снова другіе
Съ каждой новой весной въ цвѣтущемъ лѣсу зеленѣютъ;
Такъ и людей поколѣнья: тѣ падаютъ, эти родятся;

Но эта осень, рядомъ съ лѣтомъ и весною, не производитъ того грустнаго впечатлѣнія, какъ наша сѣверная: эти желтые и красные опавшіе листья среди полнаго разсвѣта новыхъ — то-же, что покойники, которыхъ провозятъ по кипящимъ жизнью улицамъ большихъ городовъ, мимо роскошныхъ магазиновъ, афишъ, приглашающихъ въ маскарады, которыхъ обгоняютъ пышущія здоровьемъ молодыя лица, женихи, скачущіе къ невѣстамъ, люди, далекіе отъ мысли о смерти и полные надеждъ. Пусть падаютъ листья и людей поколѣнья, — природа, но новые листья и новыя поколѣнья людей будутъ жить тысячилѣтія, а въ послѣднихъ будемъ жить и мы, какъ бы ни мала была наша житейская роль. Къ тому же я скоро былъ отвлеченъ. Мои размышленія были внезапно прерваны. Предъ нами вдругъ выросла цѣлая группа туристовъ, тѣхъ турис-

товъ, которые каждою мелочью своего костюма хотятъ сказать, что они путешествуютъ; что они не заняты дѣломъ, не изучаютъ, а просто фланируютъ, имѣя средства превращать весь свѣтъ въ Итальянскій бульваръ, Невскій проспектъ, Елисейскія поля. Всѣ были въ одинаковыхъ сѣрыхъ костюмахъ, пуховыхъ шляпахъ причудливой формы и штиблетахъ. Сознавая свое фланерское достоинство, они небрежно осматривали рѣдкости сада, съ тѣмъ полускучающимъ, полуравнодушнымъ видомъ, съ какимъ фланеры ходятъ и по улицамъ надоѣвшаго имъ города и по сокровищницамъ искусства, гдѣ знатокъ цѣпенѣетъ и восторгается. Получивъ отъ проводника по вѣеру изъ коры какой то пальмы и уплативъ дань въ видѣ двухъ рупій, мы сѣли въ нашъ кэбъ и опять покатили среди пестрой толпы.

III.

Нашъ кэбъ катился по идущей винтомъ дорогѣ на какую то ужасно высокую гору. Слѣва открывались виды одинъ лучше другаго: то обнаруживалась пропасть, то взоръ ласкала широкая долина, въ которой люди представлялись муравьями, то воздвигалась цѣлая стѣна деревьевъ, спутанныхъ вьющимися растеніями. Описать всѣ эти красоты, всю эту панораму горной природы тропиковъ, могъ бы развѣ только великій художникъ. Скажу лишь, что я ощущаю что-то особен-

ное, — чувство, которое обхватываетъ лишь на лонѣ природы, да и то не всякой. Мнѣ казалось, что я вижу какой то волшебный сонъ; мое воображеніе никогда не способно было даже создать намекъ на что-нибудь подобное. Когда я глядѣлъ на выставкѣ картины Верещагина, я не вѣрилъ, чтобы природа Индіи могла быть такъ прекрасна. Но эти картины были лишь слабымъ намекомъ на то, что я видѣлъ въ описываемое время. У Верещагина небо напоминаетъ синюю бумагу, а я видѣлъ прозрачный лазурный куполъ, видѣлъ движеніе воздуха, чистаго до такой степени, что даже не было туманной дали.

Единственнымъ отравителемъ красотъ являлся К. Онъ рѣшительно ихъ не понималъ, куда-то торопилъ и жаловался на голодъ. Напрасно старался я ему указывать на сочетаніе красокъ и тѣней, которыхъ не придумалъ бы ни одинъ художникъ, — онъ бредилъ „дринкомъ“ и бифштексомъ. Понуканія о возвратѣ въ гостинницу ослабѣли лишь тогда, когда мы стали спускаться внизъ. Онъ даже не хотѣлъ осматривать знаменитаго буддійскаго храма Далада-Малагава, расположеннаго на берегу живописнѣйшаго озера и представляющаго собою главную достопримѣчательность Цейлона. Но я настоялъ на осмотрѣ. Уже ступени лѣстницы, ведущей къ храму, стоили вниманія. Къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ замѣнено новыми и хра-

нится, вѣроятно. гдѣ нибудь въ музеяхъ. Судя по сохранившимся, храмъ долженъ быть очень древнимъ: ихъ барельефы по своему характеру совершенно схожи съ ассирійскими. Я говорю, конечно, о работѣ, а не о стилѣ. На верхней площадкѣ лѣстницы былъ поставленъ огромный барельефъ Будды съ двумя слонами по бокамъ.

Храмъ окруженъ крытой галлереей, украшенной фресками, изображающими адъ и сильно напоминающими такія-же изображенія въ нашихъ церквахъ. Черти совершенно такіе, какъ на лубочныхъ картинахъ, съ надписями въ родѣ: „се діяволъ, искій кого поглотити“. Они терзаютъ грѣшниковъ совершенно тѣми-же способами, какъ и на упомянутыхъ изображеніяхъ, т. е. „припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ“ и отличаются лишь тѣмъ, что всѣ зеленые и голубые. Того-же цвѣта и демоны, имѣющіе видъ собакъ и птицъ, похожихъ на попугаевъ. Узенькій коридоръ, покрытый также фресками и барельефами, ведетъ въ обширную залу, служащую помѣщеніемъ для молящихся и украшенную стеклянными разноцвѣтными фонарями, небольшими флагами и бумажными цвѣтами. Въ одномъ изъ угловъ залы находится нѣсколько разной величины и формы барабановъ, употребляемыхъ для богослуженія. Изъ залы ведетъ нѣсколько ступеней во внутренній дворъ, гдѣ собственно и находится святилище храма, имѣющее видъ часовни съ дверями съ четырехъ сторонъ. Стѣны покрыты фресками, изъ которыхъ боковыя — изображаютъ луну и солнце, а заднія — райскія блаженства. Передъ часовней стоятъ два фонаря, въ родѣ огромныхъ стеклянныхъ шкафовъ, заключающихъ въ себѣ столько-же солидные свѣтильники. Двери храма украшены золотомъ и слоновою костью.

Какіе то попрошайки все время приставали къ намъ: они усиленно совали мнѣ цвѣты и просили мелкихъ монетъ. Покончивъ съ осмотромъ храма, мы отправились взглянуть на помѣщающуюся вблизи него залу суда. Это — обширное помѣщеніе, вполнѣ приспособленное къ климату: со входной стороны оно скорѣе является просто крытой галлереей. Въ глубинѣ залы помѣщается возвышеніе, вродѣ огромной кафедры, на которой стоитъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. По бокамъ кафедры двѣ деревянныхъ перегородки, на которыхъ красуются списки всѣхъ бывшихъ кендійскихъ судей, а передъ кафедрою помѣщается также столъ, крытый зеленымъ сукномъ. Въ залѣ сидѣло нѣсколько индусовъ въ роскошныхъ, золотомъ расшитыхъ, костюмахъ и скромно одѣтыхъ англичанъ. Мы застали пріемъ прошеній, и джентльменъ, занимавшійся имъ, любезно пригласилъ насъ осмотрѣть все помѣщеніе. Архивъ и канцелярія суда помѣщаются въ отдѣльномъ зданіи, нѣсколько темноватомъ, не изобилующемъ

свѣтомъ, но зато весьма прохладномъ, что очень важно для служителей правосудія, которые должны быть постоянно хладнокровны. Гидъ приглашалъ насъ осмотрѣть дворецъ губернатора и другой буддійскій храмъ, но мой спутникъ объявилъ, что ему надоѣло осматривать, что онъ усталъ и хочетъ ѣсть. Пришлось покориться горькой участи и ѣхать въ гостинницу. Не удалось заглянуть и въ англійскій соборъ, построенный невдалекѣ отъ буддійскихъ святынь.

Въ отмщеніе К,. я сталъ его торопить завтракать и отправляться на вокзалъ. Это дѣйствительно оказалось местью, такъ какъ К. большой гурманъ и любитъ ѣсть съ толкомъ и разстановкой, а вынужденъ былъ давиться кусками.

Огорченіе его усилилось, когда мы, пріѣхавъ на вокзалъ, узнали, что до отхода поѣзда остается около двухъ часовъ. Станціонная прислуга занималась уборкой комнатъ, пассажировъ никого не было, и даже швейцаръ разгуливалъ безъ сюртука. Если бы не черное лицо, то его можно было бы принять за одного изъ нашихъ николаевскихъ унтеровъ, которые еще сохранились въ нѣкоторыхъ казенныхъ учрежденіяхъ. Отъ нечего дѣлать, иду прогуляться около вокзала. Неподалеку расположена тюрьма, представляющая собою цѣлый городокъ. Немного дальше помѣщается рынокъ — каменная постройка, довольно чисто содержи-

мая. Близь рынка я наткнулся на зрѣлище, котораго, вѣроятно, нигдѣ, къ позору Англіи въ цивилизованныхъ странахъ не увижу. Вели партію арестантовъ, конечно, туземцевъ, и среди нихъ въ кандалахъ шла женщина. Есть, значитъ, пятна и на солнцѣ. Впрочемъ, на англійскомъ солнцѣ ихъ много, довольно много наберется, если вѣрить Тэну, Жаколье и собственнымъ сатирикамъ Англіи. На вокзалѣ я купилъ брошюрку изданія христіанскаго общества просвѣщенія „The Geography of Ceylon“ и принялся ее разсматривать, въ ожиданіи поѣзда и пробужденія моего спутника, который на деревянной скамейкѣ задавалъ молодецкій храпъ. Изъ этой брошюрки и изъ того, что имѣлъ подъ рукою, я узналъ, что Кенди—главный городъ центральной провинціи и находится на высотѣ 1680 футовъ надъ уровнемъ моря. Основанъ онъ нѣкіимъ Пандитой-Премрама-Баху III-мъ около 1200 года до Р. X. и долго былъ столицею древней цейлонской монархіи. Въ немъ же укрывались послѣдніе туземные цари, сперва отъ нападенія малабарцевъ, а потомъ португальцевъ. Въ 1803 году, Кенди былъ взятъ и сожженъ англичанами, и отъ произведеннаго ими пожара уцѣлѣлъ лишь видѣнный мною храмъ, да тѣ разныя колонны, которыя стоятъ теперь въ залѣ суда, а прежде служили украшеніемъ царскаго дворца. Напоминаніемъ о древней царской власти остаются еще ея

символы въ видѣ изображеній, попремѣнно солнца и луны, окруженныхъ львами, на боковыхъ стѣнахъ святилища храма, въ которомъ хранится подъ золотымъ колпакомъ зубъ Будды. По буддійскому преданію, этотъ зубъ былъ принесенъ на Цейлонъ въ IV вѣкѣ до Р. Х.; но тѣ, кто его видѣлъ, утверждаютъ, что это просто зубъ какого-то животнаго.

Пока я перелистывалъ брошюрку, на вокзалѣ началось движеніе. „Николаевскій" швейцаръ облекся въ синюю куртку съ нашивками и красную шапочку, къ платформѣ стали подъѣзжать разной формы экипажи съ леди и джентльменами, или просто нагруженные разными чемоданами, баулами, желѣзными сундучками и картонками. Все это подхватывалось носильщиками, необыкновенно скоро вѣшалось и куда-то увозилось на тачкахъ. Англійскія барыни, всѣ перетянутыя въ корсеты, не исключая даже старухъ, своимъ поведеніемъ напоминали нѣсколько россіянокъ: онѣ много суетились, кричали что-то извощикамъ и носильщикамъ, въ самую нужную минуту не находили въ карманахъ портмоне и торопили мужчинъ. За то послѣдніе сохраняли олимпійское спокойствіе и вели себя такъ, какъ будто никуда и не ѣхали. Гейне въ одномъ мѣстѣ называетъ англичанъ „цивилизованными варварами". Это нѣсколько преувеличено, но очень характеристично. Есть что-то напыщенное, холодное,

сухое и безсердечное въ достаточномъ англичанинѣ. Глядя на эти вытянутыя, вѣчно чопорныя фигуры, такъ и кажется, что онѣ своею излишнею сдержанною надутостью хотятъ замаскировать грубость своей натуры. Я преклоняюсь предъ ихъ энергіей и желѣзной волей, предъ ихъ умѣніемъ устроиться въ колоніяхъ и замѣчательными сооруженіями; но всегда, когда я смотрю на эти сооруженія, мнѣ рисуется и оборотная сторона медали. Сидя въ роскошныхъ залахъ гостинницъ и любуясь изящными леди, въ бѣлыхъ платьяхъ съ кокетливо приколотыми цвѣтами въ волосахъ, и выбритыми, причесанными и выхоленными джентльменами, я представлялъ себѣ тѣхъ лондонскихъ бѣдняковъ, которыхъ съ такимъ трагизмомъ изображалъ Густавъ Дорэ, и припоминалъ сцены изъ „Холоднаго дома!" Минутами мнѣ даже казалось, что я вижу на дамскихъ ручкахъ и бѣлыхъ галстукахъ джентльменовъ капли той крови, цѣною которой куплена вся эта роскошь и фешенебельность!

Раздался звонокъ, откуда-то изъ воротъ къ платформѣ подошелъ поѣздъ, и все бросилось въ вагоны. Прошло нѣсколько минутъ, паровозъ свистнулъ, и я могъ только бросить привѣтъ живописному городку, гдѣ провелъ нѣсколько дѣйствительно пріятныхъ минутъ и котораго, конечно, ужъ не увижу въ своихъ скитаніяхъ по свѣту.

IV.

Трудно описать дорогу, по которой мы ѣхали: поѣздъ извивался то среди тропическаго лѣса, съ его кокосами, хлѣбными деревьями и бананами, то среди сѣрыхъ и темно-коричневыхъ скалъ, съ пробивающимися родниками, то нырялъ въ туннели, которыхъ я насчиталъ цѣлыхъ десять, то шелъ по краю обрыва въ нѣсколько сотъ футовъ глубины, и иногда предъ нашими глазами проходила та чудная картина, которую можно видѣть только въ гористыхъ странахъ.

Вторая станція отъ Кенди, Кудуганнова, стоитъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Неподалеку отъ вокзала, на пригоркѣ возвышается обелискъ;—это памятникъ губернатору острова, сэру Эдварду Бернею, при которомъ было построено инженеромъ, капитаномъ Девсономъ, Кендійское шоссе. Не знаю, живутъ ли теперь, но лѣтъ тридцать тому назадъ, тутъ обитали родіи или цейлонскіе паріи, ведшіе свой родъ отъ принцессы Наваратна-Валли, имѣвшей неосторожность увлечься мужчиною низшей касты и родившей отъ него сына. Такое „преступленіе“ влекло за собою смертную казнь, но легкомысленная и увлекающаяся принцесса какъ-то избѣжала смерти и даже соединила вокругъ себя различныхъ провинившихся аристократовъ. Легенда—схожая съ основаніемъ Рима, которая, впрочемъ, не принесла родіямъ никакой радости, и дальнѣйшая ихъ исторія есть совершенная противоположность исторіи потомства бѣглецовъ, собравшихся вокругъ сыновей весталки Реи Сильвіи. Римляне покорили весь тогдашній міръ, вели обширную торговлю и пополняли толпы своихъ рабовъ людьми всевозможныхъ націй. Родіи не имѣли права владѣть ни однимъ клочкомъ земли, не имѣли права торговать и принуждены были жить особнякомъ. Имъ запрещалось даже черпать воду изъ колодцевъ и рѣкъ вблизи городовъ, и ихъ пищу составляла падаль,—городскіе отброски, предметы ихъ ловли и охоты. Не имѣя никакихъ правъ, родіи тѣмъ не менѣе, несли обязанности: они должны были очищать дороги отъ палаго скота и доставлять дань царямъ, въ видѣ ремней, которыми держатъ на привязи дикихъ, только что пойманныхъ слоновъ. Нести повинности и не имѣть правъ, впрочемъ, не есть привилегія исключительно родіевъ, можно сказать, что и во многихъ цивилизованныхъ странахъ есть своего рода родіи, именуемые только другимъ образомъ. Англійское завоеваніе, принизивъ высшіе касты, конечно, вернуло человѣческія права несчастнымъ паріямъ, и такимъ образомъ лишній разъ подтвердило пословицу, что „нѣтъ худа безъ добра“.

Какъ гласитъ одна англійская брошюрка, начиная отъ Кадуганнова, мѣстность понижается къ уровню

моря. Тѣмъ не менѣе, еще долго виды, одинъ другаго живописнѣе, проходили предъ нашими глазами, словно движущаяся декорація. Не смотря на гранитныя скалы и глинистую почву, горы покрыты рощами и лѣсами; тамъ и сямъ виднѣются кофейныя плантаціи и рисовыя поля, спускающіяся уступами, напоминающими, — когда на нихъ глядишь сверху, — плохо выстриженные рекрутскіе затылки.

Первыя кофейныя плантаціи были насажены голландцами, слишкомъ два вѣка назадъ, но вслѣдствіе своей торговой политики, стремившейся поддерживать повсюду монополію, голландцы не развивали кофейнаго дѣла на Цейлонѣ, опасаясь повредить успѣхамъ того-же дѣла на островѣ Ява. Первые опыты правильнаго разведенія кофейныхъ плантацій были сдѣланы лишь въ 1825 году, уже англичанами. Съ тѣхъ поръ цѣнность цейлонскаго кофе, благодаря улучшеніяхъ его культуры, значительно возрасла, хотя его качества и уступаютъ качествамъ кофе, ростущаго на индѣйскомъ материкѣ, въ силу уже чисто климатическихъ условій. Урокъ весьма поучительный для многихъ финансистовъ и самозванныхъ политико-экономовъ. Но время обратиться къ пейзажу. Горные ручейки пробиваются изъ трещинъ скалъ, падаютъ съ обрывовъ водопадами и затѣмъ опять мирно журчатъ по камиямъ. Мѣстами между зеленью бѣлѣютъ мазанки, которыя навѣрно бы дали поводъ украинскому патріоту г. Мордовцеву отыскать среди сингалезцевъ и тамиловъ — пирятинскихъ казаковъ. Но я, при всемъ моемъ уваженіи ко всякаго рода патріотизму, при всей любви къ Малороссіи и поэзіи Гоголя и Шевченки, не нашелъ на Цейлонѣ даже и нѣжинскихъ грековъ, хотя между туземцами попадаются обладатели такихъ носовъ, которымъ позавидывалъ бы любой одесскій или таганрогскій негоціантъ изъ Фанара или Кефалоніи. Вотъ обрывы стали рѣже и не такъ глубоки, горъ уже не укутывали, словно чадрой, облака, все чаще и чаще попадались плоскогорія, и мы незамѣтно спустились въ въ однообразную низменность, которая уже не очаровывала взора, не приковывала къ окну. Мнѣ оставалось любоваться лишь миловидной сосѣдкой: къ ея свѣтлорусымъ волосамъ и блѣдному личику такъ шло бѣлое платьице, обрисовывавшее стройную и гибкую талію, какими обладаютъ лишь англичанки, конечно, хорошенькія. Это таліи совсѣмъ особыя, — не кокетливыя и наводящія на грѣховныя мысли таліи парижанокъ и варшавянокъ, которыя такъ и хочется обнять, а цѣломудренныя и строго изящныя, какъ сами англійскія красавицы. Поѣздъ летитъ, мелькаютъ деревья, рисовыя поля и болота, и вотъ мы снова въ Коломбо. Прощай, чудная природа! прощайте, горы и долины Цейлона!

Послѣ живописныхъ видовъ, послѣ чисто туземнаго

колорита Цейлона, меня уже не занимали знакомыя улицы Коломбо, пока насъ везли на пристань, гдѣ мы пересѣли на маленькій пароходикъ компаніи восточнаго пароходства, совершающій рейсы между судами, стоящими на рейдѣ.

V.

А нашъ пароходъ сегодня чуть не пустилъ ко дну англійскій! — встрѣтилъ меня новостью одинъ изъ моихъ спутниковъ, докторъ Ш., когда я сѣлъ за обѣденный столъ.

— Нарочно или нѣтъ?

А Богъ его знаетъ. Во всякомъ случаѣ, по этому поводу слѣдуетъ выпить рюмку очищенной. Нельзя было не одобрить такого предложенія въ виду хорошей закуски, состоявшей изъ свѣжей сочной колбасы, молодой редиски и креветокъ.

— А вы много потеряли, не побывавъ въ Кенди— говорю я доктору, чокнувшись съ нимъ рюмкой.

— А что?

— Да то, что всѣ эти Коломбо, Сингапуры—дрянь по сравненію съ тѣмъ, что видѣлъ я вчера и сегодня.

— И „дринкъ" славный мы вчера сдѣлали не удержался высказать свое основное впечатлѣніе К.

На палубѣ вплоть до сумерекъ идетъ настоящій базаръ: тутъ и цейлонскія издѣлія, и сочные ананасы,

и толстокожіе, довольно безвкусные апельсины. Пассажиры снуютъ изъ угла въ уголъ съ брилліантовыми кольцами, рубинами, жемчугомъ, кошачьими глазами и лунными камнями. До глубокой ночи я только и слышалъ, что разговоры о покупкахъ, словно въ Коломбо и нѣтъ ничего другаго, кромѣ товаровъ, да фальшивыхъ и натуральныхъ драгоцѣнныхъ камней. Пускай природа будетъ хороша, какъ земной рай, пускай въ городѣ высятся древніе храмы, а музеи славятся своими коллекціями, — большинство русскихъ путешественниковъ остается къ нимъ равнодушно. У насъ на пароходѣ были и такіе путешественники, которые говорили: а очень мнѣ нужно осматривать всякій вздоръ! Чего я тамъ не видалъ? Да и въ самомъ дѣлѣ какой интересъ человѣку осматривать то, что не говоритъ ничего ни его уму, ни сердцу. Еще потомъ нужно рыться въ книгахъ и припоминать, кто такой Брама и кто былъ Будда, отчего въ храмѣ стоитъ такъ много Буддъ и пр. Я помню, что однажды въ разговорѣ о буддійскихъ храмахъ, я сталъ нѣсколько подробно распространяться о трехъ родахъ яктасовъ (демоны-убійцы); о прета, живущихъ въ пространствѣ, о мара, живущихъ въ тѣлѣ и о страстяхъ, живущихъ въ душѣ. Говорилъ о самомъ страшномъ изъ яктасовъ — Пивасатвѣ, котораго индусы изображаютъ съ гривой, разинутымъ ртомъ, торчащими клыками и свернутымъ въ

трубку языкомъ, съ красными бѣлками и голубыми глазами. Слушательницей моей была дама. Она снисходительно внимала моимъ разсказамъ; но только я дошелъ до того, что у Пивасатвы всегда въ рукахъ петля и дубина, какъ барыня меня перебила:

— Скажите, гдѣ вы купили такія хорошенькія запонки? спросила она меня.

— Въ Петербургѣ. Такъ видите ли у Пивасатвы есть жена Иззамунти и восьмеро дѣтей.

— Ахъ, да бросьте вы вашу индѣйщину. Вы точно индѣйскій пѣтухъ. Правда, что съ вами говорить нельзя. Нашли разговоръ про какихъ то тамъ буддійскихъ демоновъ! Вы разскажите-ка что нибудь о петербургскомъ бомондѣ.

Возвращаюсь однако къ Коломбо. Солнце сѣло, торговцы убрались. На пароходѣ водворилась обыденная жизнь. Пассажиры, какъ лютые враги, подѣлились на кружки. Неподалеку отъ насъ стоялъ пароходъ общества „Messagerie maritime“. Тамъ кипѣла работа, шумѣла лебедка, горѣлъ электрическій свѣтъ. Въ городѣ, среди массы огоньковъ, ярко лилъ потоки лучей электрическій фонарь маяка. Я припоминалъ свое первое посѣщеніе Коломбо, веселый обѣдъ въ „Hotel Oriental“. Увы! одинъ изъ моихъ тогдашнихъ спутниковъ успѣлъ уже поплатиться за честное отношеніе къ дѣлу и на Сахалинѣ сошелъ съ ума. Мысль объ этомъ борцѣ

за правду перенесла меня и въ покинутый Южно-Усурійскій край, напомнила оборванныхъ истощенныхъ переселенцевъ, которыхъ съ женами и грудными дѣтьми высаживали на пустынный берегъ, предоставляя имъ устраиваться, какъ знаютъ. Опять, какъ живой, предсталъ фразеръ администраторъ, проповѣдывавшій либеральную идею о невмѣшательствѣ въ экономическую жизнь переселенцевъ и въ то-же время регулировавшій даже браки послѣднихъ. Припомнился длинный рядъ всякаго произвола и самодурства, возможнаго лишь тамъ, гдѣ „до Царя далеко и да Бога высоко“. А съ неба свѣтилъ серебряный серпъ мѣсяца, въ воздухѣ было что то живительное, ласкающее. Тихо плескали волны о каменный молъ. Печальныя и мрачныя мысли смѣнялись другими, припоминались чудныя ночи Новороссіи, гдѣ я провелъ свою юность, какъ любовался я когда то ими, сидя у окна и мечтая о своихъ будущихъ подвигахъ, о томъ, какъ сдѣлаю много-много добра. То была славная пора, пора вѣры и иллюзій, въ которыхъ слишкомъ рано пришлось разочароваться но которыя часто поддерживали меня въ трудныя минуты жизни и не давали погрязнуть въ житейскомъ омутѣ.

— А мы были у Араби-паши, — прервала мои мечты одна изъ пассажирокъ.

— Что-же видѣли знаменитаго египетскаго патріота и бывшую грозу англичанъ.

— Къ сожалѣнію нѣтъ, онъ извинился, что не можетъ насъ принять, велѣлъ подать намъ кофей и роскошные букеты.

Я нашелъ, что это очень любезно, хотя и слишкомъ ужъ по королевски. Впрочемъ и то сказать, какой интересъ представляли для египетскаго борца за независимость владивостокскія и сахалинскія барыни, даже самыя милыя и хорошенькія.

Утромъ я пустился въ новыя странствованія по берегу, не желая подвергать себя пароходной скукѣ, которой оставалось еще почти мѣсяцъ, и пользуясь тѣмъ, что къ намъ пришелъ пароходикъ „Восточной компаніи". Не успѣлъ я вступить на землю, какъ уже откуда-то выросъ гидъ.

— Желаете, господинъ, купить индѣйскія матеріи, осмотрѣть музей, кафедральный соборъ, не хотите ли отправиться на почту?—тараторилъ онъ на ломанномъ французскомъ языкѣ.

Я шелъ молча. Но Гидъ не отставалъ.

— Не сюда, не сюда, пойдемте на право: я вамъ покажу, гдѣ можно купить индѣйскія трости, — не унимался онъ.

Къ моему счастью, я встрѣтилъ одного нашего пассажира, который, при помощи полисмена, и освободилъ меня отъ навязчиваго сингалезца. Очутившись на свободѣ, я рѣшился ничего не осматривать, а просто гулять. Это лучшій способъ присмотрѣться къ самому

интересному — къ уличной жизни. Большинство путешественниковъ именно ее — то и не описываютъ, за исключеніемъ развѣ такихъ, какъ Гончаровъ. Описанію музеевъ, монументовъ, церквей посвящаются цѣлыя страницы, изъ сочиненій по этнографіи выхватываются цѣлые листы для описанія типовъ, а какъ живутъ — люди — объ этомъ говорятъ лишь вскользъ или распространяются о томъ, что уже сто разъ было описано: что въ Коломбо 120 тысячъ жителей, что въ немъ имѣются коллегіи св. Ѳомы, что барыни по утрамъ ходятъ въ кисейныхъ капотахъ, что Коломбо основанъ въ 495 г. до Р. Х. и т. д.

Мимо меня прошелъ мальчуганъ съ книгами подъ мышкой, заложивъ руки въ карманы и заломивъ шляпу на затылокъ. Вся его не дѣтски самостоятельная фигура такъ и говорила о томъ, что это — будущій коммерсантъ, имя котораго, быть можетъ, уже красуется на заголовкѣ фирмы. За нимъ прослѣдовала цѣлая толпа школьниковъ. Они другъ друга толкали, задѣвали прохожихъ, размахивали сумками и перевязанными ремнемъ книгами, и, вообще, вели себя, какъ всѣ школьники въ мірѣ: въ дѣтскомъ возрастѣ рѣдко встрѣтишь расовыя особенности вкусовъ и привычекъ. Дѣти почти вездѣ одинаковы, даже игры у нихъ однѣ и тѣже. Извощики въ красныхъ и бѣлыхъ чалмахъ дремали на козлахъ. Парсы шли съ озабоченнымъ ви-

домъ и зонтиками подъ мышкой; сингалезцы, наоборотъ, обнаруживали болѣе подвижности. Англичане въ колоніяхъ, повидимому, презираютъ ходьбу, и я встрѣчалъ—не въ экипажахъ—только солдатъ, которые разгуливаютъ безъ всякаго оружія съ тросточками въ рукахъ. Европейскій кварталъ Мутвелль, — а я гулялъ по немъ, — вообще не отличается оживленіемъ: тутъ жизнь кипитъ внутри домовъ: въ конторахъ, банкахъ и административныхъ учрежденіяхъ, или въ гостинницѣ, гдѣ цѣлый день сидятъ за столиками, или лежатъ въ лонгшезахъ. Если кто и совершаетъ это передвиженіе, такъ это туземцы. Въ колоніяхъ нѣтъ ни фланеровъ ни визитеровъ: каждый занятъ дѣломъ, да и у кого явится охота фланировать при сорокаградусной жарѣ? Туристовъ тоже почти нѣтъ. Вообще Мутвелль кварталъ исключительно дѣловой, а потому и скучный, хотя, — какъ гласитъ моя брошюрка, — и самый красивый въ городѣ. Лишь разнощики оживляютъ его монотонность своими криками, да извощики — хлопаньемъ длинныхъ бичей. Кипучая жизнь Востока идетъ въ туземныхъ кварталахъ: тамъ — безпрерывная ярморка и, какъ во всѣхъ чисто — азіатскихъ городахъ, только самые интимные акты совершаются не на глазахъ публики. Жители юга не прячутся во внутрь домовъ, а живутъ на глазахъ публики, на улицахъ. На улицѣ варится обѣдъ, тутъ же мать кор-

митъ своего ребенка, моетъ и чешетъ старшихъ дѣтей. Только люди, болѣе усвоившіе цивилизацію, начинаютъ прятаться отъ глазъ наблюдателя. Въ находящемся среди города озерѣ, по которому снуютъ лодки, мужчины, женщины и дѣти, не смотря на проѣзжающіе экипажи и снующую толпу, купаются совершенно открыто и, повидимому, имъ даже въ голову не приходитъ, что это можетъ шокировать кого нибудь. Впрочемъ понятіе о приличіяхъ — такая относительная вещь. Англичане ни за что не станутъ курить при дамахъ, но я самъ видѣлъ, какъ тѣ же англичане въ Сингапурѣ, играя на городской площади въ крикетъ, снимали сюртуки. Наши помѣщики, во время оно, принимали гостей въ халатахъ, американцы заплевываютъ стѣны и ковры своихъ гостинницъ, а придворныя дамы Елизаветы англійской ругались, какъ извощики. Побродивъ по улицамъ, я вспомнилъ, что въ «Oriental Hotel» проживаютъ нѣкоторые изъ пассажировъ нашего парохода и зашелъ о нихъ справиться. Они оказались дома. Номера отеля менѣе комфортабельны, чѣмъ таковые той гостинницы, въ которой мы останавливались въ Кенди и нѣсколько походятъ на наши уѣздные россійскіе, но и въ нихъ господствуетъ англійская чистота. Пассажиры пригласили меня завтракать въ общую залу. Отъ завтрака я отказался, но пошелъ съ ними посидѣть и по наблюдать „гордыхъ бритовъ“

Хозяинъ отеля сновалъ отъ стола къ столу и любезно вступалъ въ разговоры съ гостями. Съ нимъ охотно бесѣдовали, но ни одинъ изъ посѣтителей не протянулъ ему руки, какъ это дѣлается у насъ. А вѣдь, вѣроятно, онъ не беднѣе нашихъ Балашовыхъ и Понсе.

VI.

Заканчивая свои воспоминанія о Цейлонѣ, не могу не сказать нѣсколько словъ объ индѣйскихъ фокусникахъ и заклинателяхъ змѣй и о великолѣпномъ молѣ въ Коломбо. О фокусникахъ и заклинателяхъ столько писали и еще больше разсказываютъ, что я ожидалъ отъ нихъ положительно чудесъ. Одинъ Жакалью посвятилъ имъ чуть не цѣлую главу и способенъ увѣрить каждаго, что чудеса еще не перевелись на земномъ шарѣ. Къ намъ на пароходъ, пріѣзжало два фокусника, но не одинъ изъ нихъ не исторгъ у зрителя того удивленія, которое производятъ разсказы французскаго путешественника. Всѣ ихъ фокусы давно уже продѣлываются фокусниками европейскими и основаны исключительно на ловкости рукъ. Выращиваніе въ нѣсколько минутъ растенія въ Европѣ дѣлается гораздо искуснѣе. Одинъ изъ пароходныхъ пассажировъ, смѣясь, даже показалъ индусу, что листья только что выросшаго изъ сѣмени деревца уже попорчены гусеницами. Опыты гипнотизированія раковъ и куръ, которые я видѣлъ

въ Европѣ, гораздо интереснѣе укрощенія, порядкомъ измученныхъ, очковыхъ змѣй. Заклинатель открываетъ крышку плетенки, въ которой лежитъ змѣя, и начинаетъ играть на дудочкѣ, не спуская со змѣи глазъ. Змѣя остается все время неподвижной, затѣмъ фокусникъ ее дразнитъ и моментально захлопываетъ крышку. Мои спутники — доктора разсматривали змѣй и говорили, что лишь у одной изъ нихъ не вырваны ядовитые зубы, — именно у той, которую и не гипнотизировали.

Самою интересною частью програмы было жонглированіе, но и опыты послѣдняго не хуже продѣлываются китайскими эквилибристами, пріѣзжающими во Владивостокъ и дающими свои представленія на базарѣ европейскимъ жонглерамъ, однако далеко до тѣхъ и другихъ. Китайскій и индѣйскій жонглеръ, напримѣръ, ставитъ пять, шесть палокъ одна на другую, на верхнюю помѣщаетъ мѣдную тарелку и начинаетъ ее вертѣть, балансируя палками. Индусъ, показывавшій фокусы на пароходѣ, помѣщалъ огромный мѣдный тазъ на тоненькую тростиковую тросточку, которая то совершенно сгибалась, то выпрямлялась, и выдѣлывалъ съ нимъ положительныя чудеса.

Молъ въ Коломбо — чудо которое бросается въ глаза лишь спеціалистамъ. Построенъ онъ на глубинѣ, доступной для самыхъ глубоко-сидящихъ фрегатовъ, и тянется, по крайней

на версту. Соорудили его чуть ли не всего въ два года, и соорудили при помощи арестантскаго труда, который у насъ на Сахалинѣ оказывается никуда негоднымъ, благодаря неспособности кабинетныхъ тюрьмовѣдовъ. Не говоря уже о прочности постройки, которая разсчитана на океанійскія волны, молъ очень красивъ. Помѣщающаяся на его концѣ каменная башенка для створныхъ огней—положительная игрушечка. И все это сдѣлано не спеціалистами-каменьщиками, а людьми, никогда даже не видавшими, какъ подобныя работы совершаются. Мы все ищемъ удобныя гавани, засоряя и тѣ, которыя у насъ есть, какъ напримѣръ, таганрогскую, а англичане превращаютъ въ гавани чуть не открытое море. И ничего-то для нихъ нѣтъ невозможнаго. Какъ хотите, имъ можно не симпатизировать, изъ патріотизма даже ненавидѣть ихъ; но невозможно не относиться съ уваженіемъ и не стараться имъ подражать. Англичане горды, но вѣдь и нѣмцы горды, и мы кричимъ, что „всѣхъ шапками закидаемъ“. Вся разница въ томъ, что англичанамъ есть чѣмъ гордиться, что они, если и проливаютъ чужую кровь, то несутъ вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ и цивилизацію, а не торжество грубой силы, какъ нѣмцы, объединенные подъ прусской каской. Сиръ Берней, стоящій на площади въ Коломбо, если бы его бронзовая статуя заговорила, могъ бы сказать: „я сжегъ

Кенди, но посмотрите, что я соорудилъ; мои соотечественники круто обходятся съ покоренными, но они достаточно имъ даютъ!“ А многіе ли изъ побѣдителей имѣютъ право сказать то-же? Мы двадцать лѣтъ хозяйничаемъ во Владивостокѣ, а что онъ предъ Гонконгомъ который немного его старѣе? жалкая деревушка, не имѣющая даже каменной церкви, гдѣ если и есть что хорошее, такъ оно сдѣлано нѣмцами или финляндцами. Я — патріотъ, но именно въ силу этого патріотизма, въ силу горячей любви ко благу своего народа, я и думаю, что мы должны преклонить головы передъ „цивилизованными варварами“, а не кичиться какими то мистическими преимуществами. Лишь откинувъ квасной патріотизмъ, переставъ кичиться передъ гнилымъ западомъ и позаимствовавъ у него еще много хорошаго, мы снова сдѣлаемся истинными патріотами, Такому патріотизму училъ насъ князь В. О. Одоевскій, одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей и писателей XIX вѣка, умѣвшій и любить свой народъ и отрѣшаться отъ китайскаго самообольщенія, при оцѣнкѣ государственныхъ и общественныхъ нуждъ.